

ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОДА МОСКВЫ
«МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Уразгалиев Руслан Маратович

**ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
В ОТНОШЕНИИ КАТОЛИЧЕСКОГО И ЛЮТЕРАНСКОГО
НАСЕЛЕНИЯ В АСТРАХАНСКОЙ И САРАТОВСКОЙ
ГУБЕРНИЯХ В 1861–1917 ГГ.**

Специальность 5.6.1. – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
Музафарова Нэлли Идиатовна

Москва – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Католические и лютеранские общины Астраханской и Саратовской губерний в 1861–1917 гг.	30
1.1. Динамика формирования католического сообщества	30
1.2. Численность и структура лютеранского населения	49
Глава 2. Правительственная политика по отношению к католикам и лютеранам Астраханской и Саратовской губерний в 1861–1905 гг.	66
2.1. Влияние польского восстания 1863–1864 гг. на положение католического населения.....	66
2.2. Повседневная жизнь католиков и лютеран.....	93
Глава 3. Государственная политика в отношении католиков и лютеран Астраханской и Саратовской губерний в начале XX в.	122
3.1. Католики и лютеране в условиях Первой русской революции 1905–1907 гг.	122
3.2. Влияние Первой мировой войны на положение католического и лютеранского населения	130
Заключение	150
Список источников и литературы	154

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования обусловлена необходимостью предотвращения межконфессиональных конфликтов и укрепления взаимопонимания многонационального современного российского общества. Согласно статье 14 Конституции РФ «Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом»¹, при этом данное положение не отменяет того факта, что государство и общество могут оказывать религиозным объединениям поддержку на избирательной основе, принимая во внимание число приверженцев, традиционность, вовлеченность в общественно полезную деятельность представителей тех или иных конфессий. Исторические стереотипы и заблуждения относительно истории распространения и деятельности католической и лютеранской конфессий в России, при которых они выступают не интегральной частью российского общества, а чуждым элементом, препятствуют повышению сплоченности социума вокруг духовно-нравственных ценностей.

Для поддержания межрелигиозного мира и согласия в российском обществе, а также защиты и сохранения историко-культурного наследия народов России полезным может быть исследование накопившегося исторического опыта политики российского правительства в отношении католического и лютеранского населения Астраханской и Саратовской губерний в 1861–1917 гг.

Результаты научных изысканий по истории политики российского государства в отношении католического и лютеранского населения России позволяют выявить основные векторы исследования государственно-конфессиональных отношений. Кроме того, они являются важными для заполнения пробелов в историческом знании о роли представителей данных

---

¹ Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 18.02.2025).

конфессий в экономической, общественно-политической и культурной жизни Астраханской и Саратовской губерний.

Объектом исследования является католическое и лютеранское население Астраханской и Саратовской губерний в 1861–1917 гг.

Предметом исследования выступает комплекс правительственных мер, связанных с социально-политической, духовной жизнью, с управлением демографическими, переселенческими процессами в среде католического и лютеранского населения Астраханской и Саратовской губерний в 1861–1917 гг.

Степень научной изученности темы. Анализ научных работ показывает, что исследований, посвященных истории взаимоотношений лютеранских и католических церквей с обществом и государством в Астраханской и Саратовской губерниях в 1861–1917 гг., немного. Однако историография изучения данных конфессий довольно обширна, особенно выделим те издания, которые по крайней мере в некоторой степени касались вопроса государственной политики в отношении католиков и лютеран.

Исходя из подходов к проблеме и общей направленности работ, предлагается выделить три этапа изучения темы: дореволюционный, советский и современный.

Дореволюционный период изучения политики российской власти в отношении неправославных конфессий христианства характеризуется рассмотрением темы представителями как консервативного, так и либерального направления. Основным принципом, которому следовало имперское правительство в оценке деятельности западных конфессий, по словам профессора М.Е. Красножена, определялся двумя идеями: «охранением господствующей Православной веры и невмешательством во внутреннюю жизнь иноверцев»¹. К представителям такого охранительного направления относятся обер-прокурор

---

¹ Красножен М.Е. Иноверцы на Руси. Т. I. Положение неправославных христиан в России. Юрьев: тип. К. Маттисона, 1900. С. 9.

Святейшего Синода Д.А. Толстой¹ и историк-публицист М.И. Городецкий². Рассматривая проблему конфессиональной политики с позиции антипатии к римскому католицизму, Д.А. Толстой демонстрировал российскому обществу опасность укрепления Римско-католической церкви в стране. Статья М.И. Городецкого позволила дополнить картину появления католической епархии в Тирасполе. Последующий перенос ее резиденции в Саратов представлен автором в русле стремления Ватикана распространить свою конфессию как можно шире среди православного населения. В работе продемонстрирован новый взгляд на причины появления католического епископа и окружающих его духовных лиц именно в Саратове, акцент сделан на сближении католических иерархов с семьями местных чиновников и дворян. Особый интерес в исследовании представляет изучение динамики численности римско-католиков Тираспольской епархии за первые 30 лет ее существования.

Проблема распространения католицизма и лютеранства регулярно поднималась в работах по истории немецких колоний в Астраханской и Саратовской губерниях. В 1860-е гг. смотрителем колоний иностранных поселенцев Саратова А.А. Клаусом была дана характеристика государственной политики в отношении католического и лютеранского населения поволжских колоний. В своей работе³, которая стала прологом проведения реформы упразднения статуса колонистов в 1871 г., автор отстаивал мнение, что политика правительства должна быть направлена на более полное включение колонистов в структуру российской жизни. Обосновывая необходимость реформ, А.А. Клаус критически оценивал католическое духовенство и отметил его пагубное влияние на развитие немецкой народной школы. В действиях лютеранского духовенства автор усмотрел стремление к личным интересам, поэтому улучшение

---

¹ Толстой Д.А. Римский католицизм в России. Историческое исследование. Т. 1–2. СПб.: Издание и типография В.Ф. Демакова, 1876–1877. 544 с.

² Городецкий М.И. К истории римского католицизма в России (Тираспольская или Саратовская латинская епархия) // Исторический вестник. 1889. Т. 38. № 10. С. 122–134.

³ Клаус А.А. Наши колонии. Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. СПб.: Типография В.В. Нусвальта, 1869. 516 с.

нравственности колонистов являлось для них не главной задачей. Через два года была совершена попытка решения накопившихся проблем самим А.А. Клаусом, который стал одним из авторов текста Указа 1871 г.

Немецкие переселенцы Астраханской и Саратовской губерний интересовали русского историка Ф.В. Духовникова¹, в исследовании которого была рассмотрена история начального этапа функционирования инославных церквей в Саратове. Автор пришел к выводу о том, что трудности, с которыми столкнулись первые колонисты в чужой стране, способствовали духовному сближению католиков и лютеран.

В работе депутата Я.Е. I Государственной думы Дитца², опубликованной спустя 80 лет после ее написания, рассматривались различные аспекты религиозной жизни поволжских немцев, в частности, история становления Саратовской евангелическо-лютеранской консистории и Тираспольской римско-католической епархии. В активном распространении баптизма автор обвинял лютеранских пасторов, которые сделали паству равнодушной к религии. Удерживание лютеран от перехода в сектантство автор связывал с политикой государства, а именно легализацией баптизма, которое, по мысли Я.Е. Дитца, охладило к нему интерес у лютеран.

В начале XX в. авторами исследований чаще всего выступали православные священнослужители, проводившие миссионерскую работу в регионе: кафедральный протоиерей Успенского собора И.Н. Летницкий³, кандидат богословия И.И. Саввинский⁴ рассматривали пути распространения католичества

---

¹ Духовников Ф.В. Немцы, другие иностранцы и пришлые люди в Саратове // Саратовский край. Исторические очерки, воспоминания, материалы. Вып. I. Саратов: Паровая скоропечатня губернского правления, 1893. С. 237–264.

² Дитц Я.Е. История поволжских немцев-колонистов. М.: Готика, 2000. 496 с.

³ Летницкий И.Н. Миссионерская и духовно-просветительская деятельность Астраханского Кирилло-Мефодиевского Братства в Астраханской епархии (1873–1903). Астрахань: Типография В.Л. Егорова, 1903. 186 с.

⁴ Саввинский И.И. Католики и лютеране в Астраханской епархии и отношение к ним Св. синода и местной епархиальной власти. Астрахань: Типография В.Л. Егорова, 1902. 61 с.

и лютеранства в Астраханской губернии, а также их взаимоотношения с Православной церковью.

Из числа работ зарубежных специалистов стоит выделить исследование реформатского пастора Г. Дальтона¹. Дальтон отмечал, что начиная с правления Николая I в отношении лютеранской церкви происходило снижение уровня веротерпимости, что выражалось, в частности, в запрете вести миссионерскую деятельность среди мусульман, проживающих в Нижнем Поволжье.

Биография Тираспольского епископа (1872–1889) Франца Цоттмана², написанная Алоизом Цоттманом, содержит богатый фактический материал и оценки действия российского правительства во взаимоотношениях с Тираспольской епархией. Автор сдержанно критиковал российские власти за несоблюдение условий конкордата 1847 г., который определял правовое положение Римско-католической церкви в России, подчеркивая дипломатический талант Ф. Цоттмана, благодаря которому Тираспольская епархия могла развиваться даже в условиях охлаждения отношений между Александром II и Папским престолом.

В 1910-е гг. в Берлине были опубликованы работы Адольфа Лейна³, Альфреда Борхардта⁴, посвященные реэмиграции немцев из России. Авторы

---

¹ Dalton H. Beiträge zur Geschichte der evangelischen Kirche in Russland. Bd. I: Verfassungsgeschichte der evangelisch-lutherischen Kirche in Russland. Berlin: Verlag Von Reuther and Reichard, 1905. 472 p. [Дальтон Х. Вклад в историю Евангелической церкви в России. Том I: Конституционная история евангелическо-лютеранской церкви в России. Берлин: Издательство Ройтера и Райхарда, 1905. 472 с. Перевод авт.].

² Zottmann A. Bischof der Diözese Tiraspol: Züge katholischen und deutschen Lebens aus Russland geschildert von A. Zottmann, Priester der Diözese Eichstätt. München: Joseph Roth'sche Verlagshandlung, 1904. 220 p. [Цоттман А. Епископ Тираспольской епархии: Особенности католической и немецкой жизни в России, описанные А. Цоттманом, священником Айхштеттской епархии. Мюнхен: Издательский дом Йозефа Рота, 1904. 220 с. Перевод авт.].

³ Lane A. Deutsche Bauernkolonien in Russland. Ein Beitrag zur Orientierung über ihren Zustand und über Rückwanderer-Bewegung. Berlin: Wilhelm Süsseroff, 1910. 28 p. [Лейн А. Немецкие крестьянские колонии в России. Вклад в информирование об их состоянии и о движении репатриантов. Берлин: Вильгельм Зюссерофф, 1910. 28 с. Перевод авт.].

⁴ Borchardt A. Deutschrussische Rückwanderung. Berlin: Verlag von Georg Stilke, Hofbuchhändler S. K. u. K. H. des Kronprinzen, 1915. 20 p. [Борхардт А. Немецко-русская обратная миграция. Берлин: Издательство Георга Штильке, придворного книготорговца наследного принца, 1915. 20 с. Перевод авт.].

критиковали российское чиновничество, которое, по их мнению, в правление Александра III целенаправленно проводило политику русификации и фактически принудило немецкое население, в том числе посредством ущемления свободы вероисповедания, к эмиграции из России.

Таким образом, дореволюционные исследователи занимались в основном историей становления и распространения западно-христианских церквей в Нижнем Поволжье. Однако мало кто из них ставил перед собой цель изучить политику российских властей в отношении данных конфессий.

После утверждения власти большевиков сложился новый подход к изучению вопросов конфессиональной политики государства с преобладанием атеистических взглядов. В ранних работах по церковной жизни авторы Л. Брандт¹ и Б. Кандидов² изучали проблему в ключе антирелигиозных позиций властей. Лютеранство у авторов сначала выступало в роли служанки помещиков, а после 1905 г. перешло на службу кулаку.

Было издано несколько работ по проблемам истории немецких колоний Нижнего Поволжья, в частности работа П.И. Зиннера. Несмотря на то, что в исследовании не отводилось отдельного внимания конфессиональной принадлежности немцев Нижнего Поволжья, автор затронул многие вопросы, ставшие объектом данной диссертации: школьное дело, переселенческую политику, перевод школьного образования на русский язык. Совокупность реформ российского правительства в отношении немецких колонистов автор охарактеризовал как «свирепую обрусительную политику»³.

В политико-экономическом очерке⁴ авторства Э.Я. Гросса одна из глав посвящена истории католической и лютеранской церквей. В годы Первой мировой войны, по мысли исследователя, немцы пережили полосу травли. Но

---

¹ Брандт Л. Лютеранство и его политическая роль. Л.: Прибой, 1931. 110 с.

² Кандидов Б.П. Вредительство, интервенция и церковь. М.: Безбожник, 1931. 72 с.

³ Зиннер П.И. Немцы Нижнего Поволжья. Исторический очерк. Выдающиеся деятели из колоний Поволжья. Саратов, 1925. С. 6.

⁴ Гросс Э.Я. Автономная Социалистическая Советская Республика Немцев Поволжья. Покровск: тип. «Немгосиздата», 1926. 125 с.

несмотря на то, что автор стремился показать снижающуюся с каждым годом роль вероисповедания в жизни немецких поселений, он все же отмечал, что, открыв семинарий для обучения пасторов в Ленинграде, Советская власть сделала даже больше, чем царское правительство для лютеран. С началом депортации немцев из Поволжья тема исследования истории немецких поселений не рассматривалась.

В конце 1960-х – начале 1970-х гг. вышли работы¹, которые после некоторого периода забвения знакомили читателей с лютеранской конфессией. Оба автора в большей степени остановились на анализе лютеранской философии и идеологии и пришли к выводу, что эволюция взглядов лютеранской этики происходила под влиянием современных для авторов событий мировой истории, что в некоторой степени было отклонением от господствовавшей на тот момент теории косности религиозных учений. Схожая по структуре работа написана М.П. Мчедловым² и по истории развития католической церкви.

В труде М.М. Шейнмана³ история римско-католической церкви рассматривалась с опорой на происходившие в Российской империи события, что позволило проанализировать характер отношений между Ватиканом и российской властью. По мнению автора, у российского самодержавия и католической администрации много общего, например, властолюбие. Причины разлада в отношениях между Папским Престолом и российским правительством заключались в том, что российские власти, ревниво следившие за сохранением привилегированного положения Православной церкви, игнорировали интересы католического населения.

Таким образом, историография советского периода рассматривала конфессиональную политику, полагаясь на доминировавшую атеистическую

---

¹ Гараджа В.И. Протестантизм. М.: Политиздат, 1971. 200 с.; Чанышев А.Н. Протестантизм. М.: Наука, 1969. 216 с.

² Мчедлов М.П. Католицизм. М.: Политиздат, 1970. 271 с.

³ Шейнман М.М. Ватикан и католицизм в конце XIX – начале XX вв. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 468 с.

идеологию. Многие суждения, сформулированные советскими учеными, являются несостоятельными, как, например, вывод о реакционности католической церкви как «верном оруженосце империалистической буржуазии»¹.

Зарубежная историография указанного периода освещала в основном этническо-религиозную сторону жизни немецких поселений Российской империи, однако следует выделить работу немецкого историка Э. Винтера², предметом исследования которого являлась история взаимоотношений российского самодержавия и Ватикана. Автор настаивал на экспансионистских притязаниях двух этих автократий, столкновение интересов которых приводило к охлаждению отношений.

Знаковой фигурой среди немецкоязычных исследователей истории государственной политики правительства в отношении католиков и лютеран является И. Грефе. В работе³ автор, высоко оценивая вклад переселенцев в дело освоения окраин Российской империи, обвинял правительство в переходе с 1871 г. к политике панславизма, который выражался в отмене колониетского статуса. Зависть российских властей к экономике колонистов, которая в условиях постоянного подъема хозяйственного уровня поселений усилилась, могла привести к притеснению прав католиков. По мнению автора, католики именно поэтому и приняли решение эмигрировать в Аргентину. Несмотря на весомый вклад, у немецкой историографии был недостаток ввиду отсутствия в ее списке источников русскоязычной литературы, описывающих разносторонние аспекты взаимоотношений западных конфессий с российским правительством.

Можно сделать вывод, что зарубежная историография 1960–1970-х гг., в отличие от отечественной историографии, исследовала конфессиональную политику более глубоко.

---

¹ Лозинский С.Г. История папства. 3-е изд. М.: Политиздат, 1986. С. 355.

² Винтер Э. Папство и царизм. М.: Прогресс, 1964. 536 с.

³ Graefe I.B. Zur Volkskunde der Rußlanddeutschen in Argentinien. Wien: A. Schendl, 1971. 162 p. [Грефе И.Б. О народоведении российских немцев в Аргентине. Вена: А. Шендл, 1971. 162 с. Перевод авт.].

После распада СССР наступил новый этап в изучении взаимоотношений западно-христианских конфессий с российским правительством. В работах рубежа XX–XXI вв., как и в дореволюционной историографии, происходило столкновение двух мнений о взаимоотношениях российского правительства и Римско-католической церкви. Одна группа¹ склонялась к тому, что католицизм, подвергаемый репрессиям, выполнял функцию проводника западной культуры и духовных ценностей. Вторая группа² выступала против католической экспансии, предупреждала о пагубных последствиях толерантности в отношении усиливающейся угрозы. Оба подхода не являются целесообразными ввиду своей предвзятости.

Крупным специалистом по истории лютеранства и католичества является доктор исторических наук О.А. Лиценбергер. В своей диссертации³ автор пришла к выводу, что политика в отношении западных христиан была несовершенна. Главная проблема заключалась в распределении исповеданий по иерархическим уровням, что противоречило принципам свободы совести. Однако отношения между государством и инославным населением находились в соответствии с конкретно-историческими условиями и определялись развитием общества того времени.

В конце 2000-х – 2010-е гг. появился ряд серьезных работ, посвященных истории лютеранства и римско-католичества в России. Исследователи А.К. Тихонов⁴, И.В. Амбарцумов⁵, И.В. Повод⁶ не едины в своих выводах о характере

---

¹ Задворный В.Л., Юдин А.В. История Католической церкви в России. Краткий очерк. М.: Издание колледжа католической теологии имени св. Фомы Аквинского, 1995. 26 с.; Цимбаева Е.Н. Русский католицизм: Идея всеевропейского единства в России XIX века. М.: Изд-во ЛКИ, 2013. 208 с.

² Бендин А.Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.). Минск: БГУ, 2010. 439 с.; Ватикан: натиск на Восток. М.: Одигитрия, 1998. 208 с.

³ Лиценбергер О.А. Римско-католическая и Евангелическо-лютеранская церкви в России: сравнительный анализ взаимоотношений с государством и обществом (XVIII – начало XX вв.): дисс. ... докт. ист. наук. Саратов, 2005. 488 с.

⁴ Тихонов А.К. Политика Российской империи по отношению к католикам, мусульманам, иудеям в последней четверти XVIII – начале XX в.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02 / Тихонов Андрей Константинович; [Место защиты: ГОУВПО Санкт-Петербургский государственный университет]. Санкт-Петербург, 2008. 496 с.

конфессиональной политики государства. Если А.К. Тихонов и И.В. Повод придерживались консервативно-имперских позиций, оправдывая многие решения правительства национально-государственным интересами, то И.В. Амбарцумов считал притеснения излишними и их причину видел в ассоциации католицизма с польским национализмом, а также напряженных отношениях между самодержавием и Ватиканом.

В докторской диссертации А.А. Машковцева¹, написанной на материалах Волго-Уральского региона, рассматривалась эволюция конфессиональной политики в отношении католиков и протестантов Среднего Поволжья и Приуралья. В нашем исследовании по причине больших масштабов населения католиков и лютеран в регионе мы рассматриваем более детально переселенческие процессы, инициированные политикой российского правительства в отношении колонистов. Кроме того, автор писал о контрлиберальных мероприятиях правительства после 1905–1907 гг., которые ударили по лютеранам, а данная диссертация акцентировала внимание на либеральных тенденциях.

На уровне диссертационных работ и монографий политика российских властей в отношении католиков и лютеран Астраханской и Саратовской губерний комплексно не изучалась. Но многие специалисты уделяли внимание отдельным сторонам проблемы.

---

⁵ Амбарцумов И.В. Неправославные христианские исповедания в системе российской государственности (конец XIX в. – июль 1914 г.): диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02. Санкт-Петербург, 2015. 256 с.

⁶ Повод И.В. Реализация государственной политики в отношении инославных конфессий и нехристианских (авраамических) вероисповеданий в регионе с преимущественно православным населением: на примере Рязанской губернии конца XVIII – начала XX века: диссертация кандидата исторических наук: 07.00.02 / Повод Илья Владимирович; [Место защиты: Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского]. Рязань, 2018. 234 с.

¹ Машковцев А.А. Конфессиональная политика государства в отношении католиков и протестантов Среднего Поволжья и Приуралья во второй половине XIX – начале XX века: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация ... докт. ист. наук / Машковцев Андрей Анатольевич. Ижевск, 2015. 541 с.

В 2002 г. вышла монография «Немцы Поволжья: Краткий исторический очерк»¹, подготовленная авторами А.А. Германом и И.Р. Плеве. В работе рассматривалась жизнь немцев Поволжья, отмечены главные экономико-политические, социокультурные тенденции, происходившие в регионе. Освещая некоторые аспекты из истории российских немцев, авторы затронули проблемы, связанные с жизнью лютеранских и католических поселений. Тем не менее, основная цель работы заключалась в отображении истории складывания феномена *российские немцы*, что не предполагает детального рассмотрения государственной политики в отношении католиков и лютеран.

В монографии Н.Э. Вашкау² ставилась цель описать систему образования у немецкого населения Поволжья. Рассматривая статус шульмейстера в колониях, позицию пасторов по отношению к реформированию церковной школы, социокультурную реакцию населения на внедрение русского языка, исследователь сделала вывод о том, что церковь и школа являлись главными элементами поддержания немецкой культуры.

Значительный интерес представляет диссертация Е.В. Ананян³, в которой подробно рассмотрен переселенческий процесс поволжских немцев в государства Южной и Северной Америки. Автор пришла к выводу о том, что эмиграция стала ответом на лишение колонистов тех привилегий, которые они получили в 1760-е гг. от Екатерины II. Кроме того, немаловажной причиной переселений становится малоземелье, с которым столкнулись поселяне-собственники в середине XIX столетия.

Проблема привлечения немецких колонистов к воинской повинности нашла отражение в монографии саратовского историка И.И. Шульги. Значительный фактический материал, приведенный исследователем, убедительно доказал, что

---

¹ Герман А.А., Плеве И.Р. Немцы Поволжья: Краткий исторический очерк. Саратов: Изд-во Саратов. Ун-та, 2002. 144 с.

² Вашкау Н.Э. Школа в немецких колониях Поволжья 1764–1917 гг. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 1998. 208 с.

³ Ананян Е.В. Эмиграция немцев Поволжья в Америку в 70-е годы XIX в.: предпосылки, причины и результаты: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02: Волгоград, 2004. 172 с.

подавляющее большинство немецких призывников не уклонялось от новой для себя обязанности и пополняли ряды российской армии. При этом ученый не обходит стороной и факты членовредительства некоторых призывников для освобождения от службы, объясняя это не всегда продуманными решениями российских властей, в частности, «нередкими были случаи, когда солдаты на фронте, их семьи и дома были брошены государством на произвол судьбы»¹.

Специалисты В. Дённингхаус² и Д.Г. Решетов³ исследовали проблему влияния Первой мировой войны на социально-экономическое развитие немецких колоний Нижнего Поволжья, где авторы рассматривали мобилизацию в немецких селениях, благотворительную деятельность в отношении фронта, ликвидационную политику в отношении немцев, повседневную жизнь немецких колоний на фоне войны. С учетом довольно непродолжительного исследуемого периода вопросы, затронутые нами (помощь фронту, участие в войне, размещение беженцев), в данных исследованиях рассматривались более подробно, однако главной целью авторы ставили рассмотрение социально-экономического развития колоний, а не религиозной политики или даже положение жителей поселений с точки зрения духовной составляющей.

Отдельные аспекты региональной политики в отношении католического и лютеранского населения, связанные с реакцией прихожан данных конфессий на Первую мировую войну⁴, антинемецкую кампанию в прессе⁵, динамику

---

¹ Шульга И.И. Немцы Поволжья в российских вооруженных силах: воинская служба как фактор формирования патриотического сознания. М.: АОО «Международный союз немецкой культуры», 2008. С. 29.

² Дённингхаус В. Революция, реформа и война: немцы Поволжья в период заката Российской империи. Саратов: Наука, 2008. 245 с.

³ Решетов Д.Г. Влияние Первой мировой войны на социально-экономическое развитие немецких колоний Нижнего Поволжья // Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Саратов, 2006. 239 с.

⁴ Ананян Е.В. Деятельность местных комитетов по устройству беженцев в 1915–1917 гг. (на примере немецких волостей Новоузенского, Камышинского и Аткарского уездов Саратовского Поволжья) // Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. 2021. № 2 (10). С. 21–34; Воронезцев А.В. Немецкие колонисты в Поволжье в годы Первой мировой войны (на материалах Саратовской и Самарской губерний) // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие (1871–1941 гг.). М.: ЗАО «МДЦ

численности последователей лютеранства и католичества в Саратовской губернии¹, получили отражение в работах местных специалистов.

Стоит отметить и зарубежных исследователей этого периода, которые внесли вклад в изучение данного вопроса. Среди них можно выделить служителя лютеранской церкви архиепископа, религиозного философа Йозефа Барона², изучавшего лютеранство, его историю и давшего обзор перспектив развития церкви. Не иначе как «великим переселением» Барон называл приглашение колонистов в Россию, которое он датирует XVIII – серединой XIX в. Автор высоко оценил благоприятную политику российских правителей в отношении католиков и лютеран. Также отмечается несомненная польза такого подхода российского правительства: «Труд новых российских граждан способствовал преобразованию и расцвету России»³.

Массовый отъезд немцев на историческую родину конца 1980-х гг. привел к повышению их интереса к истории своих предков⁴. Г. Далос, В. Кригер, Б.

Холдинг», 2002. С. 71–94; Морозова Н.В., Назарова Т.П. Помощь немецких колонистов фронту в годы Первой мировой войны (по материалам Государственного архива Волгоградской области) // Вестник ВолГУ. Серия 9. Вып. 12. 2014. С. 30–34.

⁵ Морозова Н.В. Религиозные аспекты антинемецкой кампании на страницах русской прессы (1914–1917 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 2–1 (52). С. 123–125; Назарова Т.П. Немецкие колонии Нижнего Поволжья в условиях роста антинемецких настроений в русском обществе в годы Первой мировой войны // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия: Проблемы социально-гуманитарного знания. 2014. Т. 19. № 24 (151). С. 15–18.

¹ Давыдова М.Ю. Протестантская и католическая конфессии в Саратовской губернии Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник архивиста. 2015. № 1. С. 177–192.; Петрова Е.А. Конфессии в Саратовском Поволжье, их положение и влияние на население к 1917 году // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17. Вып. 2. С. 256–261.

² Барон Й. Христианство. Католичество. Реформация. СПб.: Алетейя, 2011. 490 с.

³ Барон Й. Российское лютеранство. История, теология, актуальность. СПб.: Алетейя, 2011. С. 29.

⁴ Dalos G. Geschichte der Russlanddeutschen. Von Katharina der Großen bis zur Gegenwart. München: C.H. Beck, 2014. 336 p. [Далос Г. История российских немцев. От Екатерины Великой до наших дней. Мюнхен: К.Х. Бек, 2014. 336 с. Перевод авт.]; Krieger V. Kolonisten, Sowjetdeutsche, Aussiedler. Eine Geschichte der Russlanddeutschen. Bonn: Bundeszentrale für Politische Bildung, 2015. 272 p. [Кригер В. Колонисты, советские немцы, переселенцы. История российских немцев. Бонн: Федеральный центр политического образования, 2015. 272 с. Перевод авт.]; Meissner B., Neubauer H., Eisfeld A. Die Russlanddeutschen. Gestern und heute.

Мейснер сошлись во мнении, что реформы Александра II нанесли серьезный ущерб материальному и социальному положению колонистов.

В исследовании американского историка П. Верта¹ рассматривалось религиозное разнообразие Российской империи. Автор отмечал, что в Российской империи религиозной принадлежности придавалось основополагающее значение, аргументируя это тем, что правительство признавало за метрическими книгами единственный действенный способ ведения актов гражданского состояния. Особый интерес для настоящего исследования представляет работа Э. Лора², которая была посвящена изучению национальной политики российского правительства в условиях Первой мировой войны. Автор пришел к выводу, что конфессиональная принадлежность натурализовавшихся иммигрантов и российских подданных становилась причиной сомнений в их лояльности со стороны как правительства, так и общественности.

Данный историографический обзор позволил сформировать, обобщить и систематизировать направления в каждом из обозначенных периодов историографии – дореволюционном, советском и современном. По общественно-политическим воззрениям выделено два основных направления: консервативное и либеральное. Обозначенная проблема интересовала и интересует не только профессиональных историков. Государственные служащие, священнослужители рассматривали конфессиональную политику в отношении религиозного меньшинства с разных позиций. Многообразие исследований на современном этапе отчетливо обозначает проблему локализации изучения истории взаимоотношения лютеранских и католических общин с государством, в том числе Астраханской и Саратовской губерниях во второй половине XIX – начале XX вв.

Köln: Markus Verlag, 1992. 291 p. [Мейснер Б., Нойбауэр Х., Айсфельд А. Российские немцы. Вчера и сегодня. Кельн: Издательство Марка, 1992. 291 с. Перевод авт.].

¹ Верт П. Православие, инославие, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 280 с.

² Лор Э. Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 304 с.

Целью диссертации является исследование государственной политики российского правительства и отражение данной политики на жизни католического и лютеранского населения Астраханской и Саратовской губерний в 1861–1917 гг.

Для ее достижения сформулированы следующие **задачи**:

- 1) определить динамику численности населения лиц католического и лютеранского вероисповедания в Астраханской и Саратовской губерниях;
- 2) оценить влияние польского восстания 1863–1864 гг. на положение католиков в Астраханской и Саратовской губерниях;
- 3) определить направления переселенческой политики Российской империи в отношении колонистов Нижнего Поволжья;
- 4) выявить позицию католического и лютеранского духовенства Астраханской и Саратовской губерний по отношению к революционным событиям начала XX в.;
- 5) охарактеризовать социально-экономическое положение и духовную жизнь католиков и лютеран на территории Астраханской и Саратовской губерний в годы Первой мировой войны.

Хронологические рамки исследования охватывают период 1861–1917 гг. Нижняя граница обусловлена тем, что совокупность масштабных преобразований, проводимых Александром II, коснулась в том числе и конфессиональной политики. Верхняя граница связана с принятием постановления Временного правительства от 14 июля 1917 года «О свободе совести». Стоит признать, что не всегда была возможность строго придерживаться выбранных рамок, так как с целью поддержания логики исследования в отдельных сюжетах было необходимо обращение к более раннему этапу истории появления и расселения католиков и лютеран на территории Астраханской и Саратовской губерний.

Территориальные рамки определяются пространством Нижнего Поволжья в границах двух губерний: Астраханской и Саратовской. Данные губернии относились к Саратовскому деканату Тираспольской римско-

католической духовной епархии с момента его образования в 1856 г. до 1917 г. Тираспольская епархия (с 1848 г. по 1852 г. носила название Херсонская) создавалась прежде всего с мыслью о немецких колониях в южной части империи, которые Николай I считал самой благонадежной, послушной и покорной по отношению к властям частью общества, в отличие, например, от католиков Царства Польского или Литвы. Фердинанд Кан, первый глава Херсонской епархии, в связи с отсутствием элементарных условий для работы и жизни в Херсоне управлял епархией из Санкт-Петербурга. Из прихожан в самом Херсоне были лишь ксендз и несколько иностранцев, поэтому 16 января 1853 г. вышел высочайший указ о перенесении резиденции епископа в Тирасполь¹. Боевые действия Крымской войны (1853–1856) вынудили Ф. Кана искать новое пристанище для епархии. В 1856 г. новой резиденцией был избран Саратов как центр немцев Поволжья, значительная часть которых была католиками. При этом епархия сохранила название Тираспольская, чтобы подчеркнуть отличие от православной Саратовской епархии. Саратов до 1918 г. оставался центром Тираспольской епархии, хотя на первых порах в документах фигурировал его временный статус в качестве резиденции епископа. Это выражалось, например, в том, что в 1861 г. МВД направило на имя Тираспольского епископа Фердинанда Кана письмо о продолжении помещения Тираспольского Епархиального управления в г. Саратов на новый срок до шести лет².

Саратовская и Астраханская губернии в течение всего исследуемого периода состояли в ведении Московского лютеранского консисториального округа, который заменил локальную Саратовскую евангелическо-лютеранскую консисторию (1819–1833).

Кроме того, Астраханская и Саратовская губернии были тесно связаны друг с другом и в административном отношении. Так, они входили в состав Казанского военного округа (1864–1918). Это ознаменовалось тем, что главы двух губерний

---

¹ ГАСО. Ф. 365. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 1. Д. 714. Л. 7.

получали единые предписания по надзору за политическими ссыльными от командующего войсками Казанского военного округа генерал-лейтенанта Р.И. Кнорринга и направляли обратно отчеты о выполнении распоряжений.

Методология и методы исследования. Определяющими методологическими подходами исследования выступили принципы историзма, системности и объективности. Благодаря применению принципа историзма были рассмотрены отношения государства с католическими и лютеранскими общинами Астраханской и Саратовской губерний в динамике, в контексте пореформенной России второй половины XIX – начала XX вв., а также в свете социально-политических событий.

Принцип системности способствовал рассмотрению процессов, протекавших в католических и лютеранских общинах Астраханской и Саратовской губерний, в контексте единой системы государственно-конфессиональных отношений в рамках Российской империи в 1861–1917 гг.

Принцип научной объективности позволил показать как позитивные, так и негативные стороны правительственной политики по отношению к католикам и лютеранам Астраханской и Саратовской губерний, а также избежать предвзятого подхода к оценке происходивших исторических событий.

В ходе диссертационного исследования был применен ряд специальных методов: историко-сравнительный, проблемно-хронологический, историко-генетический и общенаучные методы: анализ, синтез, статистический метод.

Историко-сравнительный метод способствовал выявлению общего и особенного в положении католического и лютеранского населения, сравнению общин Астраханской и Саратовской губерний.

Проблемно-хронологический метод позволил проанализировать отношение государства к католическому и лютеранскому населению в 1861–1917 гг., выявить особенности конфессиональной политики к данным группам. Историко-генетический метод применялся для последовательного выявления основных этапов государственной политики в отношении католиков и лютеран.

Методы анализа и синтеза помогли в процессе систематизации фактов и формулирования выводов исследования. Статистический метод применялся при рассмотрении данных о численности приверженцев католицизма и лютеранства.

Научная новизна диссертации состоит в том, что с привлечением ряда неизвестных ранее архивных материалов дан анализ государственной политики имперского правительства и ее местной специфики в отношении католиков и лютеран Астраханской и Саратовской губерний. Выявлено, что религиозная политика в Низовьях Волги осуществлялась в рамках общероссийской конфессиональной политики, имея при этом ряд особенностей, вытекающих из параллельно проходящей ликвидации обособленности этно-конфессиональных общностей.

Исследование темы позволило впервые проанализировать динамику численности приверженцев католичества и лютеранства в Нижнем Поволжье в 1861–1917 гг. и определить влияние политики государства на ее изменения. Определено отношение католиков и лютеран Астраханской и Саратовской губерний к судьбоносным событиям в истории Российского государства (польское восстание 1863–1864 гг., Первая русская революция, Первая мировая война).

В исследовании продемонстрирована взаимосвязь политики российского правительства в отношении католиков и лютеран с их социальным статусом и ролью в процессах развития Нижнего Поволжья и государства. Представлен новый ракурс решения ряда проблем, связанных с размещением и условиями пребывания в Астраханской и Саратовской губерниях административно высланного католического духовенства после беспорядков в Царстве Польском.

Выделена взаимосвязь введения либеральных законов о свободе веротерпимости, показаны действия религиозных объединений в Нижнем Поволжье в новых обстоятельствах.

Теоретическая значимость исследования заключается в демонстрации важной роли католиков и лютеран в жизни Нижнего Поволжья в 1861–1917 гг.,

выявлении существенных черт переселенческой политики Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв., в определении будущих направлений исследований по истории конфессий католиков и лютеран и ареалов их расселения.

Практическая значимость. Основное содержание и выводы работы могут быть применены региональными органами власти, ответственными за реализацию конфессиональной политики. Кроме того, данное исследование может быть полезным при составлении курсов по истории государственно-церковных отношений, а также в качестве дополнительного материала при подготовке учебных пособий, статей по истории Астраханской и Саратовской губерний.

Источниковая база исследования. При подготовке диссертации был проанализирован массив источников, который можно разделить на следующие группы.

1) Законодательные акты.

Анализ законодательных актов, затрагивавших права и статус западных христиан, имеет весомое значение для рассмотрения религиозного курса правительства. Правовой статус неправославных христианских исповеданий был закреплен в Уставе духовных дел иностранных исповеданий¹. Устав управления духовными делами римско-католического исповедания и Устав Евангелическо-лютеранской церкви содержали нормы управления приходами, правила школьного учения, порядок священнодействий, порядок заключения браков. Кроме того, в исследовании анализируются тематические сборники нормативных актов, затрагивающие вопросы проживания населения в колониях, прохождения военной службы², попечения о беженцах³, уголовных преступлениях⁴. В ходе

---

¹ Свод законов Российской империи. Т. XI. Ч. 1. Уставы духовных дел иностранных исповеданий. СПб.: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1857. 266 с.

² Устав о воинской повинности: высочайше утвержденный 1 января 1874 г.: со включением статей Свода законов и статей воинского Устава о наказаниях, на которые сделаны ссылки. Москва: И. Лепетов, 1874. 95 с.

Первой русской революции 1905–1907 гг. был издан указ от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости», ставший поворотным моментом в конфессиональной политике Российского государства.

2) Делопроизводственные документы.

В диссертации рассмотрены материалы 33 фондов шести государственных архивов: Государственный архив Российской Федерации (далее ГА РФ), Российский государственный исторический архив (далее РГИА), Государственный архив Астраханской области (далее ГААО), Государственный архив Волгоградской области (далее ГАВО), Государственный архив Саратовской области (далее ГАСО), Центральный государственный архив города Москвы (далее ЦГА Москвы).

Делопроизводственная документация представлена перепиской министерств, департаментов и канцелярий губернаторов. Документы, которые содержатся в фондах административно-полицейских органов центральной власти – Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии (ГАРФ, Ф. 109), освещают вопросы о беспорядках в Царстве Польском и в западных губерниях, региональной власти – Канцелярия временного генерал-губернатора Казанской, Симбирской, Саратовской, Самарской губерний (ГАРФ, Ф. 40) показывают особенности жизни католиков, сосланных на жительство в губернии Нижнего Поволжья. Материалы РГИА представлены главным образом фондом «Департамент духовных дел иностранных исповеданий» (РГИА, Ф. 821), находящимся в составе МВД.

Материалы местных архивов, например фонд «Помощник начальника Саратовского губернского жандармского управления в Царицынском уезде (гор. Царицын)» (ГАВО, Ф. 6), дают возможность узнать причины, методы и

---

³ Законы и распоряжения о беженцах / Издание юридического отдела главного комитета Всероссийского союза городов. Вып. 1. М.: Городская типография, 1916. 104 с.

⁴ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года: с дополнениями по 1 янв. 1876 г. № 1473 / сост. проф. С.-Петербург. ун-та Н.С. Таганцевым; [авт. предисл. Н.С. Таганцев]. Изд. 2-е, перераб. и доп. Санкт-Петербург: Тип. М. Стасюлевича, 1876. 726 с.

обстоятельства надзора за жителями Сарепты в условиях Первой мировой войны. Документы региональных архивов позволяют проследить реализацию государственных решений на местах, а также ее особенности и проблемы.

Информативны фонды ГАСО, посвященные западным христианам, например «Тираспольская римско-католическая духовная консистория Департамента духовных дел иностранных исповеданий» (ГАСО, Ф. 365), фонд «Саратовская контора иностранных поселенцев» (ГАСО, Ф. 852). Региональный аспект осуществления конфессиональной политики в отношении западных христиан демонстрируют фонды ГААО, посвященные католикам – «Римско-Католическая церковь г. Астрахань» (ГААО, Ф. 797) и лютеранам – «Лютеранская церковь г. Астрахань» (ГААО, Ф. 1101). История лютеранской церкви в Астраханской и Саратовской губерниях также была изучена благодаря фонду «Московская евангелическо-лютеранская консистория» (ЦГА Москвы, Ф. 1629). Документы региональных архивов позволяют проследить реализацию государственных решений на местах, а также ее особенности и проблемы.

Ряд материалов представлен опубликованными документами, в частности уставами и положениями общественных организаций¹, финансовыми отчетами благотворительных обществ².

3) Статистические и справочные материалы.

Статистические материалы представляют особую ценность, так как их данные необходимы государству для формирования стратегии развития той или иной области, в данном случае государственной политики в отношении католического и лютеранского населения. Большой интерес для исследователей

¹ Руководящие положения по устройству беженцев. Пг.: Тип. М-ва внутренних дел, 1916. 16 с.; Устав общества под названием «Немецкая Группа Союза 17 Октября». Санкт-Петербург: Н. Уль, 1906. 8 с.; Устав «Общества 1914 года» (борьбы с немецким засильем). Пг.: Типолитография Н.И. Евстифьева, 1915. 8 с.

² Комитет ее Императорского величества Великой княжны Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий. Т. II. Личный состав комитета и денежный отчет к 1 января 1916 года. Пг.: Государственная типография, 1917. 309 с.; Отчет Астраханского общества вспомоществования бедным римско-католического исповедания за 1901 год. Астрахань: Типография В. Блаженкова, 1902. 12 с.; Смета расходов на устройство беженцев в городах (январь – март 1916 г.). М.: Городская типография, 1916. 31 с.

представляют данные Первой Всеобщей переписи населения Российской империи¹, проведенной в 1897 г., и ежегодно публикуемые губернские справочные издания – адрес-календари², статистические обзоры³, отчеты губернских статистических комитетов⁴, памятные книжки⁵. Представленные

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. II. Астраханская губерния. Тетрадь II. (последняя). СПб.: Центральный статистический комитет, 1904. [4], XIV, 167 с.; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. XXXVIII. Саратовская губерния. СПб.: Центральный статистический комитет, 1904. 249 с.

² Адрес-календарь Саратовской губернии на 1884 год / (издание Саратовского губернского статистического комитета). Саратов: Типография губернского правления, 1883. 342 с.

³ Обзор Астраханской губернии за 1883 год. (Прилож. ко всеподдан. отчету Начальника Астрахан. губ.). Астрахань: Типография губернского правления, 1884. 83, [49] с.; Обзор Астраханской губернии за 1885 год. (Прил. ко всепод. отчету). Астрахань: Типография губернского правления, 1886. [4], 54, [51] с.; Статистический обзор Астраханской губернии за 1897 год. Астрахань: Губернская типография, 1899. 128 с.; Обзор Астраханской губернии за 1900 год / издание Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Паровая губернская типография, 1901. [1], 71, [38] с.; Статистический обзор Астраханской губернии за 1903 год / издание Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Паровая губернская типография, 1904. [2], 106 с., [39] л.; Статистический обзор Астраханской губернии за 1905 год / издание Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Паровая губернская типография, 1906. IV, 95 с., 16 табл.; Статистический обзор Астраханской губернии за 1906 год / издание Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Паровая губернская типография, 1907. [II], 79 с., [63] л. табл.; Статистический обзор Астраханской губернии за 1909 год / издание Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Паровая губернская типография, 1910. [III], 79 с., [57] л. табл.; Статистический обзор Астраханской губернии за 1911 год / издание Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Паровая губернская типография, 1912. IV, 84 с., 16 табл.; Статистический обзор Астраханской губернии за 1912 год / издание Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Паровая губернская типография, 1913. [IV], 120 с., [52] л. табл.; Статистический обзор Астраханской губернии за 1914 год / издание Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Паровая губернская типография, 1915. II, 117 с., 16 табл.; Обзор Саратовской губернии за 1870 год. (Прил. ко всепод. отчету). Саратов: губернская типография, 1871. 185 с.; Обзор Саратовской губернии за 1875 год. (Прил. ко всепод. отчету). Саратов: губернская типография, 1876. 36, [49] с.; Обзор Саратовской губернии за 1882 год. (Прил. ко всепод. отчету). Саратов: губернская типография, 1883. 52, [31] с., табл.; Статистический обзор Саратовской губернии за 1891 год: с отчетом Губернского статистического комитета / сост. Ф.С. Шиманский. 1892. [4], X, 56, [113] с.: табл.; Статистический обзор Саратовской губернии за 1897 год. (Прил. ко всепод. отчету). Саратов: Типография губернского правления, 1898. IV, 47, [119] с.; Статистический обзор Саратовской губернии за 1905 год / Саратов. губ. стат. комитет. Саратов: Паровая скоропечатня губернского правления, 1906. [4], 41, [84] с.; Статистический обзор Саратовской губернии за 1906 год / Саратов. губ. стат. комитет. Саратов: Паровая скоропечатня губернского правления, 1907. [4], 38, [83] с.; Статистический обзор Саратовской губернии за 1914 год / Саратов. губ. стат. комитет. Саратов: Типография губернского правления, 1915. [4], 40, [78] с.

⁴ Отчет Астраханского губернского статистического комитета за 1871 год. Астрахань: Губернская типография, 1872. 51 с.; Отчет Астраханского губернского статистического

материалы дают возможность рассмотреть динамику численности католиков и лютеран, их локализацию по уездам и волостям, а также гендерный и этнический составы.

Данные издания позволяют воссоздать картину повседневной жизни католиков и лютеран Нижнего Поволжья, получить сведения о составе и занятиях населения, их экономического и культурного положения. Помимо раскрытия общей картины истории Астраханской и Саратовской губерний (благоустройство, состояние печатного дела, развитие народного образования и др.), данные источники содержат подробную информацию о католиках и лютеранах региона.

4) Материалы периодической печати.

Важной группой источников стала периодическая печать Астраханской и Саратовской губерний изучаемого периода. В работе исследованы публикации как светской, так и религиозной направленности. К первым относятся газеты «Астраханский вестник», «Саратовские губернские ведомости», «Саратовский листок», «Царицынский вестник», на страницах которых правительство выражало свою официальную позицию по общественно-значимым вопросам. Степень воздействия печатного слова на умы читателей второй половины XIX века при освещении истории типографского дела в Саратове показывает современник

комитета за 1872 год. Астрахань: Губернская типография, 1873. 53 с.; Отчет Астраханского губернского статистического комитета за 1874 год. Астрахань: Губернская типография, 1875. 101 с.; Отчет Астраханского губернского статистического комитета за 1880 год / Сост. секретарем Комитета Д.В. Чичинадзе. Астрахань: Губернская типография, 1882. 45 с.

⁵ Памятная книжка Астраханской губернии на 1887 г. / издание губернского статистического комитета. Астрахань: Типография губернского правления, 1887. 260 с.; Памятная книжка Астраханской губернии на 1892 год / издание Астраханского губернского статистического комитета. Год IX-й. Астрахань: Типография губернского правления, 1892. 11, VI, 290, 71 с., [16] л. табл.; Памятная книжка Астраханской губернии на 1901 год / издание Астраханского губернского статистического комитета. Год XVIII-й. Астрахань: Паровая губернская типография, 1901. 395 с.; Памятная книжка Саратовской губернии на 1858 год / (издание статистического комитета). Саратов: Типография губернского правления, 1858. 293 с.; Памятная книжка Саратовской губернии на 1864 год / (составлена Саратовским губернским статистическим комитетом; [сост. Д.Л. Мордовцев]. Ч. 2. Саратов: Типография губернского правления, 1864. 97 с.; Памятная книжка Саратовской губернии на 1872 год / (издание статистического комитета). Саратов: типография губернского правления, Ищенко, Кувардина и Сцитник, 1872. [5], 187, [1], 115, [1], 117–275, [1], 54, [2] с., [7] л.

событий, историк Н.Ф. Хованский: «По числу подписчиков (3470) он¹ и донныне занимает первенствующее место в Саратове, да и, пожалуй, по всему Поволжью. Эта газета создала читателей в Саратове и в его уездах; приобщила к общим умственным интересам огромную часть саратовского общества»². Наряду с русскоязычными светскими изданиями в исследовании рассматривались также немецкоязычные газеты. Среди них выделяется «Deutsche Volkszeitung» [Немецкая народная газета. Перевод авт.], издававшаяся в Саратове. На страницах данной газеты публиковались объявления о времени и тематике богослужений в Евангелическо-лютеранской церкви Саратова.

Католический еженедельный журнал «Klemens», работу которого курировали председатель Саратовской католической семинарии Йозеф Крушинский и бывший настоятель Екатериненштадтской римско-католической церкви Филипп Беккер, и официальное издание Православной церкви в Саратове «Саратовские епархиальные ведомости» составляют вторую группу. Материалы «Klemens» позволяют проследить ход миграционного процесса после реформ 1870-х гг. и отношение к этому процессу внутри немецких поселений, а именно мнение тех, кто предпочел остаться в России. Большое количество публикаций журнала посвящено реформам правительства в отношении немецкой школы и живо обсуждаемому вопросу смены языка преподавания на русский. «Саратовские епархиальные ведомости» позволили выявить отношение православного духовенства к немецким колонистам Астраханской и Саратовской губерний в годы Первой мировой войны.

5) Источники личного происхождения по данной теме представлены мемуарами и дневниковыми записями государственных деятелей Российской империи: виленского генерал-губернатора (1863–1865) М.Н. Муравьева³ и главы

¹ *Примечание:* Саратовский листок.

² Хованский Н.Ф. Саратовский листок (история его издания) // Саратовский край. Исторические очерки, воспоминания, материалы. Вып. I. Саратов: Паровая скоропечатня губернского правления, 1893. С. 291.

³ Граф Михаил Николаевич Муравьев. Записки его о мятеже в Северо-Западной России в 1863–1864 гг. // Русская старина. 1882. Том XXXVI. Выпуск 11. С. 387–432.

МВД (1861–1868) П.А. Валуева¹. Это крупные государственные деятели, которые в 1860-е гг. оказывали существенное влияние на политику Александра II, особенно в период обострения польского вопроса. В этих источниках раскрываются не только личные взгляды на вопросы конфессиональной политики, но и официальная позиция российских властей. В дневнике просвещенного западника П.А. Валуева, который осуждал самоуправство М.Н. Муравьева в западных губерниях после подавления польского восстания, содержатся ценные сведения по участию ксендзов в последнем.

Обширный комплекс источников широкого спектра информации требует применения системного подхода, позволяющего изучить различные нюансы заявленной темы.

Положения, выносимые на защиту:

1. Динамика численности католического населения Астраханской губернии находилась в прямой зависимости от политики в отношении ссыльных участников польского восстания 1863–1864 гг. В течение всего изучаемого периода наблюдается увеличение числа католиков от 330 человек в 1850 г. до 2 842 человек в 1914 г., за исключением двух периодов, которые связаны с изданием указов, облегчающих режим содержания ссыльных поляков. Эмиграция поселян-собственников в 1870–1880-е гг. в Южную и Северную Америку не помешали росту численности католиков и лютеран в Нижнем Поволжье. Указ от 17 апреля 1905 г. способствовал увеличению числа прихожан католической и лютеранской церквей за счет узаконения вероисповедной принадлежности, соответствовавшей их конфессиональным убеждениям. В годы Первой мировой войны католическое и лютеранское население Астраханской и Саратовской губерний увеличилось за счет вынужденных переселенцев.

2. Во второй половине XIX в. российское правительство все больше внимания уделяет проблеме интеграции немецких колоний Нижнего Поволжья в

---

¹ Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел: в 2 томах. Т. 1: 1861–1864 гг. / [Акад. наук СССР, Ин-т истории, Гл. арх. упр. при Совете Министров СССР]. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 422 с.

общероссийскую социально-культурную жизнь, важными элементами которой должны были стать отмена статуса колонистов и последующее привлечение поселян-собственников к воинской повинности, распространение среди них русского языка и перевод местных церковных школ в ведение Министерства Народного Просвещения. Данные государственные преобразования явились катализатором отъезда части католиков и лютеран Нижнего Поволжья за границу. Основной же причиной этих процессов выступило ухудшение экономической ситуации, связанное с малоземельем и падением жизненного уровня.

3. Политика российского правительства была направлена на обеспечение лояльности католического населения Нижнего Поволжья. В связи с этим у властей в отношении польскоязычных ксендзов существовало предубеждение, поскольку многие их соотечественники оказали содействие мятежникам в антиправительственных действиях 1860-х годов. Их деятельность включала руководство отрядами, сокрытие повстанцев, создание конспиративных сетей, а также поставки продовольствия, вооружения и снаряжения. На фоне отказа от воспитанников и священников из Западного края после польского восстания 1863–1864 гг. в Астраханской и Саратовской губерниях сложился дефицит католических священнослужителей, который привел к снижению уровня требований, предъявляемых к ксендзам, что негативно отразилось на репутации католической церкви в целом.

4. В начале XX века российское правительство легализовало переход из православия в католичество или лютеранство. В целях поддержки курса на дальнейшее расширение религиозных свобод католические и лютеранские общины все активнее участвовали в политической жизни. «Общество Святого Климента» стало противовесом распространению социалистических идей среди католиков, а саратовское отделение «Союза 17 октября» — платформой для продвижения конституционных принципов с учетом интересов лютеран. В 1905–1907 годах эти организации официально закрепили вовлечение католического и лютеранского духовенства Нижнего Поволжья в политическую деятельность.

5. В годы Первой мировой войны католики и лютеране Астраханской и Саратовской губерний пережили один из сложнейших эпизодов в истории их пребывания в России. Причиной стала немецкая этническая принадлежность большинства приверженцев данных конфессий, которых некоторые представители общества начали воспринимать их как потенциальных предателей. В течение войны католическое и лютеранское население Астраханской и Саратовской губерний увеличилось за счет переселения беженцев и размещения военнопленных. Тот факт, что за долгие годы существования на территории Нижнего Поволжья католическая и лютеранская общины стали неотъемлемой частью культурного и национального многообразия региона, вызывал у местного населения сочувствие к вынужденным переселенцам.

Достоверность и обоснованность выводов исследования обеспечена анализом и синтезом массива исторических источников, а также методами исследования, которые соответствуют поставленным в работе целям и задачам. Научные положения и выводы, отраженные в работе, подкреплены репрезентативными данными отчетной документации по материалам Астраханской и Саратовской губерний.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования нашли свое отражение в авторских публикациях. Всего было опубликовано 16 научных статей, из них 4 в изданиях из перечня ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ. Положения работы были также представлены докладами на десяти научно-практических конференциях, проводимых в Москве, Иваново, Йошкар-Оле, Курске, Сургуте, Пензе, Астрахани, Владимире в период с 2020 по 2025 гг.

Структура диссертации в соответствии с заявленными целью и задачами представляет собой введение, три главы, заключение, а также список источников и литературы.

Глава 1. Католические и лютеранские общины Астраханской и Саратовской губерний в 1861–1917 гг.

1.1. Динамика формирования католического сообщества

В XIX веке к главному способу распространения католицизма в Нижнем Поволжье – приглашению иностранных колонистов для освоения русских окраин – прибавляется несколько факторов: высылка неблагонадежных иностранцев во время Отечественной войны 1812 г., размещение военнопленных наполеоновской армии, политическая ссылка активистов польского национально-освободительного движения, также следует отметить немногочисленный (5 человек римско-католического исповедания)¹ переход дезертиров иностранных войск периода Крымской войны (1853–1856), которые, впрочем, тоже впоследствии (в 1863 г.) получили статус колонистов. В начале XX в. количество католиков в Астраханской и Саратовской губерниях увеличилось за счет эвакуации беженцев западных губерний России, которые оказались в прифронтной полосе в годы Первой мировой войны, и размещения военнопленных австрийской и германской армий.

Астраханская и Саратовская губернии были в числе 15, куда отправляли всех неблагонадежных иностранцев во время Отечественной войны 1812 г.² После распоряжения министра полиции С.К. Вязмитинова всех иностранцев начали рассматривать на предмет лояльности Российской империи, а вызывавших подозрения предписывалось переселять вглубь страны или даже выдворять за пределы государства. В качестве примера проверки благонадежности иностранцев рассмотрим дело в отношении И.И. Жоли, о котором сообщалось как о «французе, ветреном, неосновательном и болтливом»³. Последние десять лет

---

¹ ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 568. Л. 1–2.

² ГА РФ. Ф. 1165. Оп. 2. Д. 57. Л. 2.

³ Повод И.В. Реализация государственной политики в отношении инославных конфессий и нехристианских (авраамических) вероисповеданий в регионе с преимущественно православным

перед Отечественной войной 1812 г. из сорока проведенных в России, Жоли проживал в Рязани. Рязанский губернатор И.Я. Бухарин постановил отправить Иосифа Ивановича на жительство в Астраханскую губернию. В силу своего преклонного возраста, на момент высылки Жоли было 76 лет, Иосиф Иванович размещался в уездном городе Красный Яр и в отличие от своих сотоварищей по ссылке не был переведен в Астрахань, где «за надлежащим присмотром» высланные могли работать и содержать себя самостоятельно. Иосиф Иванович же мог рассчитывать на пособие от государства в размере 25 копеек в день¹.

Так как приказ С.К. Вязмитинова относился ко всей стране, то проверку иностранцев необходимо было произвести и в самой Астраханской губернии. Из 29 иностранцев, находившихся летом 1812 г. в Астрахани, 8 человек было решено удалить за пределы губернии. Особое внимание было обращено на четырех священнослужителей-католиков, которые хоть и не показали ничего подозрительного в их поведении, «по духу враждующих нам наций» были отнесены в разряд неблагонадежных², даже после издания 30 августа 1814 г. манифеста, согласно которому было предписано сосланных или иным каким образом задержанных освободить³. Астраханские ссыльные не сразу покинули город. Так, на 21 января 1819 г. сосланных на жительство в Астрахань в 1812 г. под надзор полиции оставалось 6 человек⁴.

Кроме того, в соответствии с циркулярным предписанием министра полиции С.К. Вязмитинова Астраханская губерния назначалась и местом пребывания военнопленных. С октября 1812 г. по август 1813 г. в регион прибыло

населением: на примере Рязанской губернии конца XVIII – начала XX века: диссертация кандидата исторических наук: 07.00.02 / Повод Илья Владимирович; [Место защиты: Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского]. Рязань, 2018. С. 42.

¹ ГААО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 25328. Л. 177–178 об.

² Тимофеева Е.Г. Иностранцы под надзором полиции в Астраханской губернии в 1812–1814 гг. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2012. № 9 (73). С. 17.

³ Собрание высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений, последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. СПб.: Морская типография, 1816. С. 175.

⁴ ГА РФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 42. Л. 3 – 3 об.

девять партий пленных, большинство из которых (83 %) составляли поляки¹. Так как абсолютное большинство военнопленных составляли католики, для их моральной поддержки Московское и Санкт-Петербургское отделения Библейского общества отправили 55 экземпляров Нового завета и 10 Библий на иностранных языках.

Условия содержания военнопленных в Астраханской губернии были довольно либеральные, им разрешалось вести переписку, ходить в гости, наниматься на службу к частным лицам, устраивать свою личную жизнь. Так, в 1814 г. пленные католики Астраханской губернии сыграли две свадьбы: одну в Астрахани, а вторую – в Енотаевске. В Астрахани церемония проходила в католической церкви, а для венчания в Енотаевске из губернского центра был приглашен монах-иезуит².

Отечественная война 1812 г. увеличила количество католиков и в Саратовской губернии. Так, из 3600 французов, находящихся в Москве к июню 1812 г., по разным данным 43 или 65 человек, «выборные каналы из каналов», были высланы в Саратов или Макарьев³.

В своем исследовании мы обратились к столь раннему периоду относительно заявленного в теме временного промежутка ввиду того, что, хотя уже в 1813 г. стало возможным возвращение немцев из числа военнопленных наполеоновской армии, а с июня 1814 г. и французов, часть пленных всех национальностей решила остаться в Нижнем Поволжье. С предложением остаться и принять подданство к пленным обращались представители местных властей. По Астраханской губернии такое желание выразили 36 человек, в том числе 26

---

¹ Хомченко С.Н. Военнопленные поляки в Астраханской губернии в 1812–1815 гг. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: материалы XIII Всерос. науч. конф. М., 2006. С. 307.

² Тимофеева Е.Г. Политика государства по отношению к военнопленным Наполеоновской армии в 1812–1814 гг. (на материалах Астраханской губернии) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 2. С. 34.

³ Тихонова А.В. Ужесточение надзора за иностранцами в Российской империи с началом Отечественной войны 1812 года // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2014. № 4 (32). С. 22.

поляков, 4 француза, 3 крещеных еврея из войск Герцогства Варшавского, 2 голландца, 1 итальянец¹. С учетом специфики их профессий бывших военнопленных в Астрахани приписывали к мещанам. В Саратовской губернии, в свою очередь, бывшие военнопленные приписывались к государственным крестьянам, причем некоторые приняли даже русские фамилии. «Почти к каждой немецкой колонии причислено по два или по три человека из военнопленных французской армии, которым отвели земли, и они онемечились. Склад жизни колонистов более подходил к жизни военнопленных, чем нравы саратовских купцов и мещан, придерживавшихся раскола и считавших всех иностранцев нехристями»², – сообщал саратовский краевед XIX века Ф.В. Духовников. Таким образом, высланные в Астраханскую и Саратовскую губернии иностранцы и даже бывшие военнопленные, меняя подданство и фамилии, могли сохранить свою католическую веру.

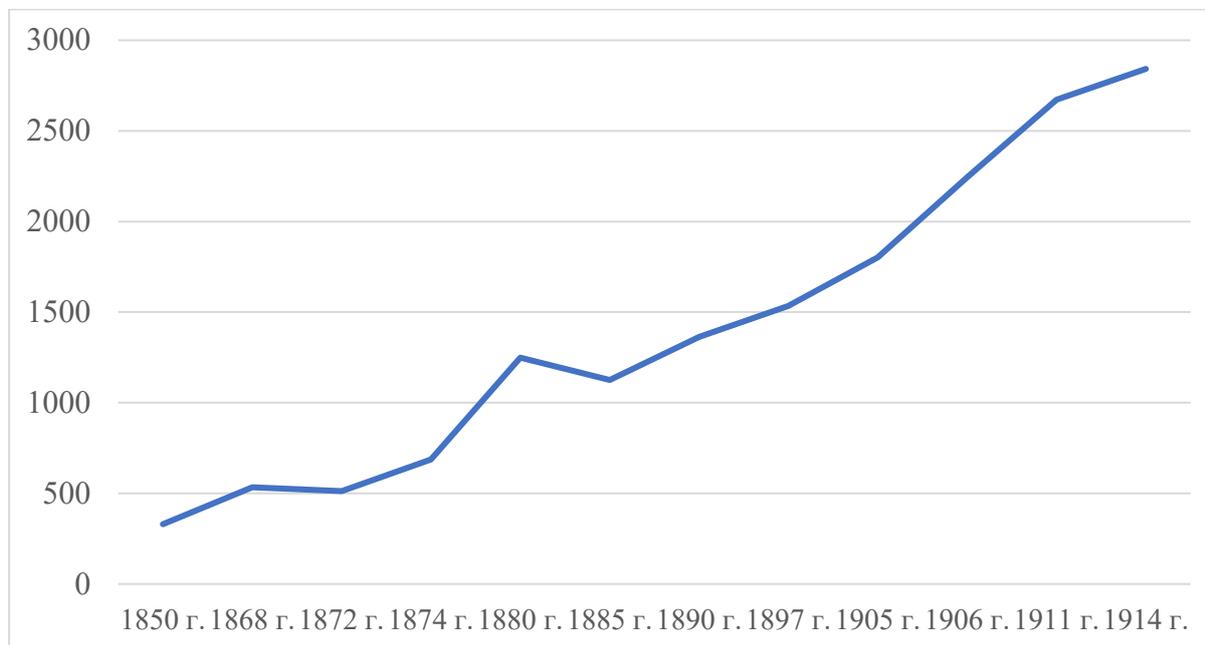
В динамике численности католического населения Астраханской губернии в 1850–1914 гг. наблюдался уверенный рост (график № 1).

---

¹ Попов А.И., Хомченко С.Н. Военнопленные Наполеоновской армии в Астраханской губернии в 1812 – 1814 гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16. № 3–2. С. 373–381. С. 380.

² Духовников Ф.В. Немцы, другие иностранцы и пришлые люди в Саратове // Саратовский край. Исторические очерки, воспоминания, материалы. Вып. I. Саратов: Паровая скоропечатня губернского правления, 1893. С. 248–249.

**Динамика изменения численности лиц католического вероисповедания
Астраханской губернии в 1850–1914 гг.¹**

Исходной датой при анализе динамики численности лиц католического вероисповедания выбран 1850 г. – период до того, как в регион стали поступать

¹ Составлен по данным: Астрахань и Астраханская губерния: описание края и общественной и частной жизни его, состоящее из записок, веденных во время 11-тимесячного пребывания в нем / издано Н-м Ерм-м. Москва: Тип. В. Готье, 1852. С. 174; Труды Астраханского губернского статистического комитета. Вып. 1. Астрахань: Губернская типография, 1869. С. 141; Отчет Астраханского губернского статистического комитета за 1872 год. Астрахань: Губернская типография, 1873. С. 10; Отчет Астраханского губернского статистического комитета за 1874 год. Астрахань: Губернская типография, 1875. С. 11; Отчет Астраханского губернского статистического комитета за 1880 год / Сост. секретарем Комитета Д.В. Чичинадзе. Астрахань: Губернская типография, 1882. С. 6; Обзор Астраханской губернии за 1885 год. (Прил. ко всепод. отчету). Астрахань: Типография губернского правления, 1886. С. 20; Памятная книжка Астраханской губернии на 1892 год / издание Астраханского губернского статистического комитета. Год IX-й. Астрахань: Типография губернского правления, 1892. С. 292; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. II. Астраханская губерния. Тетрадь II. (последняя). СПб.: Центральный статистический комитет, 1904. С. 45; Статистический обзор Астраханской губернии за 1905 год / издание Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Паровая губернская типография, 1906. Табл. 2; Статистический обзор Астраханской губернии за 1906 год / издание Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Паровая губернская типография, 1907. Л. 4; Статистический обзор Астраханской губернии за 1911 год / издание Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Паровая губернская типография, 1912. С. 6; Статистический обзор Астраханской губернии за 1914 год / издание Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Паровая губернская типография, 1915. С. 5.

политические ссыльные в большом объеме в связи с протестными движениями в Польше. Прошедшие в Царстве Польском в 1860 г. массовые манифестации, сопровождающиеся различными акциями гражданского неповиновения, способствовали резкому увеличению числа приверженцев католической веры в Астраханской губернии. Российское правительство в ответ на данное движение начало волну высылки активистов манифестаций во внутренние регионы страны. Особый размах данная практика приобрела уже после начала польского восстания 1863–1864 гг.

В 1850 г. в Астраханской губернии насчитывалось всего 330 католиков¹. На протяжении первых двух десятилетий второй половины XIX в. в регионе наблюдалось постоянное увеличение числа приверженцев католицизма, происходившее за счет притока ссыльных поляков. За период с 1850 по 1867 гг. общее число католиков выросло с 330 до 533 человек², то есть на 61,5 %. Наше предположение состоит в том, что увеличение численности католиков происходило именно за счет ссыльных, оно основано на том, что в начале 1870-х гг. естественный прирост католического населения был отрицательным и составлял минус 5 человек в год (при 21 родившемся, 26 умерших)³.

В Астраханской губернии, согласно отчету губернского воинского начальника от 5 февраля 1865 г., «поляки, находящиеся под надзором полиции, проживают в Астраханском уезде – 118 семейств; Красноярском – 3; Черноморском – 32; Енотаевском – 12. Всего 165 семейств»⁴. Чаще всего эти семьи были поселены в отдалении от городов – в селах и деревнях незначительными частями в сравнении с местным населением. Распределение ссыльных поляков в сельской части Астраханской губернии происходило следующим образом: Астраханский

---

¹ Астрахань и Астраханская губерния: описание края и общественной и частной жизни его, состоящее из записок, веденных во время 11-месячного пребывания в нем / издано Н-м Ерм-м. Москва: Тип. В. Готье, 1852. С. 174.

² Труды Астраханского губернского статистического комитета. Вып. 1. Астрахань: Губернская типография, 1869. С. 141.

³ Отчет Астраханского губернского статистического комитета за 1871 год. Астрахань, 1872. С. 22.

⁴ ГА РФ. Ф. 40. Оп. 1. Д. 1. Л. 25–27.

уезд – с. Михайловское (1), с. Разночинское (2), с. Курочкинское (1); Енотаевский уезд: с. Княжино (21), с. Селитрянное (5), с. Сасыкольское (2), с. Владимировское (14), с. Торговое (6); Чернойарский уезд: с. Соленое займище (6), с. Новоникольское (3), хутор Кожевников (6), хутор Рождественский (2), с. Крестово (19), с. Райгородское (1); Красноярский уезд: с. Петропавловское (2)¹. Целью такого разброса в отношении ссыльных поляков являлось в том числе и неизбежное принуждение контактировать с местным населением. И если в Астраханской губернии не было заявлено прямо, что ассимиляция поляков с местным русским населением легче всего пройдет путем заключения браков, то по крайней мере препятствий к вступлению в брак со ссыльными не было. Так, министр внутренних дел П.А. Валуев по представлению Астраханского губернатора П.И. Дегая от 2 декабря 1864 г. разрешал браки высланных на жительство в Астраханскую губернию с уроженцами западных губерний и служащим здесь русским населением, мотивируя решение тем, что польские переселенцы высланы на места указанного им жительства без лишения каких-либо прав. Впрочем, это не отменяло того факта, что с момента бракосочетания полицейский надзор распространялся на обоих супругов². 25 декабря 1864 г. правом на вступление в брак воспользовались Рафаил Баньковский и Юзефа Антушевич, венчание которых прошло в Астраханской римско-католической приходской церкви³.

Распределенные таким образом ссыльные католического исповедания находились в затруднительном положении в связи с исполнением необходимых им духовных треб. Все поселения Астраханскому римско-католическому настоятелю было не объехать. Поэтому верующим католикам приходилось проявлять сметливость и буквально «вылавливать» священнослужителей. Так, в апреле 1870 г. состоящие под надзором Енотаевской полиции лица католического исповедания обратились к местному уездному исправнику с просьбой о

¹ ГА РФ. Ф. 40. Оп. 1. Д. 1. Л. 11–15.

² ГААО. Ф. 797. Оп. 1. Д. 39. Л. 103–103 об.

³ ГААО. Ф. 797. Оп. 3. Д. 1. Л. 16–17.

приглашении астраханского каноника Ксаверия Рубажевича для исполнения ими исповеди и святого причастия на обратном пути его из Черного Яра¹. Случай для Тираспольской епархии не новый. Еще в конце 1850-х гг. нехватка священнослужителей (таблица № 1) и вовсе толкала колонистов-католиков уже Саратовской губернии буквально на преступление. «В марте 1859 г. католики с. Краснополье силой задержали священника Лопацинского, отправлявшегося в колонию Кочетное, где он в воскресные и праздничные дни служил обедни»². Только личная просьба Лопацинского помогла колонистам избежать наказания за свое самоуправство.

Таблица № 1

Соотношение представителей духовенства к числу прихожан отдельных конфессий Саратовской губернии в 1858 г.³

Православие	Магометанство	Лютеранство	Католичество
1:137	1:305	1:1488	1:1918

Из таблицы № 1 наглядно видно, что с точки зрения обеспеченности священнослужителями католики испытывали наибольшие трудности из представителей всех вероисповеданий Саратовской губернии. По сравнению с православным населением католики были обделены духовенством в 14 раз. В 1860-е гг. ситуация с неукомплектованностью католических приходов священнослужителями ухудшилась ввиду запрета священникам из Западного края занимать вакантные места.

В течение более чем полувекового отрезка в Астраханской губернии отчетливо прослеживалась тенденция к увеличению числа католиков, за

¹ ГААО. Ф. 797. Оп. 1. Д. 42. Л. 27.

² Лиценбергер О.А. Римско-католическая Церковь в России: история и правовое положение. Саратов: Поволжская Академия государственной службы, 2001. С. 114.

³ Составлена по данным: Памятная книжка Саратовской губернии на 1858 год / (издание статистического комитета). Саратов: Типография губернского правления, 1858. С. 121.

исключением двух периодов, которые напрямую связаны с изданием указов, облегчающих режим содержания ссыльных поляков. Первым таким указом стало Высочайшее повеление от 13 мая 1871 г., по которому сосланные за политические преступления, если они находились в Европейской части России не менее двух лет и настоящее их поведение одобрялось, могли рассчитывать на освобождение от надзора полиции с дозволением им жить повсеместно, за исключением столиц и столичных губерний, запрещалось также возвращение на родину – в Западный край или в Царство Польское. В августе 1873 г. ксендз Ф. Сидорочив, находящийся под надзором полиции в г. Царев Астраханской губернии за пропаганду католицизма и антиправительственную деятельность, получил разрешение перебраться в Харьков¹.

В то же время часть ссыльных, отправленная в Западную Сибирь, в 1870-е гг. получила право переселиться в регионы с более благоприятными условиями для проживания. Так, бывший священник Троцкого уезда Ганушишского прихода «Киприан Скимонт, в 1864 г. сосланный на жительство в Томскую губернию с лишением духовного сана, всех прав и преимуществ и конфискацией имущества в казну “за поддержку мятежников, недонесение начальству”, в 1873 г. получил разрешение переселиться на жительство под надзор полиции в один из уездных городов Астраханской губернии»².

По данным графика № 1 явственно прослеживается, что с 1868 г. динамика численности снизилась, но ненадолго и несущественно. В 1883 г. Высочайшее повеление установило свободное повсеместное проживание в России «без всяких ограничений». И снова данные на 1885 г. показывают снижение (на 124 человека) по сравнению с предыдущим показателем. Впрочем, многие из тех, кто был амнистирован, оставались в Астрахани и после Высочайшего повеления. Так, ссыльный ксендз-епископ Номинат Ржевуский покинул город только в 1886 г. по

---

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 3. Д. 352. Л. 9.

² Никулина И.Н. Религия и политические ссыльные Западной Сибири в XIX в. (20-е – первая пол. 70-х гг.): монография / И.Н. Никулина; М-во образования и науки Рос. Федерации, Алт. гос. техн. Ун-т им. И. И. Ползунова. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2004. С. 169.

состоянию здоровья. В 80–90-е гг. XIX в. римско-католическое население Астраханской губернии продолжало увеличиваться и к 1897 г. составляло 1 534 чел.¹.

Следующей вехой в жизни католического населения Российской империи в целом и Астраханской губернии в частности стало 17 апреля 1905 г., так как после издания указа «Об укреплении начал веротерпимости» стали возможны переходы из православия в другую религию. Правом перехода в католичество воспользовались, главным образом, те, кто приводил свою номинальную конфессиональную принадлежность в соответствие с фактической. Уже в 1906 г. количество католиков в Астраханской губернии составляло 2 245 человек², что на 24,5 % больше, чем годом ранее. До начала Первой мировой войны количество католиков в Астраханской губернии продолжало постепенно расти, в том числе за счет естественного прироста населения, и в 1914 г. составило 2 842 человека³. Так, в 1907 г. в Астраханской губернии было зарегистрировано 62 новорожденных католического вероисповедания, в графе умерших значилось 50 человек⁴. Таким образом, естественный прирост приверженцев католицизма в 1907 г. в Астраханской губернии составил 12 человек.

С началом Первой мировой войны католическое население в регионе прибавляется по причине размещения в Астраханской губернии вынужденных переселенцев. Более подробно о них будет изложено в третьей главе.

Показательным в вопросе размещения административно высланных католиков является список лиц, принимавших участие в политической демонстрации 5 апреля 1894 г. в Варшаве и отправленных по распоряжению

---

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. II. Астраханская губерния. Тетрадь II. (последняя). СПб.: Центральный статистический комитет, 1904. С. 45.

² Статистический обзор Астраханской губернии за 1906 год / издание Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Паровая губернская типография, 1907. С. 83.

³ Статистический обзор Астраханской губернии за 1914 год / издание Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Паровая губернская типография, 1915. Л. 5 табл.

⁴ Движение населения в Европейской России за 1907 год. Пг.: Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1914. С. 14, 92.

главы МВД в Астраханскую губернию под гласный надзор полиции сроком на два года, считая со дня прибытия на место их назначения. Все восемь человек были водворены именно в город Астрахань¹. Так как изначальный срок высылки, равный двум годам, впоследствии был сокращен еще до одного года, то, вписавшись во временные рамки 1890–1897 гг., данные политические ссыльные не оказали влияния на общую динамику численности католического населения губернии.

Проживание католиков губернии в основном в Астраханском уезде, а именно в уездном центре (в 1883 г. 911 католиков² из всех 944 католиков Астраханского уезда проживало в Астрахани), объясняется их родом занятий. Либеральные реформы Александра II выявили нехватку профессиональных кадров для работы в созданных органах местного и городского самоуправления. И ссыльных поляков-католиков стали привлекать для этой деятельности. Памятная книжка Астраханской губернии на 1887 г. приводит список чиновников губернии с указанием их вероисповедания. Так, по ее данным в Астраханской губернии на службе находилось 38 человек католической веры, 14 из них служили в МВД, 9 – в Министерстве государственных имуществ, 8 – в Министерстве юстиции, 2 в Почтово-телеграфных учреждениях, 2 – в Военном министерстве, 2 – в Министерстве финансов, 1 – в Государственном контроле³. Кроме того, католики Астраханской губернии работали и врачами (3), и учителями (7). Служба в городском управлении и земских структурах помогала, с одной стороны, адаптироваться к российской провинциальной жизни, а с другой, давала дополнительный источник контроля для властей. Число польских ссыльных, решившихся на сотрудничество с властями, было невелико, но уже сам факт такого сотрудничества говорил об изменившемся отношении народов друг к

---

¹ ГААО. Ф. 286. Оп. 2. Д. 80. Л. 1.

² Обзор Астраханской губернии за 1883 год. (Прилож. ко всеподдан. отчету Начальника Астрахан. губ.). Астрахань: Типография губернского правления, 1884. С. [13].

³ Памятная книжка Астраханской губернии на 1887 г. / издание губернского статистического комитета. Астрахань: Типография губернского правления, 1887. С. 48–148.

другу. Отчасти этому способствовало то, что в Астраханской губернии размещались поляки, оказавшие пассивное сопротивление российским властям.

Знаковой фигурой Астраханской губернии являлся Бронислав Людвигович Громбчевский – губернатор и Наказной атаман Астраханского казачьего войска (1903–1906), римско-католического исповедания. Назначение Громбчевского казачьим атаманом нарушало традиции, поэтому при личной встрече император Николай II произнес следующую фразу: «Я долго думал, но затем выбрал вас на должность полного гетмана, хотя ни при моей власти, ни при святой памяти родителя моего и деда и, насколько помню, и прадеда не было такого случая, чтобы поляка и католика когда-либо именовали гетманом казацким, который является опорой трона и династии»¹.

Парадоксальность ситуации усиливается тем, что отец Громбчевского отметился в ходе польского восстания 1863–1864 гг. За поддержку мятежа отец будущего губернатора был сослан в Сибирь с конфискацией имущества. Лишение возможности получать финансовую помощь от отца стало стимулом для Бронислава Людвиговича в поступлении на военную службу. Формально в 1870-е гг., когда Громбчевский начал военную службу в России, не существовало никаких ограничений по национальному признаку, но предвзятость именно к католическому населению сохранялась: поляки-католики должны были предоставлять характеристики о своей политической лояльности. Предвзятость выражалась еще и в территориальном распределении поляков-католиков и лиц, женатых на польках-католичках. Так, «в пехотных полках их могло быть не более 20 % (вообще число неправославных христиан не должно было превышать в войсках 30 %)»². Для облегчения продвижения по службе Громбчевскому предлагали переход в православие, однако Бронислав Людвигович, несмотря на

---

¹ На службе российской: фрагменты воспоминаний / Бронислав Громбчевский; пер. с польск. М.Г. Леонов; лит. ред. пер. Е.Г. Королькова. Москва: Науч. мир, 2016. С. 175.

² Волков С.В. Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993. С. 313.

то, что никогда не был глубоко верующим человеком, решил не порывать с «последним якорем, который связывал его с корнями предков»¹.

После двадцатилетней службы в Средней Азии и семи лет на Дальнем Востоке, в сентябре 1903 г. Громбчевский «назначается Астраханским Губернатором и Наказным Атаманом казачьего войска, с зачислением по тому же войску»². С первых дней в новой должности Бронислав Людвигович особое внимание уделял помощи нуждающимся посредством благотворительной деятельности. Он являлся попечителем Астраханской Мариинской женской гимназии, председателем Общества спасения на водах, Общества покровительства животным, председателем Совета Астраханского отделения Попечительства Марии Александровны о слепых. По ходатайству совета старшин принял звание почетного члена клуба астраханского общества велосипедистов-любителей, что тоже можно отнести к делу призрения нуждающихся, так как через два дня после согласия стать почетным членом председатель совета старшин клуба велосипедистов-любителей Л.М. Буйко от лица всего клуба внес 300 руб. в Астраханское благотворительное общество, председательницей которого являлась В.Ф. Громбчевская³.

Вера Федоровна Громбчевская, 1 декабря 1903 г. была избрана председателем Астраханского благотворительного общества. Кроме этого, она являлась попечительницей Ирининской общины сестер Милосердия Красного Креста, председателем Попечительства о бедном учащемся юношестве. Вклад в благотворительную деятельность четы Громбчевских не ограничивался лишь номинальным членством в данных обществах. Местная периодическая печать того времени пестрила рассказами о посещениях тех или иных учреждений. Так, 5 декабря 1903 г. Бронислав Людвигович с супругой Верой Федоровной посетили

---

¹ Попель-Махницки В., Плескачиньски А., Плескачиньска К. Неоткрытые путешествия. Дневник экспедиции Бронислава Громбчевского 1889–1890 как свидетельство истории и элемент культурного наследия. Познань: Изд-во ун-та им. Адама Мицкевича, 2017. С. 46.

² РГИА. Ф. 1284. Оп. 73. 1906 г. Д. 129. Л. 20–21.

³ Астраханское благотворительное общество // Астраханский листок. № 272. 18.12.1903. С. 3.

сразу несколько заведений: Городской ночлежный дом, Воробьевскую дешевую столовую, Дом дешевых квартир с детским приютом и церковно-приходской школой, Губинскую богадельню, Федоровский детский приют и Елизаветинский сиротский дом. «В детских приютах их превосходительства слушали пение детей и везде пробовали пищу»¹, – сообщал Астраханский листок. Для пошива одежды бедным детям Астрахани к Рождеству Вера Федоровна организовала у себя дома швейные вечера, на которые могли приходиться все желающие по понедельникам с 7 до 10 вечера.

В целом в начале XX в. в Астраханской губернии проводилось большое количество благотворительных мероприятий, одним из которых были вечера Астраханского римско-католического благотворительного общества. Такие вечера включали в себя костюмированные представления, пользовавшиеся широкой популярностью у публики. После очередного ежегодного концерта и бала в пользу католического благотворительного общества, организаторы отправили третью часть средств в пользу раненых и семей убитых в первом морском бою с японцами в Порт-Артуре 27 января 1904 г.². Подобные концерты являлись долгожданным событием у жителей города и солидной прибавкой средств в фонде Астраханского римско-католического общества помощи бедным. Так, в кассовом отчете за 1901 г. данного общества прибыль от концерта-бала составила 1 143 руб. 65 коп., что в сравнении с членскими взносами, пожертвованиями, и деньгами, полученными от синдиката церкви, составило 72 % всего прихода в отчетном году³. Таким образом, помощь католического общества Астрахани больным и раненым Дальнего Востока стала одной из первых в Русско-японской войне.

Непродолжительный срок губернаторства, отмеченный революционными потрясениями, холерой и чумой, завершился 8 августа 1906 г., когда Бронислав

---

¹ Посещение благотворительных учреждений // Астраханский листок. № 263. 06.12.1903. С. 3.

² Молебствие // Астраханский листок. № 24. 30.01.1904. С. 3.

³ Отчет Астраханского общества вспомоществования бедным римско-католического исповедания за 1901 год. Астрахань: Типография В. Блаженкова, 1902. С. 6.

Людвигович был произведен в генерал-лейтенанты с увольнением от службы, «за болезнью, с мундиром и пенсией»¹.

Исходя из вышеуказанного, среди католиков Астраханской губернии были и офицеры, и сотрудники полиции, и врачи, и учителя, и члены губернского правления. Фонд римско-католической церкви Тираспольской консистории города Астрахань ГАОО содержит несколько прошений на имя настоятеля церкви от Городской думы², Палаты уголовного и гражданского суда³ о присылке викария для привода к присяге на верность службы вновь определенных в штат палаты чиновников или судей.

Таким образом, в 1861–1917 гг. количество католиков в Астраханской губернии неуклонно росло. В начале XX в. католическая община региона насчитывала уже свыше двух тысяч прихожан, подавляющее большинство которых проживало в Астраханском уезде. В связи с тем, что Астраханская губерния являлась местом высылки поляков за участие в антиправительственных выступлениях, к концу XIX в. именно поляки составляли этническое большинство прихожан Римско-католической церкви региона.

Католическая община Саратовской губернии существенно отличалась от Астраханской. Численность католиков Саратовской губернии в 1857–1914 гг. постоянно росла (график № 2)⁴, что в целом соответствовало тенденции к

¹ Разведчик. № 825. 15.08.1906. С. 620.

² ГААО. Ф. 797. Оп. 1. Д. 42. Л. 67.

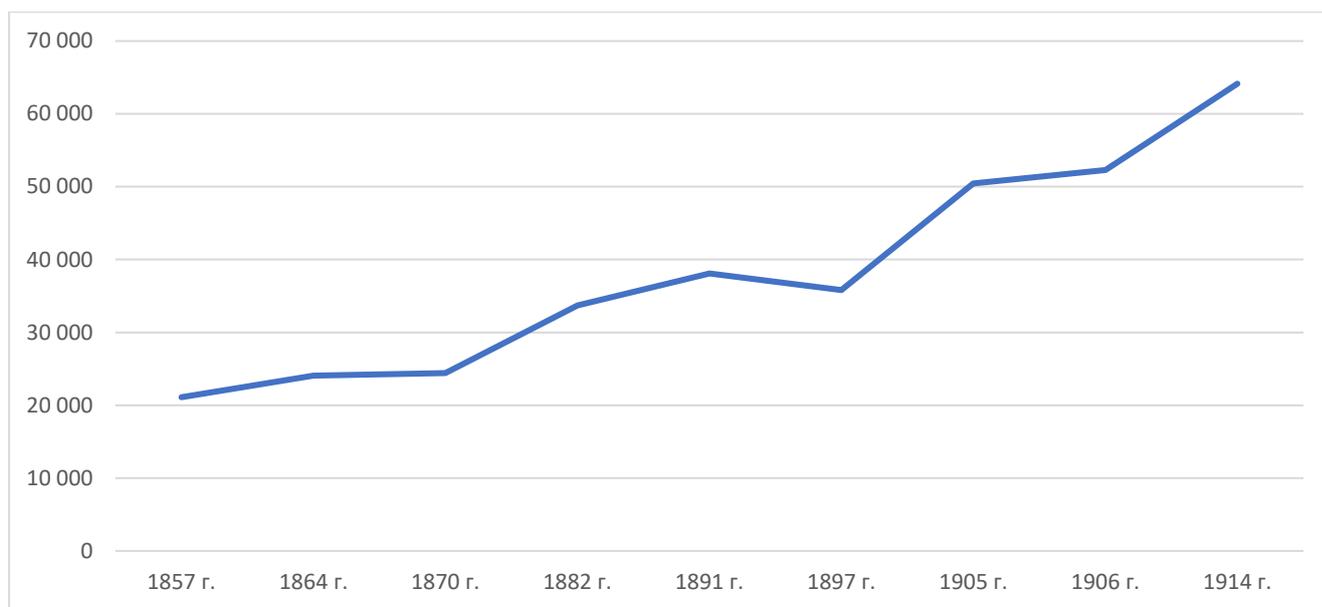
³ ГААО. Ф. 797. Оп. 1. Д. 42. Л. 3.

⁴ Обзор Саратовской губернии за 1870 год. (Прил. ко всепод. отчету). Саратов: губернская типография, 1871. С. 64. ошибочно приводит цифру в 2957 человек в графе приверженцев римско-католической церкви за 1870 г. (вывод об ошибочности делается на основе того факта, что в Камышинском уезде в графе католического населения стоит прочерк), эта же цифра за 1870 г. упомянута на стр. 240 Памятной книжки Саратовской губернии на 1872 год / (издание статистического комитета). Саратов, 1872. [5], 187, [1], 115, [1], 117–275, [1], 54, [2] с., [7] л. табл., но также на стр. 137 данной Памятной книжки в главе «О состоянии селений поселян-собственников» значится 24 415 католиков, и это только из числа колонистов. Например, в этой же главе указана цифра – 105 561 лютеранин из числа колонистов, а всего в губернии 111 797 человек лютеранского вероисповедания. Таким образом, показатель 24 415 не отражает всех католиков Саратовской губернии, но, тем не менее, позволяет проследить тенденцию к увеличению числа приверженцев католичества в регионе по сравнению с другой временной отсечкой.

увеличению всего населения губернии (с 1 593 410 человек¹ в 1857 г. до 3 327 984 человек² в 1914 г.).

График № 2

Динамика изменения численности лиц католического вероисповедания Саратовской губернии в 1857–1914 гг.³

На численность католического населения Саратовской губернии существенное влияние оказали изменения правового положения колонистов.

¹ Памятная книжка Саратовской губернии на 1858 год / (издание статистического комитета). Саратов: Типография губернского правления, 1858. С. 115.

² Статистический обзор Саратовской губернии за 1914 год. Саратов, 1915. С. 8.

³ Составлен по данным: Памятная книжка Саратовской губернии на 1858 год / (издание статистического комитета). Саратов: Типография губернского правления, 1858. С. 115; Памятная книжка Саратовской губернии на 1864 год / (составлена Саратовским губернским статистическим комитетом; [сост. Д.Л. Мордовцев]. Ч. 2. Саратов: Типография губернского правления, 1864. С. 75; Обзор Саратовской губернии за 1870 год. (Прил. ко всепод. отчету). Саратов: губернская типография, 1871. С. 64; Памятная книжка Саратовской губернии на 1872 год / (издание статистического комитета). Саратов: типография губернского правления, Ищенко, Кувардина и Сцитник, 1872. С. 240; Адрес-календарь Саратовской губернии на 1884 год / (издание Саратовского губернского статистического комитета). Саратов: Типография губернского правления, 1883. С. 273; Обзор Саратовской губернии за 1891 год: с отчетом Губернского статистического комитета / сост. Ф.С. Шиманский. 1892. С. [18]; Обзор Саратовской губернии за 1897 год. (Прил. ко всепод. отчету). Саратов: Типография губернского правления, 1898. С. [37]; Статистический обзор Саратовской губернии за 1905 год / Саратов. губ. стат. комитет. Саратов: Паровая скоропечатня губернского правления, 1906. С. [22]; Статистический обзор Саратовской губернии за 1906 год / Саратов. губ. стат. комитет. Саратов: Паровая скоропечатня губернского правления, 1907. С. 10; Статистический обзор Саратовской губернии за 1914 год / Саратов. губ. стат. комитет. Саратов: Типография губернского правления, 1915. С. 9.

Ликвидация статуса колонистов в 1871 г. и издание «Манифеста о введении всеобщей воинской повинности» в 1874 г. способствовали эмиграции поселян-собственников. Более подробно данный вопрос будет рассмотрен в параграфе 2.2. «Повседневная жизнь католиков и лютеран». Однако эмиграция не смогла помешать ускоренному перемещению колонистов в губернский центр. Несмотря на некоторые отклонения, вызванные миграциями, численность католиков, проживавших в Саратове с 1864 г. по 1914 г., увеличилась с 1 144¹ до 5 995 человек².

Колонисты Камышинского уезда уже в 1863 г. отмечали столетие своего пребывания в России. Произнеся тосты за здоровье Александра II, колонисты решили отправить на имя министра внутренних дел телеграмму следующего содержания: «Мы благодарим Государя за доставление нам счастья и пьем за здоровье его и всей Его царской фамилии»³.

Практически двукратное увеличение числа католиков Камышинского уезда с 1897 г. по 1914 г. привело к обострению ранее существовавшей проблемы дефицита католического духовенства в данном уезде. Для решения этой проблемы жители местностей, где обстановка была особенно напряженной, ходатайствовали об открытии новых приходов. Так, 27 января 1908 г. общее собрание жителей католического поселения Иозефсталь Камышинского уезда проголосовало за выход из Мариенфельдского прихода и образование в своем поселении отдельного церковного прихода. «Наше селение находится от села Мариенфельд, где живет приходской священник, на расстоянии 10 верст, что вызывает для нас большие затруднения, особенно весной во время половодья, когда мы вследствие снежных оврагов по дороге совершенно оторваны от села Мариенфельда на три и больше недель и построить мосты невозможно, а другие

---

¹ Памятная книжка Саратовской губернии на 1864 год / (составлена Саратовским губернским статистическим комитетом; [сост. Д.Л. Мордовцев]. Ч. 2. Саратов: Типография губернского правления, 1864. С. 75.

² Статистический обзор Саратовской губернии за 1914 год / Саратов. губ. стат. комитет. Саратов: Типография губернского правления, 1915. С. 71.

³ Из Камышина // Справочный листок. № 36. 13.02.1864. С. 3.

католические селения поблизости не имеются, вследствие чего смертельный больной не в состоянии исполнить свой предсмертный долг, равно и новорожденный ребенок, который крайне нуждается в крещении, не может быть крещен»¹.

Ко всему прочему, в обоснование открытия своего прихода жители Иозефсталя приводили высокую загруженность местного приходского священника, который заведовал еще католиками г. Камышина и поблизости лежащих хуторов. Ввиду данных обстоятельств местному священнику часто приходилось разъезжать, и в момент необходимости вызвать его не представлялось возможным, да и самому священнику было трудно исполнять все свои обязанности в такой густонаселенной местности. В самой же церкви Мариенфельда во время богослужений наблюдалась давка среди молящихся. Обращение об учреждении нового прихода было адресовано Тираспольскому епископу Иосифу Кесслеру. Несмотря на все доводы и гарантии обеспечить содержание священника за свой счет, отдельный приход в с. Иозефсталь начал действовать только с 1918 г.

В пореформенный период темпы прироста сельского населения, в том числе католического, в России резко возросли, поэтому быстро увеличилась подвижность населения. Немецкие колонисты Саратовской губернии, страдающие от малоземелья, переезжали в Сибирь, соседнюю Самарскую губернию, Область Войска Донского, а также за границу. Идеальным описанием стремления своих соотечественников к поиску лучшей доли являются слова уроженца колонии Кратцке (Починное) Якова Дитца: «Люди, бросившие отчизну, оставившие могилы предков своих и перешедшие в далекую Россию, чтобы найти там свое счастье, действительно, не дорожили насиженным местом и видели свою родину там, где им было хорошо»². В одной из статей журнала «Klemens» автор Шмидт отзывался о тяге к переселениям более грубо. «То, что немецкие

---

¹ ГАВО. Ф. 270 Оп. 1. Д. 143. Л. 3–3 об.

² Дитц Я.Е. История поволжских немцев-колонистов. М.: Готика, 2000. С. 226.

поселенцы периодически проявляют особую тягу к эмиграции и переселению, можно рассматривать почти как болезнь. В большинстве случаев любители пеших прогулок не имеют ни малейшего представления обо всех трудностях, с которыми приходится сталкиваться при переезде, и думают только о стране, где течет молоко и мед»¹. Автор опасался последствий неподготовленных переселений, при которых страдали его единоверцы. По мнению Шмидта, было совершенно необходимо принять все меры, чтобы переселенческое движение уменьшилось настолько, насколько уменьшились подготовленные для них участки земли, и, кроме того, было необходимо позаботиться о том, чтобы переселялись только те люди и семьи, которые в состоянии и имеют силы для жизни на новом месте, так как в Сибири приходилось приспосабливаться к новым условиям природы и экономики.

Кроме того, малоземелье, с которым столкнулось католическое население Камышинского уезда, толкало их на переселение в город. «За последние десять лет число католиков в Камышине значительно увеличилось, так что ныне² там насчитывается около 150 семей»³. Причину увеличения количества католиков в Камышине автор статьи журнала «Klemens» видел в бедственном материальном положении колонистов, которые вынуждены перебираться в уездный центр, чтобы раздобыть средства на пропитание.

Таким образом, в 1861–1917 гг. католики Саратовской губернии представляли собой многочисленную религиозную группу. Ее ядро составляли колонисты, предки которых прибыли в регион по приглашению Екатерины II. Большинство католиков Саратовской губернии были заняты сельским хозяйством. В связи с высокими темпами прироста сельского населения и под влиянием политики, направленной на унификацию правового положения

---

¹ Übersiedlung nach Sibirien // Klemens. № 30. 23.04.1898. P. 455. [Переселение в Сибирь // Клеменс. № 30. 23.04.1898. С. 455. Перевод авт.].

² *Примечание*: 1898 г.

³ Kamyschin // Klemens. № 36. 3.06.1898. P. 555–556. [Камышин // Клеменс. № 36. 3.06.1898. С. 555–556. Перевод авт.].

российского населения, часть бывших колонистов была вынуждена покинуть пределы России, предпочитая страны Южной Америки. Привлечение поселенцев-собственников к военной службе свело к минимуму социальную замкнутость немецких поселений.

1.2. Численность и структура лютеранского населения

Появление лютеран в Астрахани как сколько-нибудь организованной общины относится к рубежу XVII–XVIII вв. Уже в 1702 г. в Астрахани проживало около 100 лютеран¹, прибывших в город по долгу службы. С целью привлечения иностранных специалистов в Россию 16.04.1702 г. Петром I был издан манифест «О вызове иностранцев в Россию с обещанием им свободы вероисповедания», обращенный к населению европейских государств «какой ни есть веры»². Тот факт, что многие иностранцы откликнулись на данный манифест, стал благоприятным событием для распространения лютеранства в России, и в Нижнем Поволжье, в частности. 21 июля 1713 г. лютеранский пастор Иван Кашпиров подал челобитную на имя Петра I, в которой просил выдать ему проезжую грамоту до Астрахани. В челобитной проситель сообщал, что в течение 9 лет проживал в Воронеже, где служил пастором у корабельных мастеров. Поручителем по прошению выступил один из бывших прихожан, седельного дела мастер Иван Витих. Прошение было удовлетворено³. Продолжил ли Кашпиров службу пастором в Астрахани, доподлинно неизвестно, так как первое упоминание о пасторе лютеранской церкви Астрахани Ягане Сикилисе относится к 1721 г., когда молитвенный дом, построенный в 1713 г., был расширен и приобрел вид кирхи.

---

¹ Саввинский И.И. Католики и лютеране в Астраханской епархии и отношение к ним Св. синода и местной епархиальной власти. Астрахань: Типография В.Л. Егорова, 1902. С. 45.

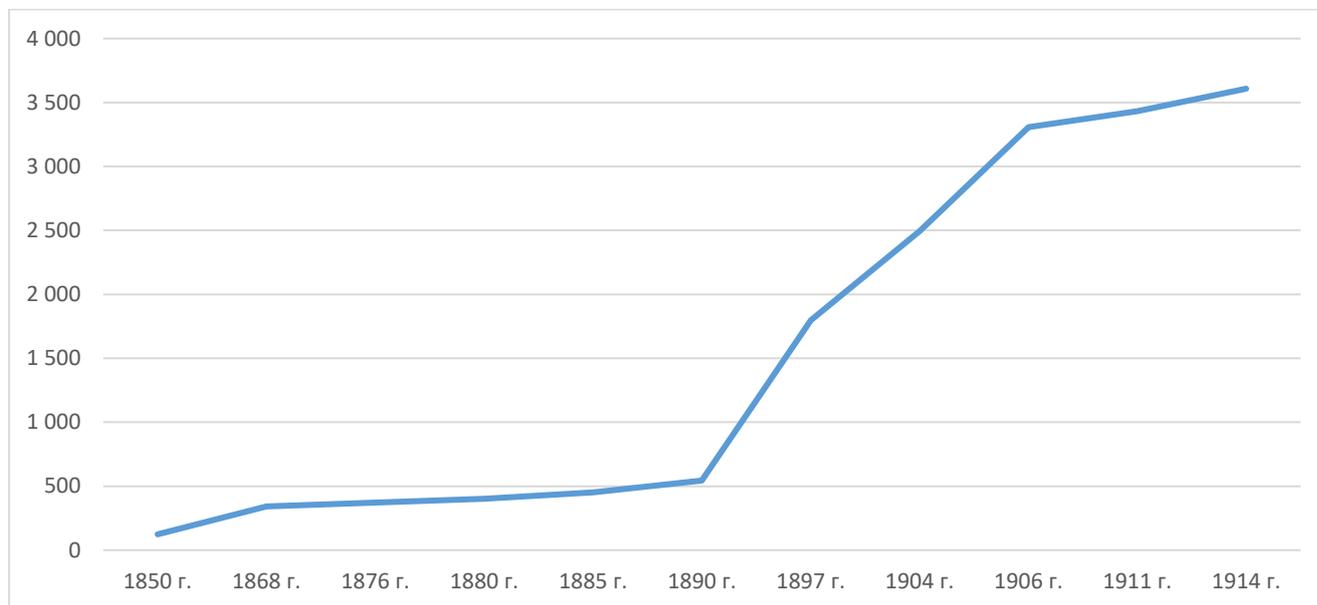
² О вызове иностранцев в Россию с обещанием им свободы вероисповедания // Полное собрание законов Российской Империи. 3-е изд. Т. IV. № 1910. СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. С. 192–193.

³ ЦГА Москвы. Ф. 1629. Оп. 1. Д. 66. Л. 1–2 об.

В течение XVIII в. Астрахань и лютеранская община пережили множество потрясений: эпидемию чумы, пожар в кирхе и доме пастора, постройку нового здания для молитв, так как действующее прихожане посчитали неподходящим ввиду его малых размеров. В 1821 г. евангелический суперинтендант Саратовской консистории И. Фесслер запустил сбор пожертвований на новую каменную кирху, постройка которой началась только через 67 лет.

Количество лютеран в 1861–1914 гг. росло постоянно, и в отличие от католического населения ни в один из рассмотренных временных промежутков не наблюдалось спада (график № 3).

**Динамика изменения численности лиц лютеранского вероисповедания
Астраханской губернии в 1850–1914 гг.¹**

¹ Составлен по данным: Астрахань и Астраханская губерния: описание края и общественной и частной жизни его, состоящее из записок, веденных во время 11-тимесячного пребывания в нем / издано Н-м Ерм-м. Москва: Тип. В. Готье, 1852. С. 174; Труды Астраханского губернского статистического комитета. Вып. 1. Астрахань: Губернская типография, 1869. С. 141; Отчет Астраханского губернского статистического комитета за 1872 год. Астрахань: Губернская типография, 1873. С. 11; Отчет Астраханского губернского статистического комитета за 1874 год. Астрахань: Губернская типография, 1875. С. 11; Отчет Астраханского губернского статистического комитета за 1880 год / Сост. секретарем Комитета Д.В. Чичинадзе. Астрахань: Губернская типография, 1882. С. 6; Обзор Астраханской губернии за 1885 год. (Прил. ко всепод. отчету). Астрахань: Типография губернского правления, 1886. С. 20; Памятная книжка Астраханской губернии на 1892 год / издание Астраханского губернского статистического комитета. Год IX-й. Астрахань: Типография губернского правления, 1892. 11, VI, 290, 71 с., [16] л. табл. С. 292; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. II. Астраханская губерния. Тетрадь II. (последняя). СПб.: Центральный статистический комитет, 1904. С. 4; Статистический обзор Астраханской губернии за 1905 год / издание Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Паровая губернская типография, 1906. IV, 95 с., 16 табл. Табл. 2; Статистический обзор Астраханской губернии за 1906 год / издание Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Паровая губернская типография, 1907. С. 83; Статистический обзор Астраханской губернии за 1911 год / издание Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Паровая губернская типография, 1912. С. 6; Статистический обзор Астраханской губернии за 1914 год / издание Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Паровая губернская типография, 1915. С. 5.

Данный факт связан с тем, что пребывание лютеран на территории Астраханской губернии было добровольным. В первый рассмотренный отрезок времени (1850–1868 гг.) мы видим более чем двукратное увеличение числа приверженцев лютеранства в Астраханской губернии, что связано в том числе с изменениями административного деления в Российской империи, а именно в 1851 г. Царевский уезд из Саратовской был переведен в состав Астраханской губернии. По сведениям IX ревизии 1850 г. в Царевском уезде проживало 80 705 человек¹. Сколько из этого числа приходилось на лютеран, установить не представляется возможным, но в 1914 г. Царевский уезд занимал второе место по количеству лютеран, уступая лишь немного Астраханскому уезду (1 049 лютеран в Царевском уезде и 1 057 лютеран в Астраханском)². При этом темпы роста количества лютеран в Царевском уезде существенно опережали все остальные, в том числе и Астраханский.

Увеличение общины лютеран на территории Астраханской губернии было обеспечено в том числе за счет высокой рождаемости населения данной конфессии. Так, в 1880 г. в Астраханской губернии в семьях лютеран родилось 37 младенцев (15 мальчиков и 22 девочки). Отношение родившихся по каждому вероисповеданию к числу жителей той же религии у лютеран было наивысшим – 37 / 402 и составило 9,2 %. Для сравнения, на втором месте были православные с показателем 20 777 / 350 981 или 5,9 %³. При 24 умерших естественный прирост лютеран составил 13 человек. Причиной высокого естественного прироста выступало и отношение лютеранского духовенства к заключению браков (график № 4).

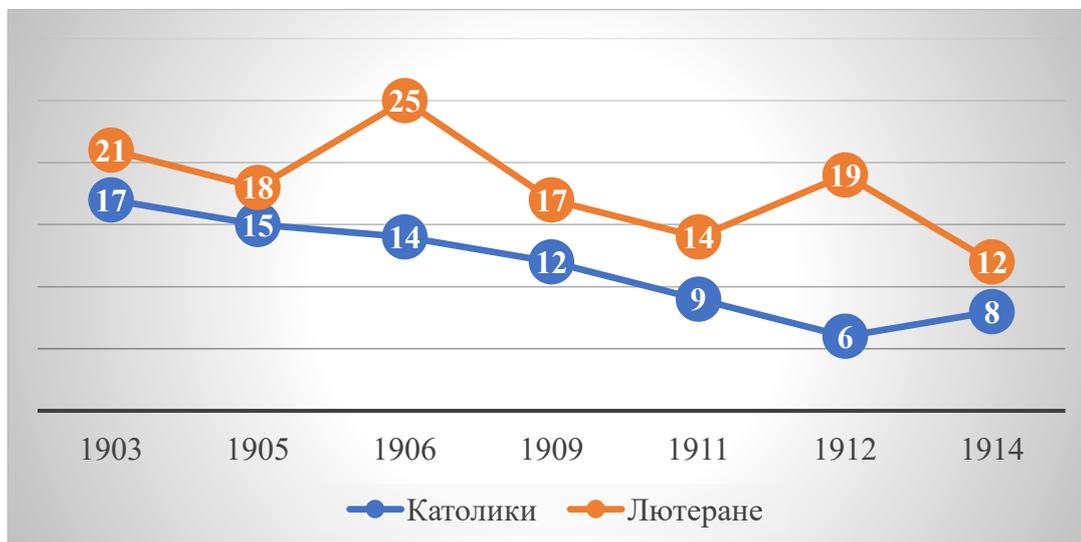
---

¹ Девятая ревизия: исследование о числе жителей в России в 1851 г. / [соч.] Петра Кеппена, д. чл. Имп. Акад. наук, д-ра философии, магистра правоведения. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1857. С. 21.

² Статистический обзор Астраханской губернии за 1914 год / издание Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Паровая губернская типография, 1915. Л. 5.

³ Отчет Астраханского губернского статистического комитета за 1880 год / Сост. секретарем Комитета Д.В. Чичинадзе. Астрахань: Губернская типография, 1882. С. 17.

Число браков, заключенных в католической и лютеранской церквях в 1903–1912 гг. в г. Астрахань¹

В каждый год рассматриваемого периода лютеранская церковь Астрахани регистрировала большее количество браков, чем католическая. Превалирование браков по лютеранской традиции объясняется тем, что лютеранская церковь спокойно относилась к повторным бракам в отличие от католической. «Католический ксендз никогда бы не согласился совершать обряд над разведенным, причем это касалось не только католика, но и представителя

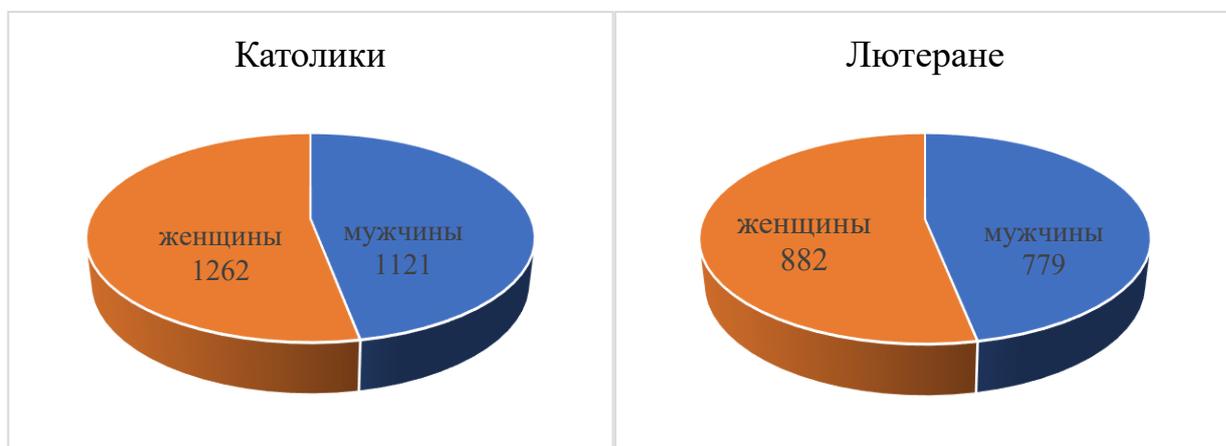
¹ Составлен по данным: Статистический обзор Астраханской губернии за 1903 год / издание Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Паровая губернская типография, 1904. Л. 3; Статистический обзор Астраханской губернии за 1905 год / издание Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Паровая губернская типография, 1906. Л. 9; Статистический обзор Астраханской губернии за 1906 год / издание Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Паровая губернская типография, 1907. Л. 9; Статистический обзор Астраханской губернии за 1909 год / издание Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Паровая губернская типография, 1910. Л. 9; Статистический обзор Астраханской губернии за 1911 год / издание Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Паровая губернская типография, 1912. Л. 8; Статистический обзор Астраханской губернии за 1912 год / издание Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Паровая губернская типография, 1913. Л. 8; Статистический обзор Астраханской губернии за 1914 год / издание Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Паровая губернская типография, 1915. Л. 9.

другого вероисповедания, если он, будучи в разводе, решал связать свою судьбу с лицом, принадлежавшим к католической пастве»¹.

Особенно разительный разрыв в количестве браков стал показательным в 1912 г., браков в лютеранской церкви было заключено в три раза более по сравнению с католической церковью (19 и 6 соответственно). Поэтому этот год и рассмотрим внимательнее на предмет общего количества прихожан каждой из церквей и их гендерного соотношения (диаграмма № 1).

Диаграмма № 1

Гендерный состав католиков и лютеран Астрахани в 1912 г.²

По диаграмме можно заметить, что общее количество католиков в 1,5 раза превосходило количество лютеран, а в гендерном соотношении наблюдается примерное равенство. Поэтому причина большего количества браков по обрядам лютеранской церкви кроется в несбалансированном соотношении числа мужчин и женщин каждой конфессии.

Согласно статье 228 Устава духовных дел иностранных исповеданий перед венчанием проводилось оглашение, которое состояло в объявлении священником местной церкви после богослужения в течение трех воскресных дней и других

¹ Веремько В.А., Тропов И.А. «Расторжение браков» у католиков в России во второй половине XIX – начале XX веков // Научно-технический вестник Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики. 2007. № 36. С. 66–71.

² Составлена по данным: Статистический обзор Астраханской губернии за 1912 год / издание Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Паровая губернская типография, 1913. Л. 5.

встречающихся между ними праздников имен прихожан, желавших вступить в брак¹. Не позже третьего оглашения любой человек, имеющий сведения о препятствиях к браку, должен был письменно или устно уведомить о том священника. Если препятствий заключению брака не обнаруживалось, то священнику полагалось выдать огласительные свидетельства желающим вступить в брачный союз.

Зачастую католические священники отказывались выдавать своим прихожанам огласительные свидетельства, чтобы не допустить заключения межконфессионального брака. С целью прекратить указанную пагубную практику в 1905 г. начал действовать закон, по которому прихожанин католической церкви для вступления в брак с представителем лютеранской церкви мог вместо огласительного свидетельства получить выписку в отделении полиции о внебрачном состоянии².

В 1888 г. возросшее число приверженцев лютеранства в Астрахани поспособствовало началу строительства каменной кирхи, освящение которой состоялось через 4 года. Сбор пожертвований на строительство кирхи продолжался целых 67 лет (с 1821 г.) и был вызван опасениями повторения бедствия, постигшего лютеранскую церковь Астрахани в 1729 г., когда сгорела и деревянная церковь, и дом местного пастора. Однако к началу строительства накопленная сумма пожертвований составляла всего 12 570 р. 50 к., а за время четырехлетнего строительства было собрано еще 15 тысяч руб.³.

В 1885 г. абсолютное большинство лютеран (98 %) Астраханской губернии было сосредоточено в Астраханском уезде. В 1860–1880-е гг. большинство лютеран Астрахани составляли переселенцы из колонии Сарепты, а точнее торговые представители сарептского братства. Другие являлись ремесленниками,

---

¹ Об оглашениях // Свод законов Российской империи. Т. XI. Ч. 1. Уставы духовных дел иностранных исповеданий. № 228. СПб.: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1857. С. 45.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 614. Л. 121.

³ Саввинский И.И. Католики и лютеране в Астраханской епархии и отношение к ним Св. синода и местной епархиальной власти. Астрахань: Типография В.Л. Егорова, 1902. С. 49.

машинистами (по толковому словарю Даля – механиками)¹. О большом количестве сарептских лавок свидетельствовал и писатель Т.Г. Шевченко в своем дневнике во время двухнедельной поездки в Астрахань в 1857 г.: «Возвращаясь из сарептского магазина, в котором все есть, кроме копченой колбасы... Эх, немцы, немцы сарептские, и вы акклиматизировались, а я наверняка рассчитывал на вашу стойкую колбасолюбивую натуру»², – сетовал писатель на отсутствие любимого продукта.

После открытия каменной кирхи в 1892 г. Астрахань стала еще большим местом притяжения лютеран всей губернии. За 12 лет число лютеран в Астраханском уезде увеличилось более чем втрое (с 443³ в 1885 г. до 1 534⁴ человек в 1897 г.). Лютеране Астрахани, подавляющее большинство которых составляли немцы, работали «в Астраханской конторе “Товарищества нефтяного производства Братьев Нобель” и в пароходствах “Самолёт” и “Кавказ и Меркурий”, а также в сфере медицины и образования»⁵.

Приверженцами лютеранства в Российской империи были представители различных этносов (эстонцы, латыши, финны), но во внутренних губерниях национальный состав лютеранских общин был, как правило, моноэтническим, немецким. Это относилось и к Астраханской и Саратовской губерниям. Таким образом, неудивительно, что лютеране и у правительства, и у простых обывателей ассоциировались как раз с немцами.

---

¹ Труды Астраханского губернского статистического комитета. Вып. 1. Астрахань: Губернская типография, 1869. С. 119.

² Шевченко Т.Г. Собрание сочинений. Т. 5. Автобиография. Дневник. Избранные письма и деловые бумаги. М.: Художественная литература, 1956. С. 101.

³ Памятная книжка Астраханской губернии на 1887 г. / издание губернского статистического комитета. Астрахань: Типография губернского правления, 1887. С. 176–177.

⁴ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. II. Астраханская губерния. Тетрадь II. (последняя). СПб.: Центральный статистический комитет, 1904. С. 45

⁵ Сызранов А.В. Этнос и этнические группы Астраханской области: справочное пособие. Астрахань: ОмЦ НК, 2008. С. 22.

В 1890-е гг. происходило стремительное увеличение числа лютеран в Царевском уезде. В 1897 г. 331 человек¹, а уже в 1903 г. – 675 человек², причем в первом случае все были сосредоточены в сельской местности, а во втором – 99,4 %. Данное обстоятельство было вызвано малоземельем поселян-собственников Саратовской губернии, прежде всего Камышинского уезда. С 1852 г. по 1890 г. плотность населения Камышинского уезда возросла вдвое, а именно с 15,4 жителей на версту до 33,8 жителей на 1 кв. версту³.

В 1886 г. при проведении земской статистической переписи Камышинский уезд заметно выделялся на фоне других уездов Саратовской губернии по количеству крестьян, живущих вне своих поселений. В Камышинском уезде отсутствующими числились 8 188 семей, что составляло 20,3 %, стоящий в этом списке вторым Вольский уезд имел 7,5 % отсутствующих семей от общего количества. Причем подавляющее большинство в этом разряде составляли бывшие колонисты – 5 056 семей или около 62 %. Часть из 8 188 семей находилась в других уездах Саратовской губернии, но 3 622 семьи были вне Саратовской губернии, из них 337 семей находилось в Астраханской губернии⁴.

Таким образом, история лютеранской общины в Астраханской губернии в 1861–1917 гг. свидетельствует о ее динамичном развитии и устойчивости. Ключевыми факторами успеха стали не только активность переселенческих процессов из Сарепты, но и высокая рождаемость среди лютеран, что способствовало естественному приросту населения. Это явление, в свою очередь, привело к строительству новой каменной кирхи, которая стала символом единства и стабильности для верующих. Этот культурный и духовный центр стал оплотом для тысяч лютеран, обеспечивая им место для молитвы и общения. Развитие

---

¹ Статистический обзор Астраханской губернии за 1897 год. Астрахань: Губернская типография, 1899. С. 100–101.

² Статистический обзор Астраханской губернии за 1903 год / издание Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Паровая губернская типография, 1904. Л. 1.

³ Сборник статистических сведений по Саратовской губернии. Т. 11. Камышинский уезд. Саратов: Саратовское губернское земство, 1891. С. 62.

⁴ Там же. С. 68–72.

лютеранской общины в Астраханской губернии демонстрировало не только увеличение численности последователей, но и их активное участие в общественной жизни региона.

Теперь рассмотрим формирование лютеранского населения Саратовской губернии. Духовным центром лютеран Нижнего Поволжья был Саратовский приход, а именно церковный совет при евангелическо-лютеранской церкви Святой Марии. Несмотря на название в честь преобладающих конфессий, собор предназначался для проведения богослужений в том числе и католиков. Только с 1804 г. католики стали вести богослужение в собственном молитвенном доме на Немецкой улице. Постепенно саратовский приход превратился в один из основных приходов России, вскоре он стал третьим духовным центром лютеран Российской империи.

В административном плане лютеранские церкви региона находились в составе Московского евангелическо-лютеранского консисториального округа, площадь территории которого была значительно больше собственной территории любого западноевропейского государства. Кроме Саратовской и Астраханской губернии, к округу относились такие губернские центры, как Москва, Тверь, Калуга, Тула, Орел, Владимир, Рязань, Казань, Пермь, Уфа, Нижний Новгород, Пенза, Воронеж, Симбирск, Самара, а также Кавказ, Сибирь и Туркестан¹. В компетенции руководства округа было назначение пасторов, проверка их деятельности, регулирование административных вопросов, в том числе относящихся к взаимоотношениям с центральными и местными властями.

Активное распространение лютеранства в регионе происходило с 1760-х гг. после знаменитых манифестов Екатерины II, приглашавших иностранцев к заселению российских земель, хотя единичные случаи переселения лютеран на территорию Астраханской и Саратовской губерний происходили и ранее. Первый манифест от 4 декабря 1762 г. объявлял призыв к поселению, описывал благие

---

¹ Гернет А. Евангелическо-лютеранская церковь в России ко времени 400-летнего юбилея Реформации // Наследие Лютера в России/ под. ред. Т. Майера. М.: Готика, 2003. С. 154.

намерения императрицы в деле попечения страны и возлагал большие надежды на заселение пустующих земель. В манифесте, изданном через полгода (22 июля 1763 г.), власти учли слабый отклик на свою предыдущую попытку и постарались представить преимущества переселения более подробно. Наряду с другими льготами переселенцам гарантировалось право «иметь свободное отправление веры по их уставам и обрядам беспрепятственно»¹. Вместе с тем, переселенцам даровали право строить церкви и колокольни, иметь необходимое число пасторов и прочих церковнослужителей. Несмотря на наличие гарантий и привлекательные условия, переезд в Российскую империю в глазах европейцев выглядел авантюрным мероприятием. Потомки первых переселенцев-смельчаков высоко оценили решительный шаг своих предков. «Сколько бы уже погибло в то неурочное время в горе и страданиях, если бы они остались в Германии!»².

Из числа первых колонистов Нижнего Поволжья католиками были около 2,5 тыс. из 7 750 семей, остальные являлись лютеранами. Документальных подтверждений сознательного предпочтения российским правительством католикам лютеран не установлено³.

Численность лютеран в интересующий нас период стремительно увеличивалась (график № 5).

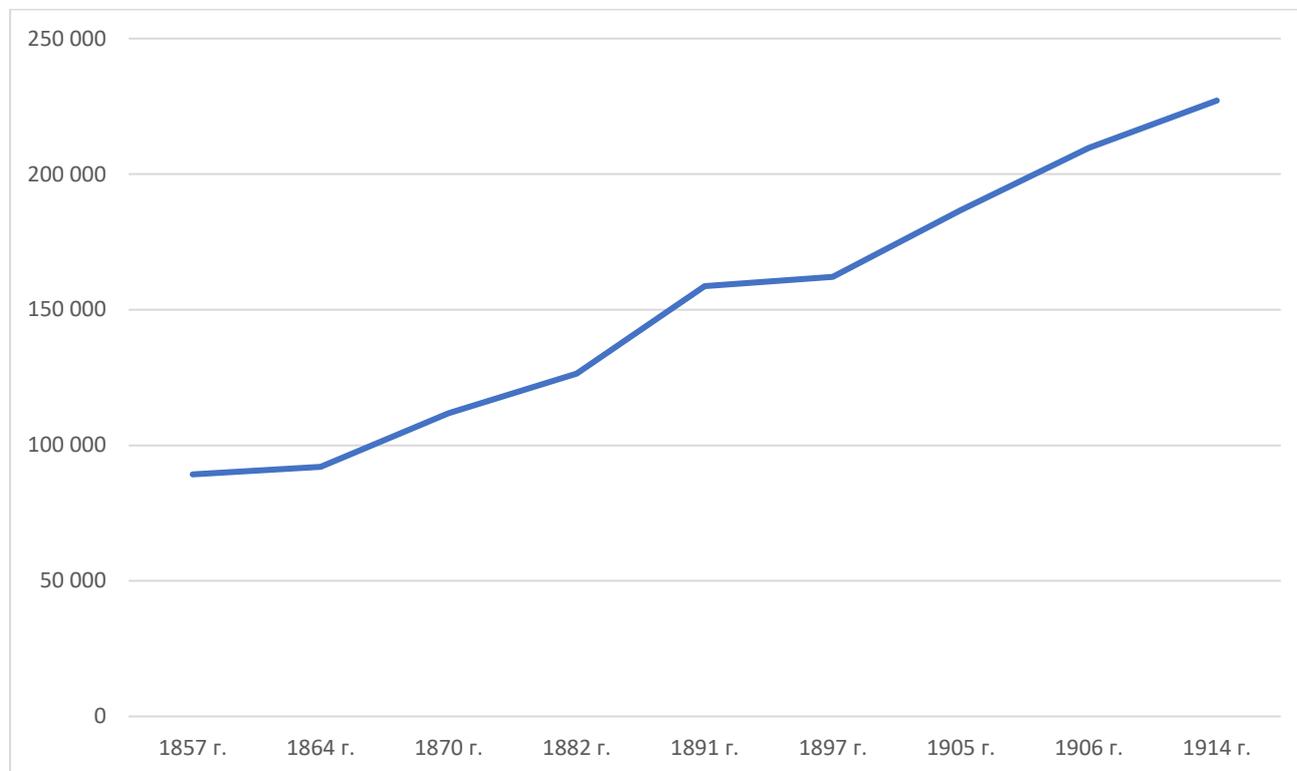
---

¹ О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых Губерниях они пожелают и о дарованных им правах // Полное собрание законов Российской Империи. Т. XVI. С 28 июня 1762 по 1765. № 11880. СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. С. 313–314.

² Erinnerungen von Philipp Wilhelm Avmus // Friedensbote. 1900. № 12. P. 745. [Воспоминания Филиппа Вильгельма Асмуса // Вестник мира. 1900. № 12. С. 745. Перевод авт.].

³ Плева И.Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. 2-е изд. М.: Готика, 2000. С. 130.

**Динамика изменения численности лиц лютеранского вероисповедания
Саратовской губернии в 1857–1914 гг.¹**

Однако в период 1870–1882 гг., несмотря на фактический прирост, в процентном отношении наметился определенный спад, который был вызван рядом обстоятельств. Так, в 1870 г. 111 797 лютеран составляли 6,4 % от всего

¹ Составлен по данным: Памятная книжка Саратовской губернии на 1858 год / (издание статистического комитета). Саратов: Типография губернского правления, 1858. С. 115; Памятная книжка Саратовской губернии на 1864 год / (составлена Саратовским губернским статистическим комитетом; [сост. Д.Л. Мордовцев]. Ч. 2. Саратов: Типография губернского правления, 1864. С. 75; Обзор Саратовской губернии за 1870 год. (Прил. ко всепод. отчету). Саратов: губернская типография, 1871. С. 64; Памятная книжка Саратовской губернии на 1872 год / (издание статистического комитета). Саратов: типография губернского правления, Ищенко, Кувардина и Сцитник, 1872. С. 240; Адрес-календарь Саратовской губернии на 1884 год / (издание Саратовского губернского статистического комитета). Саратов: Типография губернского правления, 1883. С. 273; Статистический обзор Саратовской губернии за 1891 год: с отчетом Губернского статистического комитета / сост. Ф.С. Шиманский. 1892. С. [18]; Статистический обзор Саратовской губернии за 1897 год. (Прил. ко всепод. отчету). Саратов: Типография губернского правления, 1898. С. 37; Статистический обзор Саратовской губернии за 1905 год / Саратов. губ. стат. комитет. Саратов: Паровая скоропечатня губернского правления, 1906. С. [22]; Статистический обзор Саратовской губернии за 1906 год / Саратов. губ. стат. комитет. Саратов: Паровая скоропечатня губернского правления, 1907. С. 10; Статистический обзор Саратовской губернии за 1914 год / Саратов. губ. стат. комитет. Саратов: Типография губернского правления, 1915. С. 9.

населения региона в 1 744 221 человек¹, а в 1882 г. 126 476 лютеран составляли только 5,9 % от 2 113 077 человек². Существенную роль в жизни лютеранского населения Саратовской губернии сыграл Указ Александра II от 4 июня 1871 г., который отменил все привилегии колонистов, полученные ими от Екатерины II. Еще одной переменной в жизни лютеран стало введение в России взамен рекрутского набора всеобщей воинской повинности 1 января 1874 г. Теперь вчерашних колонистов обязывали к призыву на военную службу. Это послужило поводом к массовой эмиграции немецких семей в страны Нового Света.

В конце XIX в. наблюдалось увеличение числа лютеран, которое было связано в небольшой степени с присоединением общины гернгутеров Сарепты к Евангелическо-лютеранской церкви в 1894 г. Единственная в России колония религиозного братства гернгутеров заслуживает особенного внимания. В 1765 г. отозвавшиеся на призыв Екатерины II члены общества моравских братьев основали в 30 км от Царицына свою аскетичную колонию.

Главной целью своего обоснования в России гернгутеры ставили проповедование евангелия среди языческих народов. В качестве язычников, которых необходимо было спасти, гернгутеры Сарепты выбрали степняков-калмыков. Узнав о том, что калмыки являются не язычниками, а буддистами, гернгутеры не отказались от попыток обращения их в свою веру. Агитационные материалы, в частности «Отрывок письма из Ганновера от 6 мая 1764 г.», содержали следующую информацию о новых соседях колонистов – калмыках: «Дружелюбные люди, которых очень легко расположить и которые будут верными друзьями на всю жизнь, если только вы их не предадите»³. Редактор газеты «Труд и борьба», уроженец лютеранской колонии Франк Аткарского уезда Г.С. Лебсак в своей статье, датированной 1920 г., скептически относился к

---

¹ Памятная книжка Саратовской губернии на 1872 год / (издание статистического комитета). Саратов: типография губернского правления, Ищенко, Кувардина и Сцитник, 1872. С. 240.

² Адрес-календарь Саратовской губернии на 1884 год / (издание Саратовского губернского статистического комитета). Саратов, 1883. С. 272.

³ Дитц Я.Е. История поволжских немцев-колонистов. М.: Готика, 2000. С. 50–51.

достоверности приведенных сведений: «Мы не знаем ничего о том, что наши предки когда-то предали бы мягкие степные народы, такие как киргизы и калмыки, и все же им пришлось перенести от них невыразимые страдания»¹.

Впервые сарептяне посетили калмыцкие кочевья с миссионерской целью в конце 1760-х гг. Калмыки же видели в Сарепте прогрессивный центр и помимо налаживания хозяйственных связей посещали общину для поправки здоровья у местных специалистов. Высокая оценка качества медицинского обслуживания в Сарепте может быть подтверждена тем, что, когда в начале 1771 г. Большая орда собиралась перекочевать в Китай, предварительно разграбив Сарепту, Торгутский тайша Бамбур намеревался захватить в рабство и увести с собой сарептского врача².

В начале XIX в. интерес к медицине у членов колонии Сарепта не иссяк. В октябре 1817 г. член Сарептского евангелического общества Адам вступил в число волонтеров в Медико-хирургическую академию для изучения медицины³. Спустя пять лет по представлению агента Сарептского евангелического братского общества пастора Мортимера еще один член общества Август Ян подал запрос о зачислении в Медико-хирургическую академию для изучения медицины⁴.

В 1870–1880-е гг. гернгутеры Сарепты стали чаще сталкиваться с проблемами. «Сельское общество Сарепты, образованное после отмены колонистского статуса и перевода колонистов в разряд поселян-собственников, совершало попользования на имущество религиозной общины и пыталось принимать участие в распоряжении этим имуществом»⁵. Несмотря на протесты настоятеля общины Эдуарда Зайлера, у него были отобраны касса, печать и документы. Конец братской общины Сарепты был ознаменован тем, что теперь

---

¹ Небольшой вклад в историю наших колоний // Труд и борьба. 1920. № 2. С. 9–10.

² Максимов А.А. Безопасность колонии Сарепта в 1771–1774 гг. // Астраханские краеведческие чтения. Астрахань: Изд-во Р. В. Сорокин, 2010. Вып. 2. С. 167.

³ РГИА. Ф. 398. Оп. 81. Д. 674. Л. 3.

⁴ РГИА. Ф. 398. Оп. 81. Д. 680. Л. 2.

⁵ Сабитова А.И. Принцип конфессиональной принадлежности имущества религиозного назначения // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 5, Юриспруд, 2012. № 2 (17). С. 317.

пасторы были обязаны исполнять службу и для тех сарептян, которые ранее вышли или были исключены из общины, и некоторые из них имели жен, принадлежавших к православному вероисповеданию. На такой шаг проповедники идти не хотели и поэтому с разрешения духовного управления гернгутеров Германии уехали из России. После отъезда проповедников указом Александра III сарептские гернгутеры были отнесены к ведомству Евангелическо-лютеранской церкви России¹.

В начале XX века Сарепта, по образному выражению П.А. Столыпина, являлась «уголком старинной Вестфалии, целиком перенесенным в наши степи. Вместе с тем корректность полная, все по-русски. За скромною трапезою, когда их любительский оркестр заиграл гимн, все немцы громко запели “Боже, Царя храни”»², – писал жене саратовский губернатор во время своего пребывания в Сарепте в июне 1904 г.

Увеличение числа лютеран в Саратовской губернии в начале XX в. связано с изменением курса вероисповедной политики в Российской империи, в частности с изданием указа «Об укреплении начал веротерпимости» в 1905 г., по которому стал возможен переход из православия в лютеранство³. Кроме того, для начала XX в. характерен высокий естественный прирост населения лютеранского вероисповедания. Так, в 1907 г. в Саратовской губернии в лютеранских семьях родились 7 992 младенца, а умерло 3 634 человека⁴. Естественный прирост составил 4 358 человек.

В 1890-е гг. происходило увеличение численности лютеранского населения в Вольском уезде, что было вызвано переселениями из Камышинского уезда. Кроме того, увеличение к 1897 г. лютеранского населения Саратова до 4 604

---

¹ ГАСО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 5002. Л. 85.

² РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 230. Л. 77–80.

³ Об укреплении начал веротерпимости // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. XXV. Ч. 1. № 26125. СПб.: Государственная типография, 1908. С. 257–258.

⁴ Движение населения в Европейской России за 1907 год. Пг.: Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1914. С. 14, 92.

человек¹ привело к зарождению в конце XIX века нового явления – масштабного взаимодействия немецкой и русской культур. В Саратовской губернии 99,2 %² лютеран говорили на немецком языке. «В Каменском уезде мало людей, способных читать и понимать по-русски»³, – сообщал библиотекарь Питер Зибенхар в отчете о читальном зале в Каменке за 1897 г.

К концу XIX в., по сравнению с серединой столетия, число лютеран в Саратовской губернии выросло почти вдвое. Аграрная перенаселенность начала играть ключевую роль в формировании социально-экономической картины региона. Поселяне-собственники прибегали к аренде участков у частных лиц. Однако и этот источник к концу века практически исчерпал себя. Переживая трудности от малоземелья, немецкие крестьяне имели основания для возмущения, однако почти не приняли участия в аграрных волнениях на территории Нижнего Поволжья в годы Первой русской революции. Все претензии бывшие колонисты пытались выразить законным путем. «Немецкие селения Камышинского уезда в настоящее время возбуждают громадный процесс с городом Камышином и казной о праве собственности немецких поселений на 70.000 десятин земли из выгона г. Камышина и казенных земель, когда-то нарезанных немцам для заселений»⁴. По мнению будущего депутата Государственной Думы Я.Е. Дитца, у бывших колонистов не было шансов выиграть этот иск.

Существенное место ввиду малоземелья для материального подспорья в жизни католиков и лютеран Саратовской губернии в конце XIX в. отводилось кустарным промыслам, например кожевенному производству. Оно успешно развивалось в колониях Бальцер (Голый Карамыш), Антон (Севастьяновка), Бауэр

---

¹ Статистический обзор Саратовской губернии за 1897 год. (Прил. ко всепод. отчету). Саратов: Типография губернского правления, 1898. С. 83.

² Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. XXXVIII. Саратовская губерния. СПб.: Центральный статистический комитет, 1904. С. 78–81.

³ Bericht über die Lesehalle zu Kamenka für das Jahr 1897 // Klemens. № 34. 20.05.1898. P. 522. [Отчет о читальном зале в Каменке за 1897 г. // Клеменс. № 34. 20.05.1898. С. 522. Перевод авт.].

⁴ Необдуманый процесс (Немецких колонистов с гор. Камышином и казною о 70 000 десятинах земли) // Саратовский листок. № 219. 1898. С. 4.

(Карамышевка) и Диттель (Олешня). Также широко было распространено производство курительных трубок из березы и клена и выделка сарпинки.

Таким образом, в 1861–1917 гг. лютеране Астраханской и Саратовской губерний представляли собой значительную конфессиональную группу. Подавляющее большинство лютеран данных губерний занималось сельским хозяйством, часть была занята в промышленности. Кроме того, они были представлены в сфере образования и здравоохранения. Пользуясь поддержкой со стороны властей, лютеране смогли сохранить свое вероисповедание, язык и идентичность в окружении численно доминирующего православного населения, смогли органично вписаться в русское общество, внося свой вклад в развитие Нижнего Поволжья.

Глава 2. Правительственная политика по отношению к католикам и лютеранам Астраханской и Саратовской губерний в 1861–1905 гг.

2.1. Влияние польского восстания 1863–1864 гг. на положение католического населения

Правовой статус Римско-католической церкви к середине XIX века опирался на конкордат между Россией и Святым Престолом от 22 июня 1847 г., по которому в Российской империи была гарантирована свобода вероисповедания католичества. Подписание конкордата стало уступкой со стороны Николая I. Незадолго до его подписания Папа Григорий XVI обрушился с критикой на политику, проводимую российским правительством, обвинив его в отсутствии веротерпимости и гонениях на католичество.

Положение Римско-католической церкви существенно изменилось после польского восстания 1863–1864 гг. Обострение общественно-политической ситуации в Царстве Польском было вызвано рядом обстоятельств: от изоляции России после поражения в Крымской войне до разобщенности русского общества в связи с отменой крепостного права. Уход из жизни в январе 1856 г. графа И.Ф. Паскевича, который твердой рукой управлял Царством Польским на протяжении почти 25 лет, стал поводом для формирования ожиданий местного общества об обретении независимости. Однако во время своего первого посещения Варшавы после восшествия на престол в мае 1856 г. Александр II, встретившись с дворянскими предводителями и высшим католическим духовенством, развеял мечты собравшихся о предоставлении политической автономности Польше. Вопреки заявленному в речи продолжении линии Николая I в отношении Царства Польского, политика Александра II в начале 1860-х гг. представляла собой череду уступок: открытие Медико-хирургической академии в Варшаве, объявление амнистии участникам восстания 1830–1831 гг., возможность возвращения политических эмигрантов, восстановление Государственного совета Царства

Польского, учреждение местных органов самоуправления, которые воспринимались поляками как проявление слабости режима.

Параллельно с открытыми формами польского национально-освободительного движения, такими как демонстрации, распевание революционных гимнов в костелах, шла подготовка тайных выступлений, активное участие в подготовке которых играло католическое духовенство.

Поводом для начала восстания, вспыхнувшего в январе 1863 г., стал манифест «О произведении в 1863 году рекрутского набора с обеих полос Империи», а точнее формирование списков не по жребию, а из неблагонадежных лиц для устранения из Царства Польского нелояльного населения. Еще до 3 января 1863 г., на которое был назначен набор, значительная часть молодежи призывного возраста толпами покидала Варшаву, пряталась в лесах и готовилась к вооруженному нападению на военные отряды правительственных войск.

В ходе развертывания мятежа существенную идеологическую роль сыграли представители римско-католического духовенства. Католическая церковь традиционно считалась объединяющим фактором даже в самые сложные для государства периоды раздела и фактического отсутствия политического единства. Ксендзы, обладавшие серьезным влиянием на своих прихожан, взывали к подъему на борьбу за независимость Польши. Кроме того, известны случаи непосредственного участия католических священников в восстании. В личном дневнике от 18 января 1863 г. П.А. Валуева зафиксирована запись: «Вечером получил телеграмму от Галлера о взятии нескольких мятежных шляхтичей и 4 ксендзов»¹.

Помощь восставшим осуществлялась в разных формах – руководство отрядами, сокрытие повстанцев, зачитывание прокламаций Временного национального правительства, создание конспиративной сети и поставка восставшим продовольствия, обмундирования и оружия, приведение к присяге и

---

¹ Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел: в 2 томах. Т. 1: 1861–1864 гг. / [Акад. наук СССР, Ин-т истории, Гл. арх. упр. при Совете Министров СССР]. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. С. 203.

участие в панихидах по убитым повстанцам. Последний вид выражения противоправительственной деятельности католического духовенства был характерен и для Саратовской губернии. Так, 12 июня 1863 г. капитан корпуса жандармов Саратова Клепацкий предоставил шефу жандармов В.А. Долгорукову рапорт следующего содержания: «Последнее время в Саратове в костеле во время служения начали собираться более обыкновенного. Входящие казались особенно одушевленными, дамы одеты были в траурные платья. Узнать о происходившем в костеле было затруднительно, во всем заметна была скрытность, при том же швейцар, стоящий у дверей костела, многих не впускал, говоря, что места заняты. В тоже самое время другим позволялось входить свободно»¹.

Самым известным польским католическим священником, возглавлявшим отряд повстанцев Луковского повята Люблинской губернии, был Станислав Бжуска. Его отряд был разбит правительственными войсками только в 1865 г. Последний комендант повстанцев был казнен через повешение. По официальной информации, было выявлено 183 примера участия католического духовенства в восстании, что послужило основанием к ссылке повстанцев². Участие римско-католического духовенства в восстании не вызвало осуждения Ватикана. Более того, в 1863 г. Пий IX обратился с личным посланием к Александру II, сетуя на притеснения в отношении католичества в России. «Этот союз пастырей церкви с виновниками беспорядков, угрожающих обществу, – одно из возмутительнейших явлений нашего времени. Ваше святейшество должны не менее меня желать его прекращения»³, – последовал ответ Александра II. Газета «Московские ведомости» была еще более радикальна в оценке действий Пия IX: «Медлительность Папы есть одна из главных причин продолжающегося кровопролития»⁴.

---

¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 38. Д. 23ч. 195. Л. 1–2.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 2. Д. 1146. Л. 146–148.

³ Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование: в 2 т. Т. 1. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1903. С. 486.

⁴ Московские ведомости. № 126. 10.06.1863. С. 2.

Ужесточение государственной политики в отношении католической церкви во всей Российской империи стало закономерным ответом на участие духовенства в активных действиях в ходе восстания. Не последнюю роль в формировании образа «пятой колонны» в лице католических священников и прихожан сыграла периодическая печать. Как центральная – в лице газеты «Московские ведомости», которая определенно сформулировала образ главных виновников восстания: «Властолюбивой шляхте, желающей властвовать над русским народом, подало руку властолюбивое римско-католическое духовенство, желающее поработить православную церковь»¹, так и местная печать.

В начале февраля 1863 г. в «Справочном листке города Саратова» вышла статья под названием: «Некоторые подробности о последних событиях в Польше», основное содержание которой было перепечатано из газеты «Русский инвалид». В статье сообщалось: «Мятеж произошел не от рекрутского набора, но вследствие давно готовившегося плана. Мятежники неистовствуют над телами убитых, обезобразив их самым гнусным, гадким образом. Один из пленных показал, что ксендз его прихода давно уже проповедовал восстание. Повсюду в окрестных приходах ксендзы делают сборы и ведут списки соглашающихся участвовать в возмущениях»². Помимо материалов прессы об активном участии католических священников в восстании 1863 г. свидетельствовали многие современники событий, например участник подавления восстания в составе 1-го пехотного Невского полка, будущий Келецкий, Плоцкий и Петроковский губернатор К.К. Миллер: «Ксендзы и монахи хранили в подвалах костелов и монастырей склады разного оружия, благословляли банды пред выступлением, особым звоном в колокола давали знать бандам, расположенным в ближайших к костелам лесах, о приближении отрядов войск»³. Виленский, Гродненский и Минский генерал-губернатор М.Н. Муравьев (1863–1865), желая показать полякам, что правительство их не боится, немедленно после назначения на

---

¹ Московские ведомости. № 130. 14.06.1863. С. 3.

² Справочный листок города Саратова. № 22. 02.02.1863. С. 1.

³ ГА РФ. Ф. 996. Оп. 1. Д. 32. Дневник. Ч. 2. 1904 г. Л. 6–7.

должность занялся рассмотрением наиболее важных преступлений: «Я начал с ксендзов как главных деятелей мятежа: расстреляны были два ксендза в течение недели»¹. Казни проходили на торговой площади, в полдень и с оглашением по всему городу с барабанным боем. Для усиления эффекта и демонстрации прямой вовлеченности католической церкви в мятеж казни проводились над духовным лицом, «без предварительного снятия с ксендзов сана»². Данная мера носила нарочито показательный характер и, по мнению Михаила Николаевича, в совокупности с идеей наложения штрафа на монастыри и приходское римско-католическое духовенство за каждого ушедшего от них человека в мятежники должна была свести пополнение бунтующих шаек к минимуму. Таким образом, апологет решительных мер Муравьев, демонстрируя пользу от своих нововведений, в то же время невольно показал, что представителей католического духовенства отнести к рьяным сторонникам мятежа было бы неправильным.

Как ни странно, но взгляды «Муравьева-вешателя», как прозвали графа Михаила Николаевича в либеральных кругах, и чиновника нового типа В.А. Арцимовича сошлись в оценке масштабов участия ксендзов в восстании. «Спокойный, уравновешенный, до мозга костей законник»³ Виктор Антонович имел польские корни, являлся католиком, но вырос и воспитывался в абсолютно русской среде, в годы восстания служил председателем юридической комиссии Царства Польского. «Не все духовенство, не всех должностей враждебны по убеждению»⁴.

---

¹ Граф Михаил Николаевич Муравьев. Записки его о мятеже в Северо-Западной России в 1863–1864 гг. // Русская старина. 1882. Том XXXVI. Выпуск 11. С. 407.

² Ананьев С.В. Конфессиональная политика российского правительства в Северо-Западном крае в 1863–1865 гг. и ее вклад в обеспечение общественной безопасности в регионе // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2023. № 4. С. 9.

³ Жемчужников А.М., Кони А.Ф., Скропышев Я.С., Лещов А.Н., Обнинский П.Н., Корнилов А.А., Сахаров Н.В., Муромцев А.А., Грешищев П.Н., Ермолаев Г.П., Спасович В.Д. Виктор Антонович Арцимович. Воспоминания; Характеристики. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1904. С. 634.

⁴ ГА РФ. Ф. 815. Оп. 1. Д. 345. Л. 1–3.

Примеры бесчеловечных мер, принимаемых повстанцами: «нападая врасплох на спящих солдат, бунтовщики резали их в постели»¹, «мятежники, поймав в корчме между городами Лодзью и Констановым колониста Генриха Дерера, содрав ему кожу с головы, переломили в суставах обе руки и затем повесили. В то же самое время закидали до смерти камнями крестьянина в Савишине, которого насильно вывели из дому, где несчастный искал спасения»², вызывали если не ненависть по отношению к бунтовщикам, то, по крайней мере, чувство сострадания к павшим русским воинам. Сочувствие к раненым и семьям погибших выражалось в материальной поддержке – временнообязанные крестьяне Саратовской губернии вносили пожертвования для раненых нижних чинов и семейств убитых воинов, бывших в действии против мятежников в Царстве Польском. Для раненых Сердобского уезда – 401 руб. 92 коп., Аткарского уезда – 100 руб. Для семейств русских воинов Саратовского уезда – 994 руб. 89 коп.³ Комитет о раненых также в печати заявил о патриотических настроениях пожертвовавшего деньги крестьянства. Поддержку проводимой правительством политике местные периодические издания выражали в том числе и через публикацию верноподданнейших адресов Императору. «При полицейских обысках в нескольких домах у двух личностей нашли черновые адреса от поляков на имя нашего Государя, в котором они просят о помиловании и изъявляют свою покорность»⁴. Оба эти адреса оказались совершенно одинакового содержания. Наличие этих обращений авторы восприняли воодушевленно.

Объектом разоблачения на страницах губернской прессы становились не только участники польских беспорядков, но и представители Римско-католической церкви. Примером служит статья по материалам № 4 подпольного листка «Dzwon Duchowny» [Церковный колокол. Перевод авт.] под заглавием «Воззвание униатов Литвы и Руси к духовенству царства конгрессового и

¹ Варшава, 12 января // Справочный листок. № 21. 01.02.1863. С.1.

² Вот еще новый пример зверства мятежников // Справочный листок. № 125. 22.06.1863. С. 2.

³ От комитета раненых // Справочный листок. № 126. 01.02.1864. С. 2.

⁴ Слухи о подаче поляками адреса государю // Справочный листок. № 215. 18.10.1863. С. 2.

Галиции». Автор воззвания демонстрировал недоброжелательное отношение представителей католической церкви к Москве, православию и всему русскому: «Воззвание ясно доказывает, как мало привилась московская схизма в сердцах пяти миллионов человек, горячо желающих возвратиться в лоно католической церкви»¹. Факт подавления восстания не ослабил нажим на представителей католического населения со стороны прессы, в том числе и местной. Так, в 1865 г. в Саратовском листке вышла статья, посвященная происшествию в г. Пултуск Ломжинской губернии Царства Польского, следующего содержания: «В 5 часов пополудни, в канале около главного моста, при многочисленной толпе, утонула 14-летняя девочка, родом полька. Смотря на последние усилия утопающей, в толпе рассуждали, что спасать ее не должно, потому что кому-то показалось, что утопающая была жидовка, а не католичка»². Сама лексика этих сообщений была направлена на формирование среди местного русского населения негативного отношения к полякам и нравственности католиков.

Увидев суровую сторону картины действий польских мятежников, большинство жителей империи выступили сторонниками решительных и жестких мер российской армии против участников беспорядков в Царстве Польском. Антикатолическая и антипольская направленность тематики материалов центральной и местной прессы сказалась и на жизни католического населения во внутренних губерниях России.

После начала польского восстания 1863–1864 гг. пристальное внимание было обращено на выходцев из Царства Польского на территории Саратовской губернии. Пребывание в Саратове польского уроженца, отстраненного от службы, прапорщика Цезаря Пташковского вызвало массу негативных отзывов и привело к установлению наблюдения за ним. В действиях Пташковского было усмотрено нерасположение к российскому правительству, при этом отмечалось сильное и вредное влияние как на местных поляков, так и на прочих лиц, состоящих под

¹ Подпольная пресса // Справочный листок. № 215. 18.10.1863. С. 2.

² Религиозная нетерпимость // Справочный листок. № 116. 08.06.1865. С. 2.

надзором местной полиции. В отчете полиции Пташковский фигурировал как подозрительное лицо, консолидирующее вокруг себя нелояльных властям жителей Саратова. «Между людьми, не расположенными к нашему правительству, Пташковский приобрел большую популярность, так что даже ректор Саратовской польской семинарии, а при его участии и многие ксендзы дали Пташковскому до сорока тысяч рублей под предлогом занятия торговлей»¹. Вывод о том, что торговля являлась лишь прикрытием, делался на основе того, что Пташковский, записавшись в купцы 3-й гильдии, в одной из своих квартир поставил вывеску «Варшавский магазин», в котором не было никакого товара. Мнимый магазин по предположению полиции использовался как явочная квартира.

Состояние всеобщей подозрительности толкало на доносы и самих саратовских католиков. Так, в августе 1863 г. коллежский секретарь Саратовской гражданской палаты П.М. Юницкий заявил в полицию на своего гостя и товарища о произнесении в его доме оскорбительных выражений против Александра П чиновником кадастровой комиссии губернским секретарем Глуховским. Поводом для дискуссии и последующего доноса стали слова П.М. Юницкого, что скоро настанет время, когда католиков обратят в православие. Рассуждая о поляках, Глуховский хвалил своих соотечественников за то, что те защищают свои права, которые непременно должны дать им русские. «При этом разговоре Глуховский порицал православие, русское правительство и Государя Императора»², – уверял П.М. Юницкий.

Доносы составлялись не только на своих товарищей, сослуживцев, но в числе заявителей значился и Нижегородский губернатор (1861–1873) Алексей Алексеевич Одинцов, написавший 16 июля 1865 г. рапорт на имя начальника Третьего отделения В.А. Долгорукова. «Прибывший в Нижний Новгород лорд Гамильтон сообщил мне, что ехавший вместе с ним на пароходе “Передовой” от

¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 38. Д. 23ч. 195. Л. 4–11.

² ГА РФ. Ф. 109. Оп. 38. Д. 53ч. 44. Л. 1–5.

Царицына до Саратова ксендз саратовской семинарии, капеллан Дударович открыто, нимало не стесняясь, высказывал противоположительственные мысли»¹. В ходе обыска, инициированного саратовским губернатором В.А. Щербатовым, ничего подозрительного у Дударовича обнаружено не было.

Позднее со стороны МВД следовали дальнейшие уточнения о правилах надзора за ссыльными. Особое внимание уделялось недопущению распространения ими вредных понятий и стремлений, за которые они были высланы. В предписании начальнику Казанского военного округа генерал-лейтенанту Р.И. Кноррингу от 23.10.1864 г. перечислялись конкретные меры по надзору за политическими ссыльными: «В губерниях, воинским начальникам, а в уездах – подведомственным им офицерам мерами тайного наблюдения следить за образом мыслей сосланных поляков: не затеивают ли они чего-нибудь, не происходит ли между ними сходов, не принимают ли и не поляки участия в них, содействуя словом или делом как исполнению их целей, так и совершению вообще всяких противозаконных стремлений»². Обо всех происшествиях: заговорах, подкупах, обольщениях и устрашениях грубых невежд, нуждающихся в ежедневном пропитании и часто из-за гроша готовых на совершение всякого преступления, следовало немедленно сообщать. Действия по надзору предписывалось производить тайно, не обнаруживая никому, даже товарищам о своем назначении быть агентами высшей воинской власти. Заключение свои надзорные должны были основывать не на сплетнях, а на фактах, докладывая при этом обо всем.

Поставленная задача была возложена на начальников уездных команд: Аткарский уезд – штабс-капитан Рыбалкин, Сердобский уезд – штабс-капитан Пузанов, Балашовский уезд – майор Левашов, Петровский уезд – майор Зубарев, Хвалынский уезд – прапорщик Порошин, Вольский уезд – капитан Исаков, Камышинский уезд – капитан Сергеев. «Полагаю, что они смогут сохранить в

---

¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 40. Д. 238. Л. 1–5.

² ГА РФ. Ф. 40. Оп. 1. Д. 1. Л. 16–17.

тайне и должным образом исполнять столь важную обязанность»¹, – выражал надежду Саратовский губернатор В.А. Щербатов в письме на имя командующего войсками Казанского военного округа Р.И. Кнорринга.

В связи с тем, что некоторые из чиновников польского происхождения открыто осуждали действия правительства по подавлению польского восстания, отношение к ним со стороны центральных властей было предосудительное. Министр внутренних дел (1861–1868) П.А. Валуев отмечал в своих записках от 17 мая 1863 г.: «Ввиду панического страха от поляков, занимавших разные должности, предложено удалять их из состава полиции, почтовых учреждений и управления железных дорог»². В отношении военных поляков-католиков правительство еще в начале 1863 г. объявило, что все офицеры, не желавшие участвовать в делах против мятежников, могут просить о переводе их в полки, квартирующие во внутренних губерниях. Подобный подход вызвал нелестные отзывы М.Н. Муравьева: «Мера эта поколебала даже и тех, которые и не дерзали думать, что они могут нарушить присягу и изменить знамени»³.

На местном уровне не произошло массового отстранения от государственной службы ни поляков, ни католиков, но повышенное внимание они на себя обратили. Так, Управление Астраханского жандармского штаб-офицера 22 декабря 1865 г. приводило следующую статистику лиц католического исповедания, находящихся в Астрахани и уездах: «Из всех католиков не больше 5 человек природных поляков, остальные все русские из западных губерний, в числе их занимающие высшие губернские места: директор гимназии Петерман, жандармский штаб-офицер Грабл-Горский и начальник штаба морского ведомства Ристори, первые двое происхождения немецкого, а последний

¹ ГА РФ. Ф. 40. Оп. 1. Д. 1. Л. 20.

² Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел: в 2 томах. Т. 1: 1861–1864 гг. / [Акад. наук СССР, Ин-т истории, Гл. арх. упр. при Совете Министров СССР]. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. С. 224.

³ Граф Михаил Николаевич Муравьев. Записки его о мятеже в Северо-Западной России в 1863–1864 гг. // Русская старина. 1882. Том XXXVI. Выпуск 11. С. 636–637.

итальянского»¹. Запрос о количестве католиков среди чиновников и их лояльности носил не только территориальный, но и отраслевой характер. «Постановлением Особой комиссии, которая рассматривала доклад Военного министра об ограничении числа поляков, служащих в войсках, предоставлено каждому министру озаботиться, чтобы служащие в его управлении лица были вообще благонадежными. Вследствие этого я потребовал от попечителей учебных округов именные списки лиц польского происхождения и католического исповедания»², – докладывал министр народного просвещения А.В. Головнин главноуправляющему Третьего отделения князю В.А. Долгорукову. В интересующем нас Казанском учебном округе, куда входили Астраханская и Саратовская губернии, характеристики получили 8 человек, всего же в качестве учителей и директоров гимназий, надзирателей пансионов числилось 33 римско-католика. Все 8 человек получили хорошие отзывы от своих непосредственных руководителей (усердный, исполнительный, скромный, пользуется отличной репутацией и т.п.). Только одна характеристика заслуживает отдельного представления. «Законоучитель астраханской гимназии Легович на частных уроках дает ученикам дурные направления, ввиду этого со священника Леговича было взято обещание, что он частных уроков давать не будет, и сделано распоряжение, чтобы он преподавал свой предмет по-русски»³.

В вопросе привлечения католиков к надзору за административно высланными губернии власти подходили осторожно. Поэтому в Саратове было принято решение подстраховаться и уклониться от назначения некоторых надзорных. «Начальникам же команд: Кузнецкой – штабс-капитану Л.И. Заневскому и Царицынской – подполковнику Н.В. Александрову, хотя во всем благонадежные офицеры, я не решился доверить известную тайну, первому,

---

¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 40. Д. 338. Л. 61–62.

² ГА РФ. Ф. 109. Оп. 40. Д. 370. Л. 7.

³ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 40. Д. 370. Л. 8.

потому что он сам польский уроженец, а второму как прослужившему всю жизнь в Польше и у которого вся родня и жена, полька»¹.

В Астраханской губернии же сам начальник Красноярской команды как представитель римско-католического исповедания отказался выполнять поручение.² Если отказ, мотивированный принадлежностью к католической вере, воспринимался спокойно, то неисполнение поручения ввиду отдаленности сосланных лиц от городов, на которую сетовал Астраханский губернский воинский начальник и незначительное число сосланных, вызывали гнев и возмущение командующего войсками Казанского военного округа генерал-лейтенанта Р.Г. Кнорринга: «Из рапорта Астраханского губернатора видно, что обязанность, возложенная на него, не вполне ясно им осознана. В то время как в основании действий подведомственных вам чинов должна лежать глубокая тайна, полковник Риман сообщает статистические сведения о числе и распределении сосланных в Астраханскую губернию польских семейств. Это последнее обстоятельство не может не привести к излишнему столкновению с местными властями и дать повод к обнаружению того, что должно быть в тайне»³. Отмеченные факты позволяют сделать вывод о том, что многие поляки, служившие в органах государственной власти, не проявляли усердия в организации слежки за ссыльными, чтобы выразить свою гражданскую позицию.

Контроль за поведением ссыльного населения был усиленным, наказания строгими. За откровенное неповиновение ссыльных надзорным и игнорирование требований обвиняемые предавались суду. Действиями властей предусматривалось пресекать отношения между людьми, если при этом оказывалось вредное влияние друг на друга, путем перемещения в другие места проживания. Так, предписанием министра внутренних дел П.А. Валуева от 13 сентября 1864 г. за № 6817 «поляки дворянского происхождения назначены к пересылке на водворение в Пермскую губернию и часть из их общего числа 191

---

¹ ГА РФ. Ф. 40. Оп. 1. Д. 1. Л. 20.

² ГА РФ. Ф. 40. Оп. 1. Д. 1. Л. 25–27.

³ ГА РФ. Ф. 40. Оп. 1. Д. 1. Л. 28–30.

человека, а именно поляки дворяне, находившееся в Астраханском уезде, отправлены уже к месту нового назначения»¹.

Под присмотром полиции находилась переписка политических ссыльных. Письма адресату поступали уже после ознакомления с их содержанием в полицейском ведомстве. В случае обнаружения подозрительных данных, полицейские должны были провести проверку. Так, на имя Астраханского губернского штаб-офицера корпуса жандармов поступил рапорт: «Из открытой Правительством переписки у лиц, находившихся в г. Астрахани под надзором полиции, обнаружено, что в городе существует рукописная литература, которая быстро облетает жителей, читается с жаром, а стихи даже заучиваются наизусть»². Кроме факта наличия переписки по этому делу сведения установить не удалось, поэтому представитель Главной следственной комиссии по политическим делам действительный статский советник Авсеенко на имя Астраханского штаб-офицера корпуса жандармов составил рапорт следующего содержания: «Прошу уведомить меня, в чем она именно заключается, кто стоит ее двигателем, и какие меры были приняты к прекращению ее»³. В ходе проверки полиции не удалось подтвердить политический характер полученных сведений, однако надзор за ссыльными значительно усилился.

Кроме административной высылки участники польского восстания попадали в Нижнее Поволжье и путем отдачи их в военную службу. Так, за нападение в ночь с 10 на 11 января 1863 г. на войска в г. Радзыне канцелярист Радзынского городского магистрата Владислав Червинский был отправлен в Рязанский резервный батальон, квартирующий в г. Балашове Саратовской губернии. Переписка данной категории поляков также подвергалась перлюстрации, в ходе которой находили подозрительные двусмысленные выражения. Вывод о неблагонадежности резервного Рязанского батальона был сделан на том основании, что большая часть офицеров по происхождению

---

¹ ГА РФ. Ф. 40. Оп. 1. Д. 1. Л. 11–15.

² ГА РФ. Ф. 109. Оп. 38. Д. 23ч. 356. Л. 2.

³ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 38. Д. 23ч. 356. Л. 2.

поляки. Штаб-офицер корпуса жандармов подполковник Зарин в январе 1864 г. в докладе на имя саратовского губернатора В.А. Щербатова писал: «Червинский сообщает, что там¹ есть молодые поляки 55 человек. Получаемые ими из дома письма приносят некоторое утешение, но делать нечего, нужно еще повременить, а Бог не оставит их. Что собирались идти на охоту и там есть зайцы. Предосудительно выражается на счет русских крестьян, называя их пьяницами и скотами»². Вследствие доклада В.А. Щербатов обратился к окружному генералу пятого округа отдельного корпуса внутренней стражи генерал-майору А.П. Нагелю с просьбой немедленно раскрыть секретным образом, не существует ли какого-либо заговора между поляками, находящимися в составе Рязанского резервного батальона, квартирующего в Балашове. В качестве мер, которые должны были воспрепятствовать существованию возможного заговора, были избраны: размещение нижних чинов католического вероисповедания на квартирах по одному с прибавлением к каждому по одному или по два православных. Кроме того, командованию батальона было предписано не посылать вместе в значительном количестве в караул нижних чинов католического вероисповедания и не назначать их на посты к казначейству, пороховому погребу и другим важным постам.

Ввиду того, что связи и знакомства, которые заводили политические ссыльные, а также круг их общения были под контролем полиции, католическое духовенство боялось скомпрометировать себя. «В страхе ожидания ликвидации епархии»³ всегда предусмотрительный и заботливый глава Тираспольской епархии Фердинанд Кан в своем письме от 14 июня 1863 г. к настоятелю Астраханской римско-католической церкви почетному канонику Ксаверию Рубажевичу предостерегал его от опасности пострадать безвинно. «Известясь, что многие из замеченных лиц в восстании отсылаются на жительство в Астрахань и

---

¹ *Примечание:* Рязанский резервный батальон.

² ГА РФ. Ф. 109. Оп. 39. Д. 32. Л. 1–3.

³ Лиценбергер О.А. Римско-католическая Церковь в России: история и правовое положение. Саратов: Поволжская Академия государственной службы, 2001. С. 127.

опасаясь дабы вы по простоте характера вашего, ведя с ними знакомство, не возвели бы на себя через это подозрения у правительства, считаю нужным предупредить вас, чтобы вы как можно избегали случаев сближения с означенными лицами и в разговорах в обществе были осмотрительнее»¹. Епископ рекомендовал ограничить взаимодействие с ссыльными только общением по долгу службы. Соответствующие поручения были переданы и второму священнику Астрахани Леговичу. Немногим позже, 26 октября 1865 г. III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии (далее СЕИВК) предписывало Астраханскому губернатору обратить особое внимание на настоятеля Астраханской римско-католической церкви ксендза Ксаверия Рубажевича, причиной чему стали разговоры, которые вели участники польских кружков в Санкт-Петербурге. Соболезнуя об участи, постигшей ксендза-епископа Номината Ржевуского, участники кружков выразили надежду, что с ним можно будет установить связь через посредничество проживающего в Астрахани ксендза Рубажевича – «человека, вполне преданного польскому делу»².

Администратор варшавской архиепархии епископ Номинат Ржевуский был отправлен в Астрахань в октябре 1865 г. под строгий полицейский надзор в политическом отношении. Ссылка епископа Ржевуского в Астрахань (1865–1886) состоялась уже после подавления восстания и последовала не за непосредственное участие в мятеже, а за сочувствие к нему. Поэтому само наказание носило не карательный, а изоляционный характер, в связи с чем ограничивалась возможность общения епископа с католическим духовенством и паствой. Еще в ходе восстания в прессе печатались негативные отзывы на поведение Ржевуского в качестве варшавского епископа. Так, даже на страницах Справочного листка, издававшегося в Саратове, освещался скандал, вызванный действиями своевольного священника: «Дело с духовенством остановилось на том, что ксендзу Ржевускому сделан был запрос, на каком основании ксендзы в

---

¹ ГААО. Ф. 797. Оп. 1. Д. 37. Л. 108–108 об.

² ГА РФ. Ф. 109. Оп. 150. Д. 127. Л. 1.

костелах наложили траур и даже в некоторых объявили прекращение таинств»¹. Комментарии Ржевуского о том, что обычаи католической церкви вынудили его принять меры относительно траура в церквях, но что таинства должны быть исполнены и что он готов содействовать тому, чтобы они исполнялись во всех костелах, были восприняты как ловкая отговорка.

После скандала с трауром в костелах Ржевуский скомпрометировал себя тем, что оказывал сопротивление монастырской реформе и поддерживал контакт с нунцием Римского двора в Вене, несмотря на предостережения светских властей. По мнению правительства, Папским престолом Ржевускому было дано распоряжение, касающееся духовных дел в Царстве Польском. Последней каплей, сподвигнувшей генерал-полицмейстера Царства Польского Ф.Ф. Трепова составить прошение на имя Александра II о высылке Ржевуского на постоянное жительство вглубь империи, стало предписание Ржевуского одному из варшавских монастырей самим монашествующим «совершить противозаконный выбор монастырского начальства и сам выбор, вопреки закону, преднамеренно окружить всем возможным в этом случае торжеством»².

В зашифрованной телеграмме МВД Астраханскому губернатору от 6 ноября 1865 г. описывался регламент жизни Ржевуского в Астрахани, которому было запрещено жить поблизости от костела. Обедни Номинат Ржевуский мог служить только для себя без посторонних в костеле и только до тех пор, пока у него не появилось домовая каплица. Общение ксендзов с Ржевуским напрямую не запрещалось, но «они не должны иметь никаких отношений должностных или значащих признания власти»³.

Тем не менее, с точки зрения бытовой составляющей административной ссылки, можно утверждать о довольно комфортных условиях пребывания Ржевуского в Астрахани, о чем свидетельствует тот факт, что бывшему епископу было назначено жалование в размере 1 500 руб. в год и разрешение при выезде из

¹ Справочный листок. № 155. 31.07.1863. С. 3.

² ГА РФ. Ф. 109. Оп. 40. Д. 338. Л. 30–30 об.

³ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 40. Д. 338. Л. 63.

Варшавы взять с собой в Астрахань кого пожелает¹. Для сравнения сосланные для водворения в Архангельскую и Вологодскую губернии ксендзы получали 150 руб. ежегодного содержания².

Сосланный в Астрахань, Номинат Ржевуский остался в городе на 21 год и покинул его только через два года после разрешения на выезд. При отъезде Ржевуский пожертвовал 1 000 руб. на строительство богадельни в городе.

Меры, направленные на искоренение протестного движения, негативно отражались на повседневной жизни католических прихожан. Вскоре после начала польского восстания Варшавская католическая духовная академия закрылась, а Варшавский университет стал вести преподавание только на русском языке. Правительственные меры коснулись и католиков Астраханской и Саратовской губерний. В августе 1863 г. Департамент духовных дел иностранных исповеданий (далее ДДДИИ) в секретном послании на имя Тираспольского епископа Фердинанда Кана предписывал: «В настоящее время более чем когда-либо предстоит надобность предохранить духовенство вверенной вам епархии от польского влияния, поэтому не стоит допускать в семинарию воспитанников, а на приходские места священников – из Западного края»³. В 1878 г. с целью спасения семинарии от финансового краха была запущена активная деятельность по сбору пожертвований. В обоснование сохранения семинарии была приведена следующая статистика: «Несмотря на то, что штат семинарии весьма ограничен, так как в Малой семинарии только 13, а в Большой только 25 штатных мест, тем не менее она в короткий промежуток своего существования выпустила уже 32 священника немецкой и 17 польской нации»⁴. С учетом того факта, что уже первый набор семинаристов в 1857 г. по причине слабой подготовки в церковно-приходских школах детей местных колонистов был осуществлен за счет перевода

---

¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 40. Д. 338. Л. 31.

² Осужденные и наказанные за участие в смуте в 1863–1865 гг. Приложение к «Запискам графа М.Н. Муравьева» // Русская старина. 1883. № 3. С. 622.

³ ГАСО. Ф. 365. Оп. 1. Д. 213. Л. 1–3.

⁴ ГААО. Ф. 797. Оп. 1. Д. 46. Л. 211.

«12 кандидатов из польских епархиальных семинарий»¹, показатель в 17 выпускников польской нации после 21 года существования семинарии выглядит скромно. Таким образом, секретное предписание главы МВД П.А. Валуева было исполнено.

Нехватка священнослужителей приводила и к конфликтам с епархией. В таких случаях посредником выступал ДДДИИ. В июне 1864 г. уполномоченные от общества колонии Верховья Камышинского уезда Саратовской губернии Петр Пуль и Яков Гильдендберг обращались в МВД с жалобой на патера Левицкого, определенного к их приходу, состоящему из двух колоний, Памятной и Верховья. Левицкому вменялось в вину то, что он, проживая в Памятной, вопреки принятой им в 1844 г. вызывной грамоте, отказался с ноября 1863 г. от совершения богослужения в колонии Верховье и не исполнял там своих пастырских обязанностей. Точкой преткновения стало решение колониального начальства исключить из сметы столовые деньги в размере 20 руб. в год, которые Левицкий получал сверх положенного содержания.

Колонисты ходатайствовали о принятии мер к удовлетворению их духовных потребностей и о том, чтобы за время уклонения Левицкого от исполнения в колонии Верховье богослужения обществу были возвращены деньги от патера. Тираспольский епископ Фердинанд Кан в данном конфликте встал на сторону патера, принимая во внимание, что Левицкий не мог ни возить с собой съестные припасы, ни оставаться без пищи весь день. Поэтому епископ предписал Левицкому не ездить в колонию Верховье для совершения там богослужения, за исключением случаев исполнения духовных треб больным, крещения младенцев и погребения умерших до тех пор, пока колонисты не изъявят согласия давать патеру столовое содержание. Генерал-адъютант А.А. Зелёной же признал жалобу общества колонии Верховье и объявил Римско-католическому епархиальному начальству, чтобы в будущем, в случае

---

¹ Лиценбергер О.А. Римско-католическая Церковь в России: история и правовое положение. Саратов: Поволжская Академия государственной службы, 2001. С. 117.

неисполнения колониетскими обществами обязательств по содержанию духовенства, оно обращалось по этому предмету к местному их начальству, не лишая жителей необходимого им духовного попечения¹.

Несмотря на нехватку и удаленность священнослужителей, примеров массового перехода католиков в православие на территории Астраханской и Саратовской губерний выявлено не было. Поэтому немногочисленные случаи подобных переходов заслуживают отдельного внимания. Кроме того, мотивация таких конверсий нередко представляет собой особенно значимый объект исследования. Так, 16 апреля 1869 г. поляк Марцелий Ястреженский совершил попытку самоубийства через повешение, но был остановлен. Согласно ст. 1473 Уложения о наказаниях 1866 г. («Изобличенный в покушении лишить себя жизни также не в безумии, сумасшествии или временном от какой-либо болезни припадке беспамьтства, когда исполнение его намерения остановлено посторонними, не зависящими от него обстоятельствами, предается, если он христианин, церковному покаянию»²), Ястреженский решением Астраханского уголовного суда от 26 мая 1870 г. был приговорен к покаянию по обряду римско-католической церкви³. Однако Марцелий Ястреженский смог найти лазейку в законе. Когда по месту жительства за ним явился пристав, который должен был осуществить его высылку в Красноярский уезд, ренегат предъявил выписку из метрики Петропавловской церкви, по которой он был присоединен к православию⁴. Таким образом, высылка Ястреженского была отменена и приговор суда по объективным причинам не мог быть исполнен.

Недостаток же священнослужителей в Тираспольской епархии решили устранить, пригласив из-за границы, кроме одного или двух преподавателей для

---

¹ ГАСО. Ф. 365. Оп. 2. Д. 54. Л. 1–6.

² О самоубийствах // Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года: с дополнениями по 1 янв. 1876 г. № 1473 / сост. проф. С.-Петербур. ун-та Н.С. Таганцевым; [авт. предисл. Н.С. Таганцев]. Изд. 2-е, перераб. и доп. Санкт-Петербург: Тип. М. Стасюлевича, 1876. С. 559.

³ ГААО. Ф. 797. Оп. 1. Д. 43. Л. 6–6 об.

⁴ ГААО. Ф. 797. Оп. 1. Д. 44. Л. 39–39 об.

Тираспольской семинарии, еще нескольких немецких священников для поволжских колоний. Для поиска желающих Фердинандом Каном в командировку 7 июня 1864 г. был направлен инспектор Тираспольской семинарии Франц Ксавьер Цоттман¹.

В ходе долгого путешествия Ф. Цоттман смог пригласить из Баварии священника Беду Севальда настоятелем Римско-католического прихода в колонии Францфельд². А для Саратовской католической семинарии удалось найти сразу двух священнослужителей. «Я был так счастлив привлечь в семинарию Герна Глоснера и Виллибальда Цоттмана³, из которых первый некоторое время был настоятелем, директором семинарии и профессором, а второй – настоятелем, инспектором семинарии и профессором»⁴.

Преференции для немецкоязычных католических священников в принятии на службу в Тираспольской епархии были подкреплены и более существенными действиями со стороны правительства: «находящихся ныне в колониях ксендзов-поляков препроводить постепенно капелланами в войска или в такие приходы, где необходимо для священника знание польского языка»⁵, – предписывал 08.08.1863 г. Ф. Кану министр внутренних дел П.А. Валуев. Капелланы отвечали за богослужение среди военнослужащих, осуществляли контроль над их моральным состоянием, отпевали усопших. Тех же католических священнослужителей, которые находились на территории Нижнего Поволжья в качестве административно высланных, правительство не допускало вовсе до церковной службы. Так, в июне 1864 г. высланные в город Аткарск Саратовской губернии за участие в польском восстании ксендзы И. Война и Я. Левчак получили отказ на

¹ Zottmann A. Bischof der Diözese Tiraspol: Züge katholischen und deutschen Lebens aus Russland geschildert von A. Zottmann, Priester der Diözese Eichstätt. München: Joseph Roth'sche Verlagshandlung, 1904. P. 76–77.

² ГАСО. Ф. 365. Оп. 1. Д. 213. Л. 16.

³ *Примечание:* Виллибальд Цоттман являлся однофамильцем каноника Франца Цоттмана.

⁴ Zottmann A. Bischof der Diözese Tiraspol: Züge katholischen und deutschen Lebens aus Russland geschildert von A. Zottmann, Priester der Diözese Eichstätt. München: Joseph Roth'sche Verlagshandlung, 1904. P. 78.

⁵ ГАСО. Ф. 365. Оп. 1. Д. 213. Л. 4.

ходатайство о допуске к совершению богослужений¹. Только спустя 15 лет высланный из Люблинской губернии за произнесение в 1863 г. «антиправительственных» проповедей Я. Левчак получил разрешение занимать приходские должности в Тираспольской епархии².

Власти центральных губерний Российской империи, которые были определены местами ссылки католических священников, могли себе позволить запрет на их религиозную деятельность. Ввиду же острого недостатка духовенства, «Омская римско-католическая церковь с 1867 г. разрешила ссыльным ксендзам служить обедни»³.

Стоит отметить, что незадолго до распоряжения МВД от 8 августа 1863 г. о снижении вредного польского влияния вопрос с дефицитом священнослужителей так остро не стоял. Более того, 18 ноября 1860 г. по просьбе командира Отдельного Оренбургского корпуса генерал-адъютанта А.П. Безака Тираспольский епископ Фердинанд Кан ввиду наличия двух священников в городе предписывал настоятелю Астраханской римско-католической церкви Рубажевичу ежегодно командировать одного из них в гарнизон Александровского форта на восточном берегу Каспийского моря для исполнения духовных треб нижних чинов. Астраханский священник прибывал в гарнизон Александровского форта на казенном пароходе, бесплатно, получая суточные помимо основного содержания⁴.

Дело в том, что осенью 1860 г. оренбургский ксендз М.Ф. Зеленко умер от воспаления легких. Так как болезнь продолжалась более двух месяцев, командующий отдельным оренбургским корпусом, генерал-майор А.Л. Данзас успел обратиться к саратовскому губернатору с просьбой отправить католического священника «для последнего напутствия и погребения

---

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 3. Д. 156. Л. 2.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 3. Д. 488. Л. 3.

³ Никулина И.Н., Серак Е.В. Католические священники, сосланные в Западную Сибирь после подавления Январского восстания 1863–1864 гг.: некоторые вопросы исследования // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. 2022. № 2 (124). С. 32.

⁴ ГААО. Ф. 797. Оп. 1. Д. 35. Л. 150–150 об.

умирающего, а также для временного замещения его должности и совершения духовных треб»¹. Преподаватель Тираспольской римско-католической духовной семинарии каноник Иоанн Рымша успел застать М.Ф. Зеленко живым, а спустя неделю провел его похороны.

После того, как все возможные попытки устранить польских священнослужителей из Тираспольской епархии были предприняты, в 1868 г. Римско-католическая духовная коллегия выпустила указ о запрещении католическому духовенству при исполнении духовных треб для нижних чинов употреблять польский язык².

Меры по приглашению священнослужителей из-за границы могли только сгладить дефицит местами, но не полностью устранить его. Острая нужда в священниках, в которой находилась католическая церковь, приводила к тому, что зачастую действующие священники не могли даже отлучиться в отпуск для восстановления расстроенного здоровья. Не только рядовые священники, но и сам Тираспольский епископ испытывал на себе трудности этого положения. «Как кажется, я еще в течение трех лет в затруднении буду заместить не только все вакантные места, но также и там, где встречается крайняя нужда в священниках. «Я сам очень слаб и хотел бы иметь отпуск, но, кажется, что успеха в этом не будет»³, – писал Франц Цоттман 19 апреля 1879 г. курату Астраханской римско-католической церкви Раймунду Андржейковичу. Удивительно, но как раз через три года после письма Р. Андржейковичу епископ Ф. Цоттман получил отпуск и отправился сначала в свой родной город Орнбау в Баварии, а затем в Ватикан, где 30 декабря 1882 г. встретился с Папой Львом XIII. Во время этой встречи Франц Цоттман подал прошение об отставке, на которую очень рассчитывал. Перед отъездом епископ собрал все свои вещи в Саратове, которые только ждали

---

¹ Денисов Д.Н. Католицизм в конфессиональном пространстве Оренбургского края (конец XVIII – начало XXI вв.) / Денисов Д.Н. Науч.-исслед. ин-т истории и этнографии Южного Урала Оренбургского гос. ун-та. Оренбург: Университет, 2014. С. 28–29.

² ГАСО. Ф. 365. Оп. 1. Д. 279. Л. 1.

³ ГААО. Ф. 797. Оп. 1. Д. 46. Л. 232–232 об.

распоряжения об отправке. Однако «Св. Кафедра понимала, что в Саратове есть епископ, на которого, с одной стороны, можно положиться в духовных делах, а с другой стороны, он находится в хороших отношениях с российским правительством и поэтому тем успешнее может действовать на благо Церкви»¹.

Отставку Франца Цоттмана Лев XIII удовлетворил только в 1889 г. ввиду стремительно ухудшающегося здоровья Тираспольского епископа². Разрешение ситуации с затруднениями замещения должностей сроком в три года, на которые ссылался епископ, было связано с надеждами на выпускников Тираспольской духовной семинарии. Именно один из таких выпускников после экзаменов в конце июня 1879 г., был посвящен в священнический сан и в первых числах июля отправился в Астрахань на два месяца для подмены, уходящего в отпуск Раймунда Андржейковича³.

При сложившейся нехватке священнослужителей епископу иногда приходилось закрывать глаза на многие проступки ксендзов, что негативно отражалось на репутации католической веры в целом. «По каноническому праву священник за злоупотребление исповеди для блудодеяний должен быть наказан и отправлен в монастырь навсегда. С внутренним отвращением, имея в виду большой недостаток священников, я решился опять поручить Георгию Майеру должность военного капеллана»⁴, – корил себя епископ Франц Цоттман.

Комплексный анализ обращений прихожан в консисторию с жалобами на своих священников показал наиболее распространенные пороки католического духовенства: блуд, корысть, пьянство. Несмотря на дефицит священнослужителей, когда ситуация выходила за рамки, католическая администрация шла на необходимые меры. Например, священник Тираспольской

---

¹ Zottmann A. Bischof der Diözese Tiraspol: Züge katholischen und deutschen Lebens aus Russland geschildert von A. Zottmann, Priester der Diözese Eichstätt. München: Joseph Roth'sche Verlagshandlung, 1904. P. 160.

² Лиценбергер О.А. Римско-католическая Церковь в России: история и правовое положение. Саратов: Поволжская Академия государственной службы, 2001. С. 136.

³ ГААО. Ф. 797. Оп. 1. Д. 46. Л. 233.

⁴ ГАСО. Ф. 365. Оп. 1. Д. 610. Л. 21.

епархии Андрей Севальд, более семи лет предававшийся пьянству, был исключен из числа духовенства¹. Этой крайней мере предшествовал долгий перечень попыток образумить порочного ксендза, который включал в том числе и такое исправительное средство, как ссылка в монастырь на три года.

Указ Духовной коллегии римско-католической церкви № 1004 от 11 апреля 1877 г. описывал порядок заключения в монастыри порочных священников. Для отправки в монастырь священника составлялся рапорт епископа с описанием проступков и подробной характеристикой обвиняемого, далее, рассмотрев дело, Духовная коллегия составляла прошение на имя министра внутренних дел. По общему правилу римско-католические ксендзы, опорочившие себя дурными поступками, заключались в монастыри своей епархии. Исключение было сделано только для Тираспольской епархии ввиду отсутствия на ее территории католических монастырей. Местных священников отправляли в монастыри других епархий по усмотрению министерства².

Решение о ссылке в монастырь следовало чаще всего за разгульное поведение, пьянство и взяточничество, прелюбодеяния. После истечения назначенного срока, в случае исправления, священник мог вернуться на занимаемую должность. Например, вице-курят Аглонского Доминиканского римско-католического монастыря Витебской губернии ксендз Доморацкий ходатайствовал перед Тираспольским епископом Францем Цоттманом о снятии церковного запрета с находящегося в монастыре Юстина Смольского. «Заклученный в монастырь ксендз Юстин Смольский ведет трезвую жизнь и в течение 5 месяцев нахождения в монастыре не был замечен ни в чем предосудительном. Прошу разрешить означенному священнику служить св. литургию и исполнять духовные требы под мою ответственность»³.

Отправке в монастырь обычно предшествовали пасторские увещевания, наложение суспенсий (запрет в совершении таинств), понижение в должности.

---

¹ ГАСО. Ф. 365. Оп. 1. Д. 610. Л. 30 об.

² ГА РФ. Ф. 217. Оп. 1. Д. 1412. Л. 4.

³ ГАСО. Ф. 365. Оп. 1. Д. 610. Л. 10–10 об.

Встречались и необычные случаи, например, когда вести праведный образ жизни духовному лицу мешали не пороки, а состояние здоровья. Епископ-суффраган Тираспольской епархии Антоний Церр 24 февраля 1886 г. по запросу МВД сообщал следующее: «Диакон Иосиф Баумгертнер действительно подвергался припадкам душевных расстройств, с 1879 г. по 1884 г. пять или шесть раз был отправлен на излечение в Александровско-Саратовскую лечебницу душевнобольных, где всякий раз оставался два или более пяти месяцев»¹. Ввиду порочного образа жизни и неоднократных душевных расстройств Баумгертнер так и не был возведен в сан священника.

Ссылка в монастырь не всегда была продиктована мотивом исправить порочного священнослужителя, иногда это было единственным способом сохранить репутацию католической церкви. «Если Юстина Смольского исключить из духовного ведомства, разрешив ему жить, где он пожелает, то без сомнений надо опасаться, что он решится на большие скандалы и не переставая пьянствовать, будет в пьяном виде валяться по улицам»², – писал в рапорте в Римско-католическую духовную коллегию Франц Цоттман.

Обычно католические священники демонстрировали отвращение к пьянству. Так, в конце XIX в. произошел необычный эпизод, характеризующий католическое духовенство как примерных трезвенников. «Ксендз прихода Бараново Плоцкой губернии Осип Громек научил малолетних детей от 7 до 12 лет в количестве около 150 человек, которых он готовил к совершению Св. таинств, кричать всем заходящим в трактирное заведение “пьяница”»³, – докладывал генерал-лейтенант И.А. Фуллон варшавскому генерал-губернатору. Вышеупомянутое действо привлекло внимание властей не только потому, что данная детская «манifestация» собирала подчас многочисленные толпы любопытствующих, но и секретными донесениями о причинах призыва ксендзов к отказу от употребления спиртных напитков прихожанами. Подпольная пресса,

¹ ГАСО. Ф. 365. Оп. 1. Д. 610. Л. 15–16.

² ГАСО. Ф. 365. Оп. 1. Д. 610. Л. 1–2.

³ ГА РФ. Ф. 265. Оп. 1. Д. 1539. Л. 43.

которая ходила в народе, склоняла поляков к отказам от алкоголя еще с конца XIX в., но более часто и предметно эти призывы стали звучать во время Русско-японской войны. «Викарный ксендз Пий Андзюлис говорил сегодня в Сильвановском костеле, что не следует пить водку и пиво, чтобы не приносить дохода казне»¹. Конечно, не боязнь непоступления средств в бюджет вызывала опасения, а антироссийские настроения некоторых представителей католического клира.

Зачастую запятнавшие себя священнослужители пытались найти себе место, переехав в другую губернию, но и в этом случае их настигал запрет. Так, «бывшему викарию Толочинского костела ксендзу Игнатию Ушковскому, своими дурными поступками, неприличными духовному сану, запретили навсегда совершать священнодействия»² – гласило распоряжение Тираспольской римско-католической духовной консистории настоятелю Астраханской римско-католической церкви канонику Ксаверию Рубажевичу от 9 января 1870 г. Похожие предписания подведомственные Тираспольской консистории приходы получили в отношении ксендза Георгия Раканского³, который за дурное поведение, безнравственную жизнь, неповиновение духовному начальству, самовольные разъезды, оставление своих обязанностей был исключен из состава духовенства, и ксендза Георгия Францева Ровейко⁴, приговоренного к ссылке на поселение в Сибирь за поджог сарая в Бернардинском монастыре, в котором он находился на покаянии.

Возмущенные аморальным поведением священников, прихожане нередко требовали консисторию выгнать порочных ксендзов. Так, временный настоятель церкви в Астрахани Болеслав Андржейкович был обвинен в разврате со своей горничной. Будучи назначенным в Астрахань, Болеслав Андржейкович взял с собой на пароход девушку «лет около 22 горничную и был настолько

---

¹ ГА РФ. Ф. 265. Оп. 1. Д. 1541. Л. 34.

² ГААО. Ф. 797. Оп. 1. Д. 42. Л. 14.

³ ГААО. Ф. 797. Оп. 1. Д. 43. Л. 59–59 об.

⁴ ГААО. Ф. 797. Оп. 1. Д. 44. Л. 40–41.

недальновиден, что с парохода на одном экипаже с этой горничною к общему соблазну всех прихожан сделал первый въезд в церковный дом»¹. Самым болезненным по мнению составителей жалобы стал тот факт, что «иноверцы, узнав об этом, во всеуслышание стали посмеиваться над католическими священниками, которые хотя и не женаты, но тем не менее без кухарок и горничных обходиться не могут»². Письмо заканчивалось просьбой назначить в Астрахань двух более пожилых священников или по крайней мере распорядиться об удалении из дома Андржейковича горничной.

Приведенные выше случаи недостойного поведения части католического духовенства были редким исключением в длинном списке истинных пастырей, которые были нравственной опорой своего народа. Кроме того, по делу обвинения в разврате Болеслав Андржейкович был оправдан, а все порочащие репутацию священнослужителя обвинения стали результатом интриг второго синдика статского советника Иосифа Яницкого. Причиной раздора явился коррупционный скандал. Большинство прихожан совместно с администратором церкви Болеславом Андрейчиком и другим синдиком церкви Казимиром Дубовиком высказались против нового трехлетнего соглашения об аренде церковных лавок с купцом Назаровым, от которого Яницкий получил взятку³.

Таким образом, на положение католиков в Астраханской и Саратовской губерниях во второй половине XIX в. существенное влияние оказало восстание в Царстве Польском, что выражалось в нескольких факторах. Во-первых, в увеличении количества прихожан римско-католической церкви благодаря высылке в регион участников восстания, лиц им сочувствующих и лиц, препровожденных в войска, что было особенно заметно в Астраханской губернии из-за малых размеров местной общины.

Во-вторых, польское восстание встретило сочувствие как у католического духовенства Нижнего Поволжья, которое выражало поддержку через наложение

¹ ГААО. Ф. 797. Оп. 1. Д. 47. Л. 17.

² ГААО. Ф. 797. Оп. 1. Д. 47. Л. 50.

³ ГААО. Ф. 797. Оп. 1. Д. 48. Л. 9–9 об., 105–106.

траура в церкви, так и у представителей правоохранительных органов власти, в частности, начальника полицейской команды Красноярского уезда, который из солидарности к представителям католического вероисповедания саботировал организацию тайного надзора за административно-высланными.

В-третьих, несмотря на некоторую вольность, допущенную рядовым духовенством, глава Тираспольской епархии Фердинанд Кан, чувствуя ответственность не только за себя, но и за судьбу всей епархии, на конфликт с властями не пошел и более того предупреждал даже попытки своих подчиненных скомпрометировать себя в глазах полиции общением с ссыльными ксендзами.

В-четвертых, польское восстание привело к тому, что правительством было принято решение сократить польский элемент в католических церквях Тираспольской епархии посредством отказа в приеме в Саратовскую духовную семинарию поляков и удалением в войска капелланами уже находящихся в регионе ксендзов.

В-пятых, хотя местное население и не было замечено в антикатолической или антипольской деятельности, состояние всеобщей подозрительности превращало конфессиональную тему в грозное оружие во время бытовых скандалов даже среди самих католиков.

В-шестых, во второй половине XIX в. в Тираспольской епархии наметился кадровый дефицит священнослужителей католической церкви, что привело к более лояльному отношению церковных иерархов к незначительным прегрешениям своих подчиненных.

2.2. Повседневная жизнь католиков и лютеран

В рамках изучения истории повседневной жизни католиков и лютеран Астраханской и Саратовской губерний была рассмотрена сфера человеческой обыденности, а именно отношение инославного населения к введению воинской

повинности и ликвидации статуса колонистов, благотворительная деятельность церквей, развитие системы образования в ее этно-конфессиональном контексте.

С целью прекратить отставание Российской империи от развитых государств в 60–70-е гг. XIX столетия была осуществлена серия реформ, которые отменили крепостную зависимость, заложили зачатки гражданского общества и правового государства, содействовали укреплению сухопутной и морской военной мощи России.

Проводимые в Российской империи реформы затронули и западных христиан. В 1863 г. будущий обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев, сопровождая в путешествии по империи своего подопечного великого князя Николая Александровича, по случаю посещения Сарепты изложил в своих заметках, в сущности, официальную позицию по отношению к колонистам. «Сарептские гернгутеры, пожалуй, гости в нашей земле, но этих гостей мы вызвали и приняли. Эти гости, может быть, прямо не заинтересованы в нашей домашней экономике, но они не враждебны ей и этого покуда довольно»¹. Пройдет 8 лет и одного отсутствия враждебности уже будет недостаточно.

Важнейшую роль в судьбе инославного населения Нижнего Поволжья сыграл указ, который отменял колонистский статус и особое управление колонистами. При всей этой суматохе немецкие колонисты лишились также и своего непосредственного имущества. «При упразднении собственного управления колоний, а с тем вместе и Саратовской конторы иностранных поселенцев, перешли почему-то в казну дом колонистов в Саратове на углу Немецкой и Никольской улиц с суммой мирских сборов 35 298 руб. 80 $\frac{3}{4}$ коп.»². Попытки вернуть деньги через суд не увенчались успехом.

Еще одним изменением в жизни бывших колонистов стало введение всеобщей воинской повинности. При приглашении в Россию колонисты в числе прочих свобод и льгот получали освобождение от рекрутского набора. Поражение

---

¹ Победоносцев К.П. Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма. СПб.: Тип. Грачева и Коми, 1864. С. 339.

² Необдуманный процесс // Саратовский листок. 1898. № 219. С. 2.

в Крымской войне подтолкнуло правительство к преобразованиям в военном ведомстве Российской империи, в частности, к увеличению численности военного контингента. В связи с тем, что общее число немецких колонистов, годных к несению службы, оценивалось в 180 000 чел.¹, то на них и было обращено внимание реформаторов. Военные действия постоянно требовали пополнения. После введения Всеобщей воинской повинности ежегодно на военную службу призывалось «от 303 в 1874 г. до 960 новобранцев в 1907 г. из числа бывших колонистов в Саратовской губернии»².

Упразднение статуса колонистов в 1871 г. и издание «Манифеста о введении всеобщей воинской повинности» в 1874 г. послужили мощным толчком к эмиграции поселян-собственников за пределы Российской империи в страны Нового Света. Несмотря на тот факт, что «пасторы и ксендзы, как, например Дельвиг, Гаух, Буцке и Дейтлинг, не могли не влиять на немцев и пробудить в них сознание о совершенной справедливости слиться во всех обязанностях к своему второму Отечеству с его верными и во всем покорными гражданами»³, среди пожелавших уехать в Америку были преимущественно католики и лютеране. В отличие от меннонитов, которым еще в апреле 1874 г. пообещали, а 8 апреля 1875 г. официально заменили воинскую обязанность, связанную с ношением оружия, на службу в мастерских морского ведомства, в пожарных и лесных командах, католическое и лютеранское население таких прав не получило.

Эмиграция началась практически сразу после введения всеобщей воинской повинности, и уже в 1875 г. по Саратовской губернии из подданства

---

¹ Возгрин В.Е. Немецкие колонисты и крымские татары в национальной политике Российской империи (XVIII – конец XIX в.) /часть II/ // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. 2014. № 12. С. 55.

² Шульга И.И. Немцы Поволжья в российских вооруженных силах: воинская служба как фактор формирования патриотического сознания. М.: АОО «Международный союз немецкой культуры», 2008. С. 60.

³ Там же. С. 19–20.

России вышли 103 семейства, в их числе 146 женщин и 229 мужчин, 50 человек из которых подлежали призыву в том году к исполнению воинской повинности¹.

С 1874 г. до 1881 г. из Камышинского уезда выехало за границу от 450 до 500 семей. С осени 1886 г. и до начала марта 1887 г. туда выехали еще 350 семей². Такой прирост спустя 5 лет после первой волны объясняется тем, что выехавшие ранее могли уже обеспечить не только себя, но и одолжить деньги на переезд своим родным и близким.

В этой связи министр внутренних дел генерал-адъютант А.Е. Тимашев признал необходимым, чтобы уездные, окружные и городские по воинской повинности присутствия составили по определенной форме именные списки лиц, не явившихся в призыв истекшего года к освидетельствованию. Так, с 1898 г. по 1911 г. в список лиц, выбывших в Америку из католического села Келлер (Караульный Буерак) Семеновской волости Камышинского уезда и не явившихся для исполнения воинской повинности, были включены 65 человек³. Удручающая статистика при общей численности населения села Келлер в 3 769 человек в 1894 г.⁴.

Если на первых порах введение всеобщей воинской повинности толкало к переселениям чаще всего меннонитов, то уже ко второй волне эмиграции, которая была связана с насильственной русификацией немецкоязычного населения Нижнего Поволжья в правление Александра III и экономическими трудностями, большинство переселенцев составляли католики, и воинская повинность теперь выступала в качестве катализатора, а не основного мотива. В статье середины 1890-х гг. общественный деятель, глубоко заинтересованный вопросами переселения народов, Абрам Моисеевич Беркенгейм в качестве причин эмиграции

---

¹ Обзор Саратовской губернии за 1875 год. (Прил. ко всепод. отчету). Саратов: губернская типография, 1876. С. 10.

² Сборник статистических сведений по Саратовской губернии. Т. 11. Камышинский уезд. Саратов: Сборник статистических сведений, 1891. С. 57–58.

³ ГАВО. Ф. 207. Оп. 1. Д. 49. Л. 2.

⁴ Минх А.Н. Историко-географический словарь Саратовской губернии. Т. 1: Южные уезды: Камышинский и Царицынский / печ. под наблюдением чл. Саратов. учен. архив. комис. С.А. Щеглова. Вып. 2, Лит. Д – К. Продолжение. Саратов: Тип. губернского земства, 1900. С. 477.

колонистов, большинство которых составляли католики, приводил следующее объяснение: «Все в один голос указывают на крайний недостаток и истощение земель. Когда же ко всему этому присоединилась повинность отдавать детей в военную службу – повинность, от которой они считали себя свободными в силу привилегий, дарованных их прародителям, они решили эмигрировать из России»¹.

В 1871 г. при проведении колониетской реформы поселянам-собственникам предоставлялось право в течение 10 лет выезжать из России без взноса в казну части нажитого капитала. Далеко не все успели воспользоваться этим правом в установленный срок. Впоследствии поселяне-собственники прибегали к разного рода ухищрениям, чтобы обойти ограничения, указывая в качестве причины выезда посещение родственников. Если понимание русским крестьянством Саратовской губернии всей сложности военной службы порождало снисходительное отношение общины к поведению рекрутов («на их проделки и веселье “мир” смотрел снисходительно, понимая, сколь малы шансы будущих солдат вновь увидеть родную деревню»²), то община в бывших немецких колониях и вовсе закрывала глаза на откровенные случаи уклонения от воинской повинности. Так, в июне 1900 г. 20-летние поселяне-собственники Камышинского уезда целой партией обратились в канцелярию пристава МВД 2-го стана о выдаче им заграничных паспортов с целью свидания с родственниками. При предоставлении прошения все молодые люди смогли прикрепить положительное решение сельских сходов по данному вопросу. Земскому начальнику Второго участка Камышинского уезда В.В. Шомпулеву приставом МВД 2-го стана Камышинского уезда И.Е. Ивановым было рекомендовано разъяснить на сельских сходах все отрицательные стороны таких поездок в Америку, а также внушить населению, что выполнение воинской повинности составляет священную

---

¹ Беркенгейм А.М. Аргентина и ее колонии: Ст. 1. Москва: типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1891–1895. С. 20.

² Воробьев Е.П., Давыдова М.Ю. Отношение российского крестьянства к воинской обязанности во второй половине XIX – начале XX века (на материалах Нижнего Поволжья) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (41): в 2-х ч. Ч. II. С. 43.

обязанность каждого верноподданного, а потому уклонение может лечь пятном на всех единоверцев¹. Причиной такого рода потворствований были пацифистские чувства, взращенные за более чем столетнюю практику освобождения от воинской службы.

Однако стоит отметить, что западные христиане стремились держаться в рамках правового поля. На страницах католического журнала «Klemens» в 1897 г. была напечатана статья «Vergünstigung vom Militärdienst» [Льгота от военной службы. Перевод авт.], в которой автор в длинном введении обосновывал актуальность своей публикации тем, что желание сохранить свое имущество и свои права является естественным и неотъемлемым. Цитируя указ Правительствующего Сената от 30 мая 1884 г., Дж. Ульрих рассказывал читателям о законных способах получения льготы по воинской повинности. «Если в семье, в которой есть сын, получивший отсрочку на улучшение своего здоровья или на окончание учебы, в течение этого срока кто-то умер или стал нетрудоспособным, то об этом должно быть подано заявление в военное ведомство, и тогда ему, несомненно, будет предоставлена соответствующая льгота»².

Масштабы эмиграции не могли оставаться без внимания губернских властей. Начальник Саратовского губернского жандармского управления 25 июня 1876 г. в секретном донесении выражал озабоченность сложившимся положением: «В последнее время в немецкие колонии Камышинского уезда довольно часто присылаются письма от агентов разных иностранных государств с приглашением колонистов к переселению»³. Письмо, полученное в колонии Голый Карамыш колонистом Рейс от Бразильского правительства на французском языке и затем переведенное отставным профессором Лигером, проживающим в Усть-Золыхе, на немецкий язык, произвело в среде колонистов движение к

---

¹ ГАВО. Ф. 203. Оп. 1. Д. 46. Л. 3.

² Vergünstigung vom Militärdienst // Klemens. № 11. 10.12.1897. P. 168. [Льгота от военной службы // Клеменс. № 11. 10.12.1897. С. 168. Перевод авт.]

³ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 161. Д. 207. Л. 1–2.

переселению и было распространено по другим колониям. По поводу этого письма 5 июня 1876 г. большая масса немцев из разных колоний собралась в колонии Голый Карамыш для совещания, на котором было решено отправить депутацию из 5 человек в Бразилию с целью осмотра, отчуждаемой переселенцам земли и условий, на которых они принимаются Бразильским правительством.

Министерство внутренних дел, обеспокоенное тем, что многие бывшие колонисты уезжали без достаточных средств для такого путешествия, определили сумму в 150 руб. на взрослого члена семьи как минимальную для выдачи губернатором паспортов переселенцам¹. Деньги эти отправлялись в тот пограничный город, откуда планировался выезд за пределы Российской империи для возвращения переселенцам. При эмиграции бывшие колонисты должны были письменно подтвердить, что они понимают последствия своего шага и, уезжая, теряют предоставленное им государством имущество. Своим правом на переезд 10 марта 1877 г. воспользовался поселянин-собственник селения Иозефсталь – Христофор Гольцман, который, состоя на рекрутской очереди по призыву 1877 г., пожелал переселиться в Америку. Согласно пункту 1 статьи 130 Общего положения о крестьянах он отказался от участия в мирском наделе навсегда и сдал состоявший в пользовании участок земли во владение Иозефстальского общества².

Огромное влияние на процесс эмиграции поселян-собственников Нижнего Поволжья в Америку оказывали положительные отзывы тех, кто покинул Россию ранее. В 1875 г. из колонии Голый Карамыш на постоянное жительство в Америку выехал Г. Швабауэр. Мотивом переселения, указанном в письме к тем, кто раздумывал над отъездом, Г. Швабауэр назвал притеснения со стороны властей. Хотя Г. Швабауэр и отмечал, что каждый должен сам сделать выбор – уйти или остаться – и не позволять никому уговорить себя, основной его посыл звучал однозначно: «неважно, является ли он католиком или лютеранином, кто

---

¹ ГАВО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 345. Л. 8.

² ГАВО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 26. Л. 4.

думает: “Я как-нибудь проживу, а после моей смерти пусть будет как будет”, того не только покинет благословение Господне, но будет он проклят, потому что он не выполнил свой долг перед детьми, который выполнили перед нами наши предки»¹. Если поселяне-собственники и сами выражали интерес к отъезду из России, их прибытие именно в Соединенные Штаты Америки было продиктовано интересами самого автора письма, который «получал от правительства США премию в размере пяти долларов за каждого эмигранта»². Письмо Г. Швабауэра содержало советы переселенцам о том, где и как обменять русские деньги, подробно описывался маршрут движения. В конце автор сообщал сведения о ценах на продукты и величину средней заработной платы.

Не все поселяне-собственники выезжали в США на постоянное место жительства, часть использовало получение американского гражданства для уклонения от воинской повинности. «В начале 1876 г. саратовский губернатор М.Н. Галкин-Врасский получил информацию о том, что часть эмигрировавших в 1875 г. немцев, получив американское гражданство, вернулась на прежние места проживания и продолжала вести хозяйство, не платя при этом налогов и освободив себя от военной службы. В этом же году по настоянию губернатора эта категория бывших колонистов была выслана за пределы страны»³.

Со временем колонисты стали спокойнее относиться к новой для себя повинности. Так, в 1897 г. из католического села Бер (Каменка) Камышинского уезда Саратовской губернии на службу было взято 200 человек. Католики были приведены к присяге священником Алоисом Шенфельденом. «Отец Шенфельден произнес речь для молодых солдат, в которой особо подчеркнул, что они должны исполнять служение Милостивейшему императору в соответствии с повелением Бога и постоянно помнить о Боге и Его заповедях. В заключение он пожелал им

---

¹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2539. Л. 11.

² Ананян Е.В. Эмиграция немцев Поволжья в Америку в 70-е годы XIX в.: предпосылки, причины и результаты: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02: Волгоград, 2004. С. 109.

³ Там же. С. 86.

удачи в новом положении»¹. Значение призывов отца Шенфельдена и упомянутых выше представителей духовенства сложно переоценить, так как, несмотря на отсутствие предубежденности католической и лютеранской церквей в отношении военной службы, населению колоний, освобожденному от воинской повинности еще Екатериной II, на первых порах сложно было свыкнуться с новой реальностью.

Нижнее Поволжье было одним из самых пострадавших регионов от неурожая 1880 г. и 1891–1892 гг. Данное обстоятельство не могло не отразиться на повседневной жизни инославного населения. Особо отметим благотворительную деятельность лютеранской церкви в деле поддержки страдающего от голода населения. Помощь лютеранской церкви и ранее остро реагировавшей на социально-экономические и природные потрясения последовала незамедлительно. Лютеране Саратовской губернии на всем протяжении второй половины XIX в. активно занимались благотворительной деятельностью. Лютеране основали общество милосердия и общество для воспитания глухонемых детей саратовского прихода².

В марте 1859 г. церковь Св. Марии получила статус прихода с вспомогательной кассой для поддержки лютеранских церквей России. Данный статус налагал дополнительную ответственность и предполагал дополнительные расходы, что не могло не вызывать недовольства. Но стоит отметить, что и другие приходы помогали церкви Св. Марии в тяжелые для нее времена. Засуха в 1880 г. спровоцировала голод в Поволжье, не обойдя стороной и немецкие колонии. Но не только засуха привела к трагедии в колониях, к 1880-м гг. они были сильно перенаселены. Другой проблемой стало упразднение в 1877 г. Конторы опекунов иностранных колоний, располагавшей большим запасом продовольствия как раз на такой случай. Немецкие колонии передавались губернскому руководству, колонии были реорганизованы, даже поменяли

---

¹ Каменка // Klemens. № 9. 26.11.1897. Р. 137–138. [Каменка // Клеменс. № 9. 26.11.1897. С. 137–138. Перевод авт.].

² ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11380. Л. 66.

наименование их жители, теперь их называли поселянами-собственниками. Колонисты, всегда получавшие помощь от Конторы в трудные времена, теперь находились в полном отчаянии. В этот момент им и пришла на помощь церковь, при ней был создан комитет помощи голодающим, руководство которым было возложено на пастора Карла Коссмана.

Вся страна была вовлечена в кампанию по сбору пожертвований в помощь пострадавшим от неурожая. Средства приносились как отдельными людьми, так и целыми городами – Москвой, Ригой, Костромой, Петербургом. «В 1880–1881 гг. церковным фондом было распределено 326 365 рублей 20 копеек»¹.

В 1891 г. неурожай еще сильнее ударил по населению Саратовской губернии. Для того чтобы привлечь внимание к бедам нуждающихся, лютеранский пастор церкви Св. Марии Густав Томсон составил рукопись на немецком языке под заглавием «Nachrichten aus dem Notstandsgebiet aus der Volga» [Новости из области чрезвычайного положения с Волги. Перевод авт.]. Однако 4 марта 1892 г. Московский цензурный комитет, куда поступила рукопись для согласования ее печати, не одобрил публикацию. Мотивом для такого решения стало изображение автором положения пострадавших от неурожая в саратовских немецких колониях в «крайне мрачном свете»². Однако цензурный комитет не полностью отказал в публикации воззвания к пожертвованиям, а отложил ее до подтверждения сведений местной административной властью. Подобная нерасторопность правительства в деле освещения проблем с продовольствием ввиду неурожая была далеко не первой. Во время предыдущего крупного голода в 1880 г., охватившего многие регионы Российской империи, главный представитель охранительной печати «Московские ведомости» упорно не хотели доверять фактам или считали масштабы бедствия преувеличенными. В статье с говорящим названием «Мнимый голод» от 7 января 1881 г. автор развенчивал миф о масштабах голода и все повествование вел в ироничном ключе: «Слухи

---

¹ Лиценбергер О.А. Евангелическо-лютеранская церковь Св. Марии в г. Саратове (1770–1935). Саратов, 1995. С. 29.

² ГАСО. Ф. 852. Оп. 1. Д. 141. Л. 1–1 об.

росли один другого мрачнее, и перед испуганным обществом уже рисовалась грозная картина наступающего бедствия. Но проходит несколько времени и оказывается, что никаких крайних мер не потребовалось. Из Саратовской губернии, где мнился голод и все население собирались поголовно кормить за казенный счет, идут известия много утешительнее прежних»¹.

Более прохладное отношение к бедам немецких колонистов Нижнего Поволжья отмечал обозреватель британской газеты «The Times», который объехал несколько наиболее пострадавших от неурожая регионов, в том числе Саратовскую губернию. Репортер связывал данное обстоятельство с патриархальной привязанностью дворян к своим бывшим крепостным, у крестьян-собственников же таких покровителей не было. К тому же «государственная помощь, достаточно скудная сама по себе, расходовалась на них неохотнее и в меньших количествах»². Данная и прочие подобные ей публикации в западной прессе поспособствовали отправке помощи голодающим из-за рубежа. Так, в феврале-апреле 1892 г. из США в Российскую империю было отправлено три парохода («Индиана», «Конемаг», «Миссури») с 7,3 тыс. тонн продовольствия³. Отсутствие или по крайней мере меньшее количество государственной помощи голодающим немцам Нижнего Поволжья, о которых писала специалист по продовольственной ситуации в Российской империи в XIX в. А.С. Рогожина, компенсировалось пожертвованиями лютеранских церквей со всей Российской империи в пользу комитета помощи голодающим лютеранскому приходу Св. Марии в Саратове. Церковный приход распределял приходящие денежные переводы и продовольствие не только среди лютеранских прихожан. «В ноябре

---

¹ Московские ведомости. № 8. 07.01.1881. С. 3.

² Рогожина А.С. Голод 1891–1892 гг. в освещении газеты «The Times» // *Studia internationalia: Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.: Материалы X международной научной конференции*, Брянск, 22–23 сентября 2022 года. Брянск: Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, 2022. С. 84–91.

³ Журавлева В.И. Американская кукуруза в России: уроки народной дипломатии и капитализма // *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение*. 2013. № 21 (122). С. 125–127.

1891 г. при церкви была устроена бесплатная столовая, которая ежедневно принимала 400–500 человек различного вероисповедания»¹.

Получение прихожанами римско-католической церкви г. Астрахань благотворительной помощи совпало с наступлением эпохи примирения российской власти с Ватиканом. В конце XIX в. наметились существенные положительные перемены в отношениях российского правительства и католической церкви, апофеозом которых стало налаживание дипломатических контактов в 1894 г. со Святым Престолом. С 1894 г. по 1897 г. министром-резидентом в Ватикане был А.П. Извольский. Николай Николаевич Голицын, с 1875 г. служивший в СЕИВК по делам Царства Польского, настаивал на пересмотре политики в отношении католической церкви, мотивируя это необходимостью поиска соратников из числа поляков в случае войны с одной из соседних держав. «Последние внутренние события в Российской империи² поколебали тот небольшой престиж, который имели русские. Мы среди поляков внутренне слабее их и не чувствуем под ногами почвы. Необходимо сделать шаг к сближению с поляками, начать систему смягчения и политику применения к обстоятельствам»³. В конце XIX в. были восстановлены дипломатические отношения с Папским престолом, испорченные в 1860-е гг. Ссылные участники польского восстания получили свободу передвижения, вплоть до возвращения на Родину в зависимости от степени участия в восстании. Административный контроль за деятельностью католической церкви сохранился, но внимание обращалось лишь на политическую нелояльность ксендзов, а не на религиозную сторону деятельности церкви.

---

¹ Лиценбергер О.А. Евангелическо-лютеранская церковь Святой Марии в Саратове (1770–1935). Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, 1995. С. 31.

² *Примечание:* убийство императора Александра II.

³ Тихонов А.К. Политика Российской империи по отношению к католикам, мусульманам, иудеям в последней четверти XVIII – начале XX в.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02 / Тихонов Андрей Константинович; [Место защиты: ГОУВПО Санкт-Петербургский государственный университет]. Санкт-Петербург, 2008. С. 240.

Данные изменения привели к более активному вовлечению католического населения Астраханской губернии в общественную жизнь. При поддержке местных властей в Астрахани в 1899 г. было открыто Общество вспомоществования бедным прихожанам астраханской римско-католической церкви, в состав которого входило 36 членов. За первый год существования общества было собрано 1 490 руб. 93 коп.¹.

К концу XIX столетия лютеране испытали на себе давление властей, особенно в образовании. Реорганизация церковного образования, главной идеей которой был жесткий контроль со стороны властей за учебным процессом, началась с лютеранских церковных школ, находящихся в округах Московской и Петербургской евангелическо-лютеранских консисторий.

Университетский устав 1884 г., значительно урезавший автономию высших учебных заведений, – яркое доказательство того, что в годы царствования Александра III и в начале правления Николая II усиливался административный контроль над деятельностью учебных заведений. Национальные и религиозные школы становились главным объектом контроля со стороны властей. Главной же задачей властей являлось всестороннее применение русского языка, по поводу чего в отечественной историографии не утихают дискуссии. Одни объясняют эту политику проявлением русского национализма и великодержавности, выраженной враждебным отношением центра к окраинам. Другие также не отрицают факта навязывания русского языка окраинам и религиозным школам, но объясняют это потребностью интеграции центра и периферии. Многие видные государственные деятели негодовали от такой политики правительства, полагая, что инородное население не только вынуждено учить русский язык, но и видеть в этом реальную пользу². Районы массового сосредоточения поволжских немцев,

¹ Памятная книжка Астраханской губернии на 1901 год / издание Астраханского губернского статистического комитета. Год XVIII-й. Астрахань: Паровая губернская типография, 1901. С. 86.

² Гавриленков А.Ф. Политика государственной власти Российской империи в отношении Православной церкви, инославных конфессий и авраамических (нехристианских) вероисповеданий в 1721–1917 гг.: периодизация, сущность и принципы, эволюция: монография

такие как Саратовская губерния, испытывали особенно усиленный контроль со стороны властей.

В Саратове лютеранская воскресная школа была открыта еще в 1786 г., то есть за четыре года до начала строительства кирхи. Так как в Саратове лютеранами являлись, в основном, немцы, преподавание всех предметов проводилось на немецком языке. Еще в 1828 г. Министерство государственного хозяйства предложило преподавать в школе русский язык. Однако предложение было отвергнуто консисторией, в аргументах числились и объективные причины – не было учителей, хорошо знающих русский язык, и довольно противоречивые, о том, что это будет бесполезно и нанесет вред закону Божию. Только в 1852 г. в лютеранских школах начали преподавать русский язык. При активном участии лютеранского пастора церкви Св. Марии в Саратове Карла Коссмана 9 августа 1866 г. было открыто Александро-Мариинское училище. Училище пользовалось безупречной репутацией, «успеваемость школы была отличной, и даже русские из высших слоев общества доверяли ей своих детей»¹.

Обучение в училище было 4-летним. В первых и вторых классах ученикам преподавался Закон Божий, немецкий язык, русский язык, чистописание, естественная история, география, арифметика, рисование. В третьем и четвертом классе к указанным предметам прибавлялось изучение французского языка, греческого языка, алгебры, геометрии, химии. Обучение было платным.

Католическое и лютеранское население Астраханской и Саратовской губерний заметно отличалось от представителей других вероисповеданий по уровню грамотности (диаграмма № 2).

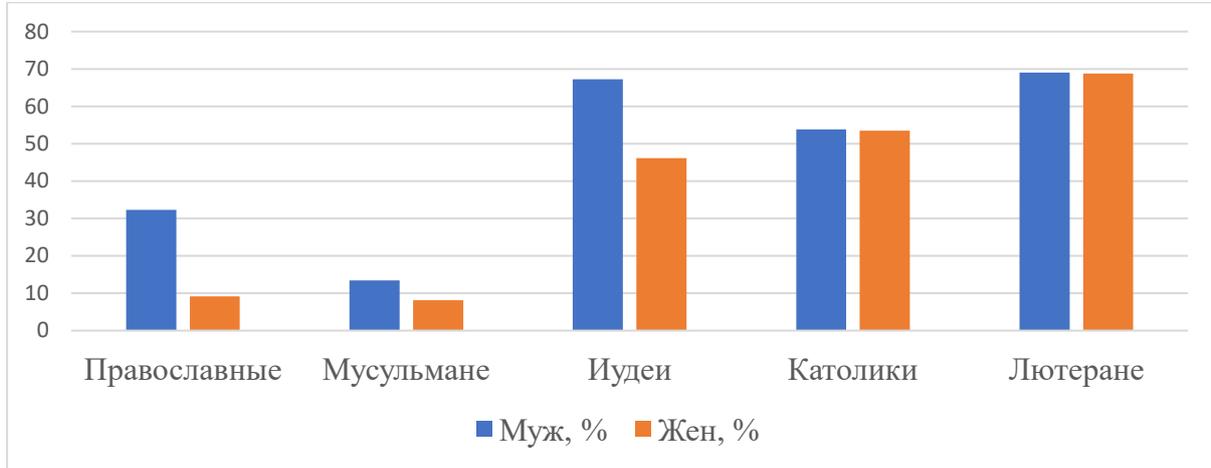

/ М-во образования и науки Российской Федерации, Московский гос. обл. ун-т. М.: Московский гос. обл. ун-т, 2010. С. 50–51.

¹ Auf Berg- und Wiesenseite der Wolga: Monatschrift zur Erbauung und Belehrung für christliche Haus unserer evangelischen Gemeinden / Herausgegeben H. Günther. Talowka // Friedensbote № 12. 1898. P. 384. [На горной и луговой стороне Волги: ежемесячник для назидания и наставления христианским домам наших евангельских общин / Под редакцией Х. Гюнтера. Таловка // Вестник мира. № 12. 1898. С. 384. Перевод авт.].

Диаграмма № 2

Уровень грамотности представителей различных конфессий Нижнего Поволжья в 1897 г.¹

По материалам Первой всеобщей переписи населения 1897 г., более половины католиков и лютеран региона владели грамотой. Несмотря на высокие показатели у представителей обеих конфессий, лютеране заметно опережали по показателям католиков, 69 % против 54 %. Причем женщины и мужчины были грамотны в равной степени, чего не скажешь о православном населении, здесь ситуация была удручающей, грамотными были только 9,2 % женщин православного вероисповедания, у женщин мусульманского вероисповедания показатель был и вовсе 8,1 %.

Подъем уровня грамотности проходил постепенно и не линейно. Подворною переписью 1886 г. отмечено, что Камышинский уезд с 77 % грамотных и учащихся обоего пола немецкой национальности ко всему крестьянскому наличному населению занимал первое место во всей Саратовской губернии².

¹ Составлена по данным: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. II. Астраханская губерния. Тетрадь II. (последняя). СПб.: Центральный статистический комитет, 1904. С. 45; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. XXXVIII. Саратовская губерния. СПб.: Центральный статистический комитет, 1904. С. 82–84.

² Сборник статистических сведений по Саратовской губернии. Т. 11. Камышинский уезд. Саратов: Саратовское губернское земство, 1891. С. 85.

Столь внушительные показатели можно объяснить тем, что наличие школы было непременным атрибутом каждой немецкой колонии с момента появления в России. Только затруднения, связанные с обустройством на новом месте, иногда затягивали постройку школ, сам же процесс обучения не прекращался. Более высокий уровень грамотности лютеранского населения объясняется рядом причин: особенностями их трудовой этики, описанной еще немецким ученым Максом Вебером¹, Реформационным движением, когда пробудившееся религиозное сознание масс потребовало ближайшего знакомства с предметами веры. Колонии немцев отличались по уровню грамотности в зависимости от преобладающего населения той или иной конфессии. Так, по итогам земской переписи Камышинского уезда 1886 г. установлено, что наивысший процент грамотных имела лютеранская Сосновская волость (76 %), а наименьший – Каменская волость (60 %), в которой преобладали католики: «У католиков хотя и существует обязательность обучения, но эта обязательность у них не проводится так строго, как у лютеран»². Более того, лютеране строили сначала школу, а затем церковь. Так, и в Саратове уже в 1786 г. была открыта школа для мальчиков и девочек, и только через четыре года начато строительство церкви. «Школьный дом служил первое время для молитв, а учитель управлял божественной службой»³.

Эта историческая особенность определила основной характер лютеранской народной школы, которым она отличалась и в XIX веке. «У протестантов всякое отдельное поселение, большое или малое, на своей земле или на арендованной,

---

¹ Вебер М. Избранное. Протестантская этика и дух капитализма. 4-е изд. / Сост. Ю.Н. Давыдов. М. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 20.

² Сборник статистических сведений по Саратовской губернии. Т. 11. Камышинский уезд. Саратов: Сборник статистических сведений, 1891. С. 93.

³ Лиценбергер О.А. Евангелическо-лютеранская церковь Св. Марии в г. Саратове (1770–1935). Саратов, 1995. С. 44.

считается прочным, самобытным не прежде, чем в центре его появится школьный дом с учителем»¹.

Чтение книг было одним из самых популярных видов развлечения, так как остальные порицались лютеранской моралью. Большую часть общинных и частных библиотек составляли книги духовного содержания. В то же время знание немецкого языка позволяло колонистам знакомиться с зарубежными научно-популярными и периодическими изданиями. Так, общинниками Сарепты выписывались обзоры научных обществ, газеты и журналы, которыми они обменивались между собой².

Католические селения не отставали от лютеранских в деле открытия библиотек. В селении Каменка Камышинского уезда 16 апреля 1897 г. была открыта библиотека. Для этой цели была отведена свободная комната в районном доме, и из свободных сумм единовременно выделялось 100 руб., а на содержание библиотеки из доходного процентного фонда местной благотворительной кассы ежегодно выделялось 25 руб. Библиотека пользовалась большим спросом у жителей Каменского района, и, по мнению библиотекаря П. Зибенхара, посещаемость была бы еще выше, если бы фонд располагал большим количеством книг на немецком языке. Книгами местной библиотеки пользовались жители и окрестных сел, таких как Шукк (Грязноватка), Фольмер (Копенка), Гусарен (Елшанка), Пфейфер (Гнилушка)³.

Значительны были капиталовложения колонистов в образование. Так, согласно Справочному листку, издаваемому в Саратове: «Немецкие колонии, замечательно богатеют и цивилизуются. Между ними, по обширной торговле и

---

¹ Клаус А.А. Наши колонии. Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. СПб.: Типография В.В. Нусвальта, 1869. С. 377.

² Насонова О.В. Библиотека Сарепты: страницы истории (1774–1927 гг.) / Сарепта в истории России (материалы Международной научной конференции, посвященной 250-летию основания Сарепты), 18 сентября 2015 г. / Историко-этнографический и архитектурный музей-заповедник «Старая Сарепта». Волгоград: ИП Никулина, 2015. С. 146.

³ Bericht über die Lesehalle zu Kamenka für das Jahr 1897 // Klemens. № 34. 20.05.1898. P. 521. [Отчет о читальном зале в Каменке за 1897 г. // Клеменс. № 34. 20.05.1898. С. 521. Перевод авт.].

многолюдству, первое место занимает Екатериненштадт. Но что особенно следует выставить на вид, так это то, что там устраивается реальная гимназия для немцев»¹.

В то же время зачастую уровень образования шульмейстеров был невысоким, сами требования, которые предъявлялись к кандидатам на должность учителя, мало показывали эрудицию и вряд ли могли кого-то отсеять. Будущий шульмейстер должен был уметь читать понятно и с выражением по-немецки; подробно знать библейскую историю и катехизис; владеть хоральным пением (игра на органе приветствовалась); владеть чистописанием и правописанием без грубых ошибок по-немецки; знать четыре правила арифметики до дробей². Духовенство вынуждено было соглашаться на такие низкие требования к шульмейстерам из-за малочисленности пасторов и обширности приходов, удовлетворяясь тем, что учителя приходских школ брали на себя функции кистеров, т.е. являлись помощниками или в случае отлучки заместителями пастора. Обеспеченные колонисты, видя недостатки такого образования, все чаще посылали своих детей в гимназии, русские училища или открывали частные школы.

Исследование уровня образования приходских школ колонистов, проведенное Саратовской конторой иностранных поселенцев в 1862 г., продемонстрировало неутешительные результаты. Все опрошенные были поделены на 2 группы по возрасту: 1 группа (15–30 лет), 2 группа (30–60 лет). У испытуемых проверяли умение читать печатный и рукописный текст, умение писать, знание счета и т.п. В итоге старшая группа показала более высокие результаты почти по всем параметрам, проблему снижения уровня образованности решили устранить путем отстранения духовенства от заведования школами, должности шульмейстера и кистера предполагалось разделить,

---

¹ Немецкие колонии на Волге // Справочный листок. № 215. 18.10.1863. С. 2.

² Клаус А.А. Наши колонии. Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. СПб.: Типография В.В. Нусвальта, 1869. С. 410.

жалование для учителя сделать обязательным и неизменным для общества¹. Таким образом, содержание и духовенства, и шульмейстеров лежало на сельской общине. В 1865 г. сбор на содержание Евангелическо-лютеранского духовенства в Саратовской губернии составил 2 517 руб. 13 коп. (22 883 прихожан от 16 до 60 лет внесли по 11 копеек)². Шульмейстеры могли рассчитывать не только на фиксированную сумму оплаты своего труда, но и на натуральное вознаграждение. Так, с 1 сентября 1887 г. на должность шульмейстера в селе Диттель (Олешня) Камышинского уезда был принят поселянин-собственник села Ягодная Поляна Фридрих Гергердт, которому назначили 50 руб., 150 пудов ржи, 150 пудов пшеницы, 100 пудов льна, четыре тысячи кизяков для топки, шесть фур на дрова, один загон под картофель, огород под капусту, и сверх того по 5 копеек с каждого ученика и ученицы с совершающегося церковного обряда. Также выдали квартиру в пользование, которую он должен был содержать и ремонтировать как собственную³. У помощника шульмейстера жалование было выше и составляло 115 руб., но поселянин Сосновской волости селения Денгоф (Гололобовки) Вильгельм Келлер должен был выполнять возложенные на него обязанности на своем содержании⁴. Невмешательство государства, с одной стороны, и традиционный взгляд населения на образование, с другой, привели к тому, что на протяжении многих десятилетий школа фактически находилась в руках духовенства.

Духовенству было даже даровано право избирать, назначать и увольнять шульмейстеров. Часто по этому поводу между местным обществом и духовенством возникали конфликты. Так, в сентябре 1865 г. священник Мариенбергского (Песчанского) римско-католического прихода Барановский уволил шульмейстера Гундау по причине его некомпетентности и пригласил на

---

¹ Вашкау Н.Э. Школа в немецких колониях Поволжья 1764–1917 гг. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 1998. С. 105.

² ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 644. Л. 6.

³ ГАВО. Ф. 201. Оп. 1. Д. 113. Л. 1–2.

⁴ ГАВО. Ф. 201. Оп. 1. Д. 113. Л. 5.

вакантную должность колониста Петра Гунгера, занимающего такую должность в Саратове десять лет. Колонисты же встали на сторону бывшего шульмейстера, и Барановский был вынужден обращаться за помощью к управляющему Тираспольской римско-католической епархии¹.

Вопреки тому, что представители католического духовенства своими действиями старались во благо своим прихожанам, с местным населением священники не всегда находили общий язык. Например, в октябре 1865 г. настоятель Брабандерской (Казицкой) римско-католической церкви Сильвестрович удалил от должности шульмейстера Баумгертнера по причине незнания тем русского языка, а вместо него определил на должность Петра Мерингера, бывшего воспитанника Тираспольской духовной семинарии. Однако форштегер (староста колонии) Петр Фукс вновь избрал шульмейстера Баумгертнера и заключил с ним договор². Поэтому в 1860-е гг. все чаще стали раздаваться голоса о выводе школ из-под влияния духовенства. Причиной размолвок обычно было стремление колонистов найти в качестве шульмейстера лучший вариант с финансовой точки зрения, а у духовенства подобрать знающего своего дело педагога.

Несмотря на то, что с подчинением лютеранских приходских школ Министерству народного просвещения от 22 ноября 1890 г. для благоустройства их получила обязательную силу инструкция от 4 июня 1875 г. одноклассных и двухклассных сельских училищ, согласно параграфу 56 которой штаты церковных школ должны состоять из преподавателя закона Божия и учителя, обеспеченного годовым содержанием от 330–500 руб., при готовой квартире, далеко не все школы следовали норме закона. Так, 5 июля 1896 г. инспектор народных училищ 3-го района (Камышинский и Царицынский уезды) Саратовской губернии Н.И. Милославский в письме в сельское управление села Олешня Камышинского уезда указал на нарушение закона и противоречие с учебно-воспитательными целями. В

---

¹ ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 645. Л. 1–3.

² ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 645. Л. 7.

Олешинской школе спустя 6 лет после вступления в силу закона преподавание производилось одним кистером-шульмейстером, т.е. законоучителем. Олешинскому сельскому обществу было предписано немедленно позаботиться об обеспечении содержимой им церковной школы правоспособным учителем, на содержание которого должна быть ассигнована особая сумма. Кроме того, Н.И. Милославский потребовал обеспечить школы учебниками и учебными пособиями. Спустя неделю последовал ответ сельского схода. «Мы признаем важным и полезным иметь в церковной школе учителя для преподавания русского языка и уполномочиваем из своей среды поселянина Михаила Кимана и Якоба Рейхерта, коим доверили подыскать и нанять правоспособного учителя»¹. Зачастую поселяне-собственники проявляли скупость по части обеспечения школ учителями. Так, немецкоязычное периодическое издание «Klemens» в 1901 г. приводило статью за авторством одного из учителей католической церковно-приходской школы Саратовской губернии. «Каждая соломинка и крупинка фруктов, каждая копейка денег, которые приходится отдавать учителю, оплакиваются как ненужный расход. В колониях мало людей, которые хорошо относятся к учителю, когда он требует пособия»².

Наличие национальных и конфессиональных школ противоречило политике правительства по распространению «грамотности по-русски». Сохранение родного языка для колонистов являлось важной составляющей самоидентификации в инородной среде. В тоже время постепенная интеграция колоний в общероссийский хозяйственный уклад требовала от них широкого распространения русского языка. Поэтому на заседании попечительного комитета об иностранных колонистах в 1866 г. постановили обязать учителей сельских школ «ежедневно уделять по два часа обучению детей русскому языку»³.

¹ ГАВО. Ф. 201. Оп. 1. Д. 177. Л. 1–3.

² Der Volksschullehrer // Klemens. № 32. 06.05.1901. P. 241. [Учитель народной школы // Клеменс. № 32. 06.05.1901. С. 241. Перевод авт.].

³ Штах Я.Г. Очерки по истории и современной жизни южнорусских колонистов. М.: т-во тип. А.И. Мамонтова, 1916. С. 201.

Для распространения русского языка в среде колонистов еще в 1834 г. было открыто Екатериненштадтское училище, основной задачей которого была подготовка шультмейстеров со знанием русского языка. Обучение в училище происходило за счет специального налога с местных колонистов. Выпускники данного учебного заведения, которое в 1857 г. приобрело статус центрального русского училища, обязывались отработать в должности учителя не менее шести лет, получая во время обучения при этом полный пансион.

В сентябре 1909 г. Московский генеральный суперинтендент Александр Вильгельм Ферманн обратился в Министерство народного просвещения с ходатайством о преобразовании Екатериненштадтского центрального училища в кистерскую семинарию. Директор ДДДИИ С.Д. Бондарь, обеспокоенный сложностью таких преобразований в финансовом плане, в прошении отказал. «Первоначальной целью учреждения училища было распространение среди немцев-колонистов знания государственного языка путем подготовки учителей, знающих русский язык для немецких колонистских школ, а потому преобразование Екатериненштадтского училища в кистерскую семинарию вообще не соответствовало бы установленной законом цели его учреждения»¹. Отказ также был мотивирован тем, что кистерская семинария должна удовлетворять интересы только немцев-лютеран, тогда как до этого момента училище служило для лютеран и католиков. Соответственно и те, и другие несли расходы по содержанию училища. А так как нельзя было рассчитывать на то, чтобы немцы-католики согласились вносить подушный сбор на содержание духовного учебного заведения для немцев-лютеран, то учреждение особой кистерской семинарии для лютеран могло вызвать значительные дополнительные расходы, которые могли бы лечь непосильным бременем на местное лютеранское население.

Усиление административного давления на немецкую школу привело к смене языка преподавания. В 1897 г. вышел закон о введении в школах поселян-

---

¹ ЦГА Москвы. Ф. 1629. Оп. 1. Д. 124. Л. 1–3.

собственников преподавания на русском языке, на немецком языке учащимся преподавали теперь закон Божий и сам родной язык. Это вызывало значительные затруднения, во-первых, сокращалось количество часов, отводимых на изучение закона Божьего, во-вторых, снижалась успеваемость учеников, плохо владеющих русским языком.

Непродуманные шаги правительства и проблемы, связанные со спецификой преподавания, программой обучения, управления учебными заведениями, назначением учителей, вызывали протесты. На страницах католического журнала «Klemens» один из неравнодушных прихожан выражал озабоченность тем, что изучение русского языка шло в ущерб изучению основ католичества: «С тех пор как наши церковные школы перешли в ведение МНП, среди преподавателей русского языка разгорелось благородное рвение: все хотят изучать русский язык, делать это лучше всех; каждый хочет, чтобы его хвалил школьный инспектор. Это рвение заслуживает высокой оценки, однако неудивительно, что теперь к религии и немецкому языку относятся слишком пренебрежительно. Мы должны воспитывать не только граждан для государства, но, прежде всего, полезных членов Церкви»¹.

Трудности, с которыми столкнулись церковно-приходские школы, были с участием восприняты местным сообществом. Поэтому некоторые колонисты с воодушевлением встретили указ 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» и произнесенные в церквях по этому поводу речи истолковали в том смысле, что с наступающего учебного года русский язык будет совершенно вычеркнут из программы местных школ. Кроме того, недостаточное осознание родителями необходимости начального образования для детей, их крайнее равнодушие приводили к неаккуратному посещению учащимися уроков, ввиду несвоевременной явки на занятия в начале учебного года или от преждевременного оставления школы задолго до наступления летних каникул.

---

¹ Ein katholisches Wochenblatt // Klemens. № 49. 05.09.1901. P. 379. [Религиозное образование в наших церковно-приходских школах // Клеменс. № 49. 05.09.1901. С. 379. Перевод авт.].

Министерство народного просвещения по Казанскому учебному округу строго следило за учебным процессом и, ссылаясь на приложение к статье 387: «За всякое отсутствие ученика из школы без законной к тому причины, родители, опекуны, воспитатели, или вообще главы семейства, платят по 5 копеек»¹, стремилось образумить нерадивых учеников и родителей посредством финансовых санкций.

За период с 7 января по 21 февраля 1914 г. учениками Келлерской (Караульно-Буеракской) Первой земской школы было пропущено 142 урока с взысканием штрафа на общую сумму – 4 руб. 26 коп.². Все же стоит отметить, что часто пропуски уроков были вызваны семейными обстоятельствами, и в ходе разбирательств устанавливались уважительные причины столь неутешительной статистики.

Однако большинство колонистов введение в немецких церковных школах преподавания русского языка встретило вполне сочувственно, так как «оно уже давно осознало необходимость знания государственного языка для общения с коренным населением страны и усвоение культуры своей новой родины»³. Кроме того, знание русского языка было обязательно для работы в органах управления и давало льготы по воинской повинности, учрежденной для поселян-собственников в 1874 г. В тоже время были и те, кто любыми способами распространяли слухи о скорой русификации, аргументируя это отменой былых льгот.

Высокий уровень образования среди немецкого населения выражался в том, что они пользовались спросом в качестве частных учителей и воспитателей. Свидетельством являются объявления в газетах. «Немецкое семейство извещает всех тех родителей, которые желают отдать своих детей на полном содержании

---

¹ О правилах для школьного и катехизического учения в колониях Саратовских иностранных поселенцев // Свод законов Российской империи. Т. XII. Ч. 2. Уставы о городском и сельском хозяйстве, о благоустройстве в казенных и казачьих селениях, и о колониях иностранцев в империи. № 387. СПб.: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1857. С. 100.

² ГАВО. Ф. 207. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.

³ О немецких школах // Саратовский листок. № 154. 30.07.1905. С. 3.

мальчиков и девочек для посещения мужской и женской гимназии. Дети могут быть по желанию родителей обучены музыке, немецкому языку, а девочки и рукоделию»¹.

Кроме церковно-приходских школ и частных учителей, дети лютеран посещали светские учебные заведения. В 1900 г. в народных школах Астраханской губернии обучалось 66 учеников² лютеранского вероисповедания.

Относительно мирные и благожелательные отношения между лютеранами и местными властями иногда омрачались конфликтами. Поводом для разногласий становились подозрения местного населения в отсутствии лояльности лютеранского духовенства Российскому государству. Так, по донесению учителя Ягодно-Полянской русской школы Саратовского уезда Маркина рассматривалось дело о благонадежности пастора Шиллинга. Несмотря на факты, установленные во время разбирательства: «Пастор Шиллинг, на просьбу учителя Маркина пропеть с учениками Русский народный гимн “Боже, царя, храни”, не разрешил, сказав, что песни нецерковные здесь петь нельзя»³, наказывать пастора не стали, отметив наличие личного конфликта между фигурантами дела. Замечание при этом Шиллингу было вынесено и предложено пропеть гимн в ближайший праздник, с чем Шиллинг согласился и конфликт был улажен.

Несмотря на то, что во второй половине XIX в. активно строились лютеранские церкви в колониях Саратовской губернии: Буйдаков-Буерак Камышинского уезда⁴, Щербаковка Камышинского уезда⁵, Бауер Камышинского уезда⁶, Рязановка Николаевского уезда⁷, Небендорф Саратовского уезда⁸, в связи с

¹ Объявления // Справочный листок. № 118. 04.06.1864. С. 4.

² Статистический обзор Астраханской губернии за 1900 год / издание Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Паровая губернская типография, 1901. С. 67.

³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 87. Д. 122. Л. 1–6.

⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 551. Л. 9.

⁵ РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 573. Л. 4.

⁶ РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 574. Л. 8.

⁷ РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 575. Л. 2.

⁸ РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 577. Л. 6.

высокими темпами увеличения лютеранского населения наблюдался недостаток молитвенных сооружений.

Еще одной проблемой, с которой приходилось уживаться лютеранам, была малочисленность духовенства. Например, за 1905 г. в селении Денгоф пастор совершал всего 12 служб, в Бауэре – 10, в Францозен, Кратцке, и Меркель – только по 6¹. Однако, благодаря учению лютеранских церквей о всеобщем священстве, отчасти данная проблема нивелировалась. Так, 11 апреля 1865 г. колонист Фриденфельда (Бирючье) Гейнрих Рейн дал показание: «Так как я той веры, по которой каждому обращенному христианину дается право совершать святыя таинства, поэтому я счел своей обязанностью как действительный наследник Христа окрестить дочь мою. На том же основании мы с Якобом Гизике, Георгом Бауэром и Михаэлем Таутфестом в моем доме совершили Святое причастие в двух видах (хлебом и вином)»². Расследование и дача показаний стали необходимы, так как якобы колонист Якоб Гизике во время совершения таинств говорил непочтительно о начальстве, в частности, что оно происходит от дьявола.

Однако проблема иногда выходила за рамки лютеранской общины и становилась достоянием всей губернской общественности. Так, в начале 1905 г. на страницах Саратовского листка обеспокоенные прихожане смогли выразить свое недовольство и озвучили просьбу в рамках статьи в газете. Поводом для выпада в сторону Лютеранской церкви, а именно пастора Камышинского прихода Руста, стало назначение им конфирмации 15–16 летних девочек и мальчиков на вечернее время (с 6 до 7 часов). «Неужели пастор не может сообразить, что такое позднее время для сбора подростков обоего пола во всех отношениях неудобно, что для подростка-девушки такая поздняя прогулка, иногда с окраины города, даже рискованна?»³. В конце обращения прихожане выражали надежду на то, что их просьба будет услышана и удовлетворена. Сам факт, что обращение было

¹ Путевые заметки // Камышинский вестник. № 14. 18.01.1906. С. 2.

² ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 652. Л. 14.

³ Камышин // Саратовский листок. № 24. 05.02.1905. С. 3.

выражено в такой необычной форме, свидетельствует о высокой загруженности пасторов, и попытка привлечь внимание была адресована скорее не к пастору Русту, а к властям, которые могли повлиять на нехватку священнослужителей в лютеранских приходах.

Российские законы данного хронологического периода все еще оставляли право на прозелитизм лишь за православием. Миссионерская деятельность иных религий находилась под запретом уголовным законодательством. Переход же из одной неправославной христианской конфессии в другую не запрещался, но был доступен только с одобрения местных властей, в лице губернатора и не без участия духовенства той конфессии, в которую осуществлялся переход. Так, в 1897 г. уроженке колонии Фольмер (Копенка) Каменской волости Камышинского уезда Катарине-Елизавете Берац лютеранской конфессии для перехода в католичество понадобилось разрешение светской и духовной власти в лице господина декана А. Брунгардта¹. При наличии наказания за соращение православных, если не единственным, то по крайней мере наиболее действенным способом увеличения числа паствы было привлечение прихожан одной инославной конфессии в другую. Правительство ограничивало свое участие в этом вопросе взиманием государственной пошлины за оформление необходимых документов. Так, переходивший из евангелическо-лютеранской в римско-католическую веру колонист Людвиг Бецольд должен был уплатить пошлину на гербовую бумагу, употребленную по настоящему делу: в министерство – листа в 70 копеек, в Коллегии – двух листов по 40 копеек, еще 80 копеек, всего 2 руб. 30 коп. в пользу Саратовского казначейства².

Переходы из лютеранства в католичество и из католичества в лютеранство рассматривались соответствующими священнослужителями без энтузиазма, но и без особого ожесточения. Совершенно по-другому католическим духовенством воспринимался переход в баптизм. В 1871 г. Тираспольская католическая

---

¹ Копенка // Klemens. № 10. 03.12.1897. Р. 156. [Копенка // Клеменс. № 10. 03.12.1897. С. 156. Перевод авт.].

² ГАСО. Ф. 365. Оп. 1. Д. 374. Л. 4.

духовная консистория рассматривала дело об исключении колонистов общества Ландау из своей среды за отступление от веры и привлечение их баптистской сектой для предупреждения дурных последствий, которые могли последовать от распространения этой секты. Несмотря на явное неприятие и неодобрение подобных переходов, Тираспольский епископ оставил без внимания прошение об исключении колонистов из общества и ограничился наложением штрафа на отступников¹.

Таким образом, важнейшую роль в судьбе католического и лютеранского населения, проживающего в Астраханской с Саратовской губерниях, сыграл указ 1871 г. об отмене колонистского статуса. Последующее привлечение поселян-собственников к воинской повинности явилось толчком к началу массовой эмиграции в Америку. Главной же причиной эмиграции являлось ухудшение экономической ситуации, связанное с перенаселенностью колоний и, как следствие, наступившим малоземельем и падением жизненного уровня.

Введение всеобщей воинской повинности еще больше усугубляло и без того сложную экономическую ситуацию. Теперь помимо традиционных подушной подати и поземельного налога, бывшие колонисты должны были осуществлять и платежи за поселян, поступивших на военную службу. Поэтому введение военной обязанности не являлось основной и тем более единственной причиной переселения католиков и лютеран из Нижнего Поволжья в Америку. При этом не все эмигрировавшие смогли реализовать себя в новых условиях, а многие и не ставили такой цели, рассматривая переезд и получение гражданства одной из американских стран как возможность, вернувшись в Россию, не платить налоги и не отбывать воинскую повинность. Католические ксендзы и лютеранские пасторы и вразумлениями, и благословениями пытались склонить своих прихожан к принятию новой для них обязанности.

Следующей крупной реформой в жизни инославного населения явилась передача лютеранских и католических приходских школ в ведение Министерства

---

¹ ГАСО. Ф. 365. Оп. 1. Д. 319. Л. 1.

народного просвещения. Целью и результатом школьного образования бывших колонистов являлось не только обучение грамоте и основам религиозных знаний, но и, в условиях иноэтничного и иноконфессионального окружения, сохранение родного языка, национальных традиций. Государство же стремилось привить поселянам-собственникам навыки общения со своими соседями других национальностей и вероисповеданий и максимально интегрировать их в российское общество.

Восстановление дипломатических отношений с Ватиканом привело к снижению административного контроля за деятельностью церкви и к более активному вовлечению католического населения Нижнего Поволжья в общественную жизнь, в частности, благотворительную деятельность. В свою очередь, Евангелическо-лютеранская церковь Святой Марии в Саратове во время страшного голода неурожайных лет эту интегрированность продемонстрировала организацией помощи нуждающимся независимо от их вероисповедания.

Глава 3. Государственная политика в отношении католиков и лютеран Астраханской и Саратовской губерний в начале XX в.

3.1. Католики и лютеране в условиях Первой русской революции 1905–1907 гг.

В начале XX в. российские власти все чаще приходили к выводу, что население Российской империи должно получить больше свободы в религиозной жизни. Однако в данный период отмечалась и одновременная активизация охранительно-миссионерского дискурса. Катализатором для развертывания в обществе дискуссии о границах веротерпимости стал доклад, представленный 24 сентября 1901 г. на миссионерском съезде орловским предводителем дворянства М.А. Стаховичем. Докладчик обвинял государство во вмешательстве в дела свободы совести и отмечал необходимость отмены преследования «за отпадение от православия и за принятие и исповедание иной веры»¹.

Доклад М.А. Стаховича вызвал бурное обсуждение проблемы в обществе. В защиту действующего российского законодательства выступил основатель и издатель ежемесячного журнала «Миссионерское обозрение» В.М. Скворцов. Скворцов подчеркнул, что в Российской империи законы не ущемляют свободу вероисповедания, а только запрещают пропаганду неправославных конфессий. Да и применение данного закона В.М. Скворцов считал временной мерой, «до достижения совершенства в просвещении народа, как ограничение злой, преступной воли»².

В тоже время в обществе стали раздаваться голоса прогрессивно мыслящих представителей духовенства о недопустимости притеснений в области религии.

---

¹ Доклад М.А. Стаховича, читанный на Орловском миссионерском съезде // Орловский вестник. № 254. 25.09.1901. С. 3.

² Айвазов И.Г. Орловский миссионерский съезд в связи с вопросом о свободе совести: (По поводу докл. М.А. Стаховича, чит. на миссион. съезде в г. Орле 24 сент. 1901 г.). Тамбов: Губ. земск. типогр., 1901. С. 25.

По мнению проповедника и публициста Григория Петрова, автора книг духовно-нравственного содержания, государству следовало отказаться от излишней опеки Православной церкви. «Внешняя полицейско-государственная поддержка, при всей ее благожелательности, — это костыль или палка для здоровых и крепких ног»¹. Схожего мнения придерживалась и российская интеллигенция. Так, журналист Л.М. Клячко (псевдоним Л. Львов) в статье, размещенной в либеральной газете «Русь», писал: «По моему глубокому убеждению, насущные интересы государства и явная польза русского народа требуют только одного: полного равенства всех подданных без различия каст, исповеданий и взглядов»².

Вопрос пересмотра государственно-конфессиональных отношений обсуждался и на высшем правительственном уровне. Во время аудиенции у Николая II 25 августа 1904 г. по случаю назначения на пост главы МВД П.Д. Святополк-Мирский в своем начинании введения в государстве свободы совести получил поддержку императора, отметившего, что «это всегда были его воззрения»³. Ввиду данных обстоятельств быстрыми темпами началась разработка нового законодательства в области религии.

В декабре 1904 г. Николай II подписал указ Правительствующему сенату «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», по которому предлагалось пересмотреть положения «о правах лиц, принадлежащих к инославному исповеданию на предмет стеснения»⁴. После издания указа Московская Евангелическо-лютеранская консистория, собрав данные со всех подведомственных регионов, составила «Краткую записку о нуждах церкви». К наиболее желательным изменениям существующего положения в делах веры лиц лютеранского исповедания, которые могли быть осуществлены только в

¹ Петров Г., свящ. О свободе совести (окончание) // Русское слово. № 54. 25.02.1905. С. 1.

² Львов Л. К трудам Комитета министров // Русь. № 374. 24.12.1904. С. 1.

³ Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М.: Культур. центр «Духов. б-ка», 2002. С. 148.

⁴ О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка: Именной Высочайший указ, данный Сенату от 12 декабря 1904 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. XXIV. Ч. 1. № 25495. СПб.: Государственная типография, 1907. С. 1196–1197.

законодательном порядке, отнесли «предоставление лютеранам, принимающим на воспитание подкинутых им некрещенных младенцев, крестить и воспитывать их по желанию по правилам своей церкви»¹.

События Первой русской революции ускорили процесс изменения российского законодательства в отношении различных вероисповеданий. основополагающим документом в этом направлении стал указ «Об укреплении начал веротерпимости». В связи с тем, что католическое духовенство не всегда верно трактовало содержание Указа 17 апреля 1905 г., особенно в регионах со смешанным православно-католическим населением, в его части воздержания от прозелитизма, Министерство юстиции разослало на места экземпляры свода законов Российской империи и предписало «сохранение свода законов возложить на одного из благонадежнейших чиновников и выдавать экземпляры только под расписки»².

Однако прогрессивная часть российского общества рассматривала указ «Об укреплении начал веротерпимости» в качестве начального этапа новой стадии в конфессиональной политике российского правительства, которая должна была привести к установлению всеобщей свободы совести, поэтому реформирование считало незавершенным. Так, приверженец становления в России свободы совести историк С.П. Мельгунов критиковал правительство за попытки реформирования устройства конфессиональной жизни подданных на основе теории органической связи религии и политики³.

Антиправительственные выступления в Польше в годы Первой русской революции привели к усилению контроля за местным католическим клиром, воспринимаемым властями в качестве носителя националистических и сепаратистских идей. В отличие от западных губерний Российской империи, где политизация католического духовенства рассматривалась как угроза

---

¹ ЦГА Москвы. Ф. 1629. Оп. 1. Д. 92. Л. 6.

² ГАСО. Ф. 365. Оп. 1. Д. 11. Л. 141–142.

³ Мельгунов С.П. Церковь и государство в России: (К вопр. о свободе совести): Сб. ст. Вып. 1. Москва: т-во И.Д. Сытина, 1907. С. 162.

государственной целостности, в Нижнем Поволжье поселяне-собственники не принимали участия в столкновениях с правительственными войсками и поэтому власти решили руководствоваться другим подходом, «в 1906 г. в Саратове в целях содействия культурному и нравственному развитию немцев-католиков и противодействия социалистическим и другим идеям, угрожающим безопасности государства, было основано Общество Святого Климента»¹. Подобное отношение католиков к социалистическим идеям основывалось на официальной позиции Апостольского Престола. Например, в энциклике «*Nostis Et Nobiscum*» [Вы знаете это, и вы с нами. Перевод авт.] от 8 декабря 1849 г. понтифик Пий IX остерегал паству от «порочных теорий социализма и коммунизма, стремящихся побудить людей ниспровергнуть весь порядок человеческих дел»². Незадолго до начала революционных событий в России, в послании «*Graves de Communi Re*» [Об опасностях для общества. Перевод авт.] от 18 января 1901 г. Папа Лев XIII развил идею двух своих предыдущих энциклик «*Quod Apostolici Muneris*» [О нашем апостольском служении. Перевод авт.] от 28 декабря 1878 г. и «*Regum poaatum*» [Об условиях труда. Перевод авт.] от 15 мая 1891 г. об ошибочности набравшего популярность учения: «Насколько велико заблуждение, скрывающееся в высказываниях социализма, и насколько велика опасность его распространения»³.

В годы Первой русской революции был запущен процесс политической самоидентификации не только католических ксендзов, но и священнослужителей лютеранской церкви. Так, лютеранский пастор колонии Денгоф Сосновской волости Камышинского уезда во время своей проповеди выступил активным

¹ Лиценбергер О.А. Римско-католическая Церковь в России: история и правовое положение. Саратов: Поволжская Академия государственной службы, 2001. С. 167.

² Pius IX. *Nostis Et Nobiscum*. Vatican, December 8, 1849. [Пий IX. Вы знаете это, и вы с нами. Ватикан, 8 декабря 1849 г. Перевод авт.] // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.papalencyclicals.net/document-directory> (дата обращения: 12.01.2025).

³ Leo XIII. *Graves de Communi Re*. Vatican, January 18, 1901. [Лев XIII. Об опасностях для общества. Ватикан, 18 января 1901 г. Перевод авт.]. // [Электронный ресурс]: URL: https://www.vatican.va/content/leo-xiii/en/encyclicals/documents/hf_l-xiii_enc_18011901_graves-de-communi-re.html (дата обращения: 23.06.2025).

сторонником правых взглядов, «осудил всех левых депутатов, назвав их атеистами и разбойниками»¹. Другой лютеранский пастор селения Байдек Сосновской волости Камышинского уезда демонстрировал пагубность приверженности левых взглядов: «Социал-демократы идут на разрушение всего существующего; их лозунг: долой правителей, чтобы создать большую социальную общину, в которой должны быть все равны; долой попов ибо народу не нужно религии; долой брак, его место должна занять свободная любовь; долой семью, – ее права и обязанности перейдут к государству будущего; долой Бога, чтобы каждый мог жить по своему желанию»².

Первая русская революция, начавшаяся 9 января 1905 г., ускорила движение страны к конституционному строю. 18 февраля 1905 г. Николай II подписал рескрипт на имя главы МВД А.Г. Булыгина, в котором содержалось намерение императора привлечь к участию в подготовке законов представителей различных слоев, избранных народом. Однако выборы были не всеобщими, не прямыми и не равными. Официальное печатное издание Тираспольской епархии «Klemens» выразило свое мнение по поводу такой несправедливости следующим образом: «Он³ не сделал ничего, что могло бы оживить страну и направить прекрасные силы на трезвый созидательный труд. Вместо того чтобы позволить всему населению избрать своих представителей в Имперскую думу, оно назначило на выборы фиктивных лиц, обладающих определенным состоянием, и в-третьих, в отношении выборов крестьянами был введен запутанный порядок, и избирательное право фактически было предоставлено не крестьянам, а фондам местного собрания»⁴. Нарастание революционных настроений октября 1905 г. привело к тому, что 17 октября император Николай II подписал указ, даровавший

---

¹ Дитц Я.Е. История поволжских немцев-колонистов. М.: Готика, 2000. С. 329.

² Путевые заметки // Камышинский вестник. № 27. 02.02.1906. С. 3.

³ *Примечание:* Манифест об учреждении Государственной думы.

⁴ Aufruf zu den Wahlen in die Reichsduma // Klemens. № 1. 12.10.1905. P. 5. [Призыв к выборам в Государственную думу // Клеменс. № 1. 12.10.1905. С. 5. Перевод авт.].

свободы гражданам России. Расширились избирательные права граждан, Государственная дума из законосовещательной превращалась в законодательную.

Ослабление нажима в области религии, произошедшее в ходе Первой русской революции, получило выражение в разрешении перемены подданными Российской империи своего вероисповедания. На основании Указа 17 апреля 1905 г. в утвержденном императором 25 июня 1905 г. Положении Комитета министров были изложены «Правила для перехода лиц, числящихся православными, в иные христианские исповедания и вероучения». Отныне единственным основанием для выхода из православия и присоединения к любой другой христианской вере объявлялось личное заявление верующего без получения предварительного разрешения на этот шаг со стороны духовной или гражданской власти. Для подобных обращений был разработан специальный бланк-анкета, который заполнялся лично каждым желающим перейти в другую христианскую конфессию и где содержались его полные биографические данные. Губернатор должен был в течение месяца уведомить местное как православное, так и инославное начальство о поступившем заявлении. После получения соискателем отметки о прохождении официального наставления со стороны православного духовенства (носившем в те годы формальный характер) заявление вновь подавалось на рассмотрение губернатору. Со своей же стороны, он поручал чиновникам своего аппарата проверить информацию, сообщенную в анкете. В случае если она была неправдивой или же отсутствовало письменное согласие пресвитера общины соответствующей конфессии о немедленном принятии нового члена в их ряды, просьба отклонялась. При благополучном разрешении дела о совершившемся присоединении инославное начальство должно было письменно уведомить губернатора, который, в свою очередь, должен довести этот факт до сведения православного духовенства. Так, по резолюциям Астраханского губернатора И.Н. Соколовского от 2 и 17 ноября 1911 г. разрешено Марии

Нестеровне Долл и Надежде Васильевне Связкиной перейти из православия в римско-католическое вероисповедание¹.

Кроме издания общих законов, регулирующих все религиозные меньшинства, также издавались законы, непосредственно касающиеся лютеран. Манифест 17 октября 1905 г. провозглашал основные права и свободы, в числе которых была и свобода союзов, благодаря чему лютеранам удалось открыть внушительное число различных общественных организаций. В высшей степени активно этот процесс шел в Саратовской губернии, где находилось множество немецких колоний. Открывались школы, библиотеки, проводились лекции, спектакли, выставки с целью защиты юношей от вредных для их нравственности влияний. Немецкая община Саратова, а именно ее инициативная часть, с воодушевлением встретила возможность развития национальной самобытности, родного языка, веры. Посредством «Deutsche Volkszeitung» [Немецкой народной газеты. Перевод авт.] 19 августа 1907 г. было объявлено об открытии «Саратовского немецкого общества» под председательством Леона Карловича Бухольца. «Народы пробудились, апатия и безразличие должны были исчезнуть, ожил интерес к национальному своеобразию»².

Более того, Саратовский лютеранский приход получил предложение от генерал-суперинтендента Александра Вильгельма Ферманна образовать в городе «Союз 17 октября»³. Месяцем ранее в Санкт-Петербурге была зарегистрирована «Немецкая группа Союза 17 октября», целью которой, согласно уставу организации, было «сближение и объединение тех из русских подданных, считающих родным языком немецкий, которые желают, чтобы конституционные начала были проведены в жизнь мирным путем, с соблюдением немецких культурных интересов»⁴. Одной из первых инициатив «Немецкой группы»

---

¹ ГААО. Ф. 797. Оп. 1. Д. 54. Л. 7.

² Deutscher Verein in Saratow // Deutsche Volkszeitung. № 87. 19.08.1907. Р. 1–2. [Немецкий клуб в Саратове // Немецкая народная газета. № 87. 19.08.1907. С. 1–2. Перевод авт.].

³ В лютеранском обществе // Саратовский листок. № 15. 20.01.1906. С. 2.

⁴ Устав общества под названием «Немецкая Группа Союза 17 Октября». Санкт-Петербург: Н. Уль, 1906. С. 1.

являлось устройство на частные и общественные средства городами, волостями, общинами низших и средних учебных заведений с преподаванием на немецком языке. В ответ на данную инициативу Центральный комитет «Союза 17 октября» за подписью лидера партии Ю.Н. Милютин подтвердил соответствие предложений основным принципам деятельности партии¹. Требования введения демократических начал в немецких школах обсуждались в 1906 г. и в Саратове. «Общее собрание поволжских педагогов-немцев назначено на 26 сентября в 10 часов утра в помещении лютеранской школы»². Уже через 2 месяца министру внутренних дел П.А. Столыпину передали прошение пасторов евангелических церквей, в которой предлагалось «ввести преподавание русского языка не ранее 3-го класса, увеличить длительность ежегодного обучения, ограничить количество учащихся (не более 60) на одного учителя»³.

Широкие возможности для всестороннего развития лютеранства открывались после Первой русской революции благодаря демократическим преобразованиям в российском религиозном законодательстве. Но это благополучное время вскоре закончилось. Положение лютеран сильно осложнялось из-за Первой мировой войны, вызвавшей рост антинемецких настроений в обществе. Трансформация российской конфессиональной политики в сторону уравнивания всех конфессий не была завершена.

Таким образом, одной из предпосылок реформирования конфессиональной политики в начале XX в. и издания указа «Об укреплении начал веротерпимости» являлось требование расширения религиозной свободы в обществе. Законодательная база по отношению к католикам и лютеранам в начале XX века претерпела ряд изменений, повлиявших на положение общин данных конфессий. После выхода указа «Об укреплении начал веротерпимости» католики и лютеране, числившиеся в православии, но по факту являвшиеся приверженцами

---

¹ ГА РФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 17. Л. 8–9.

² Саратовский листок. № 199. 19.09.1906. С. 3.

³ Дённингхаус В. Революция, реформа и война: немцы Поволжья в период заката Российской империи. Саратов: Наука, 2008. С. 56.

инославных конфессий, смогли спокойно перейти в ряды своих единоверцев. В условиях общественно-политического кризиса властям пришлось серьезно умерить давление в отношении религиозных меньшинств.

События Первой русской революции явились катализатором вовлечения католического и лютеранского духовенства Астраханской и Саратовской губерний в политическую жизнь ввиду чувства ответственности церкви за судьбы паствы. Священники стали обращаться к прихожанам с высказыванием своих политических взглядов.

3.2. Влияние Первой мировой войны на положение католического и лютеранского населения

Первая мировая война вызвала нарастание антинемецких настроений в правительственных кругах, а затем и в обществе. Германофобия появилась не вдруг, а имела глубокие корни. Серьезные внешнеполитические противоречия России и Германии привели к беспокойствам властных структур еще в начале XX века. К тому же, к началу XX столетия назрели противоречия и в экономической сфере, причиной чего стали русско-германские соглашения, навязанные Российской империи в ходе Русско-японской войны.

Достаточно активная, а иногда и агрессивная кампания, развернувшаяся в российской центральной и региональной прессе, способствовала росту враждебности. Первая волна затронула прежде всего германских подданных, пребывавших в начале войны на территории Российской империи. Телеграммой командующего Отдельного корпуса жандармов В.Ф. Джунковского на имя начальника Астраханского губернского жандармского управления полковника П.С. Федоренко от 28 июля 1914 г. все германские и австро-венгерские подданные, числящиеся на военной службе, были объявлены военнопленными и подлежали аресту. Уже в ночь на 30 июля 1914 г. полиция в Саратове произвела много арестов германских и австрийских подданных. В числе арестованных

оказался и бывший германский вице-консул Эрт, сын доктора Бонвеч, владельцы магазина огнестрельных орудий брата Онезорге, зубной врач Кейлинг, владелец дрожжевого завода Зейферт, сын старейшего из саратовских кондитеров Бамберг и другие лица, всего около ста человек. Временно их разместили в тюрьме № 3, а далее этапным порядком отправили в разные отдаленные заволжские губернии¹. Для других германских подданных уже Саратов стал местом высылки. 1 августа в Саратов прибыло 25 германских подданных, высланных административно из Виндавы и Либавы². Всего, только в 1915 г. в Саратовскую губернию прибыло 1 362 германских подданных³.

Запасные чины также признавались военнопленными и подлежали высылке из местностей Европейской России и Кавказа⁴. При этом те германские подданные, в ком местные власти были уверены, освобождались от ареста, но находились «под наблюдением полиции с подпиской о невыезде»⁵. Данное распоряжение привело к возрастанию загруженности полицейских всех губерний России и вызвало дополнительные расходы из бюджета. Так, в ноябре 1915 г. Царевскому уездному полицейскому управлению было перечислено 228 р. 66 коп. для выдачи на содержание чинам полиции, наблюдавшим за военнообязанными⁶.

Серия публикаций периодической печати Нижнего Поволжья посвящалась проблеме «немецкого засилья» в России. Одной из первых данную тему стала освещать церковная пресса. Германия в публикациях представала в виде давнего хитроумного и злонамеренного врага Российской империи. «Учеными историками установлено, что хлебное вино (водка) изобретено было в Германии и под именем “Branndweiu” в XIV в. проникло в Польшу, откуда в XV в. стало известным и Руси. Таким образом, побеждая пьянство, мы изгоняем зло, которым,

¹ Аресты немцев // Царицынский вестник. № 4657. 05.08.1914. С. 3.

² Высланные в Саратов германцы // Царицынский вестник. № 4654. 01.08.1914. С. 2.

³ Семьянинов В.П. Саратовская губерния в годы Первой мировой войны // Социально-экономическое развитие Поволжья в XIX – начале XX века: Сб. статей. Куйбышев: Б.м., 1986. С. 135.

⁴ ГААО. Ф. 286. Оп. 1. Д. 833. Л. 20.

⁵ ГА РФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 233. Л. 1.

⁶ ГАВО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.

может быть, не без умысла наградила славянские племена Германия, чтобы подтачивать силы и здоровье богатырского соседнего народа»¹.

В статье «Как мы избавимся от немцев-колонистов» автор предлагал сделать некоторые послабления в деле остракизма для православных от рождения или принявших православие до 1 января 1914 г. поселян-собственников: «Немец, принявший православие, в сущности уже не настоящий немец»². Данная выдержка приведена для того, чтобы показать, насколько были неразрывно связаны представления об этнической принадлежности и религиозные предпочтения. Подобный настрой набирал весьма враждебные обороты, открыто переходившие границы закона. Одним из примеров является разгром германского посольства в Петербурге 4 августа 1914 г. и массовые погромы немцев в Москве 26–29 мая 1915 г.³. Для противодействия чрезмерному влиянию немцев в России создавались общественные организации, например «Общество 1914 года». Устав общества провозглашал «просвещение и освобождение русской духовной и общественной жизни, промышленности и торговли от немецкого засилья»⁴.

Наравне с антинемецкими публикациями появлялись и статьи, носившие антилютеранский характер. «Та жестокость, которой немец поразил всех, это результат его немецкой религии, в которой нет ничего христианского, сухой и холодной, не знающей любви к ближнему, не соблюдающей ни одной заповеди»⁵.

В Астраханской и Саратовской губерниях таких погромных действий, как в конце мая 1915 г. в Москве, в отношении немцев не отмечалось. Тем не менее, они также испытывали на себе последствия начавшейся войны. Так, в августе 1914 г. в Саратове германский подданный Вольфрок, допустивший в ресторане

¹ Водка – немецкая выдумка // Саратовские епархиальные ведомости. № 23. 01.12.1914. С. 60.

² Как мы избавимся от немцев-колонистов // Сельский вестник. № 94. 01.05.1916. С. 5.

³ Гатагова Л.С. Хроника бесчинств: немецкие погромы в Москве в 1915 году // Родина. 2002. № 10. С. 19.

⁴ Устав «Общества 1914 года» (борьбы с немецким засильем). Пг.: Типолитография Н.И. Евстифьева, 1915. С. 1.

⁵ Саратовские губернские ведомости. № 32. 1915. С. 3.

«Россия» восхваление Вильгельма и критику русской армии, был подвергнут трехмесячному аресту постановлением губернатора¹.

В конце декабря 1915 г. Астраханское губернское жандармское управление получило секретный циркуляр из Департамента полиции в отношении работы Красного Креста на территории губернии. Несмотря на то, что миссия данной нейтральной гуманитарной организации отправилась в те лагеря военнопленных, где последние испытывали наибольшую нужду в санитарной, медицинской и хирургической помощи с разрешения Военного министерства, за ее деятельностью необходимо было установить тайное наблюдение. Дело в том, что прибывшая в Россию американская организация Красного Креста в составе трех отрядов с девятью врачами и тридцатью восьмью сиделками под руководством докторов Снодди, Крукстона и Ньюмана для оказания благотворительной и медицинской помощи военнопленным германцам и австрийцам имела в своем составе несколько сиделок не американского, а германского происхождения, кроме того упомянутые американские отряды были сформированы не в Америке, а в Берлине, и финансировались германским правительством².

В преддверии Первой мировой войны Австро-Венгрия стремилась пропагандировать идеи национального сепаратизма на территории будущего противника. «Среди польского населения в Австрии, в частности, в Галиции производится в память пятидесятилетнего польского восстания денежный сбор на национальные нужды и военные цели поляков, направленные против России»³. Хотя на территории Западного края Российской империи и не были обнаружены выпущенные по случаю юбилея польского восстания особые знаки в виде почтовых марок, служащие удостоверением сделанного взноса, надзор за подозрительными лицами предписывалось усилить.

Агитация с целью распространения антироссийских настроений проводилась и в церкви. В марте 1914 г. озабоченность этим фактом выражал

---

¹ Административные взыскания // Царицынский вестник. № 4654. 01.08.1914. С. 2.

² ГААО. Ф. 286. Оп. 1. Д. 978. Л. 1.

³ ГА РФ. Ф. 217. Оп. 1. Д. 298. Л. 11.

глава Тираспольской католической епархии Иосиф Кесслер: «Неоднократно случается, что в римско-католических городских приходах вверенной мне епархии приезжие из других епархий священники выступают с амвона с проповедями или религиозными наставлениями. По имеющимся у меня сведениям некоторые проповеди, произнесенные такими священниками, имели политическую окраску и тенденцию, заслуживающую осуждения всякого истинного и разумного пастыря и служителя алтаря»¹. С целью предупреждения подобных ситуаций в будущем епископ сообщил подчиненным ему деканам, настоятелям, кураторам и администраторам приходов, что виновными будут признаны сами настоятели, приглашающие или допускающие чужих священнослужителей к проповеди.

Многие священнослужители были обвинены в антироссийских настроениях. Обвинения зачастую строились на донесениях враждебно настроенного местного населения. Иногда, под подозрение попадали даже те священнослужители, содержание проповедей которых не было установлено. Так, «в 1915 г. из Астраханской губернии был выслан католический священник А. Деш за проведение богослужения на немецком языке»².

Католики и лютеране, проживавшие в Астраханской и Саратовской губерниях в годы войны, показали полное единение с российским народом. В первую очередь, это выразалось в мобилизации западных христиан на военную службу. Многие представители лютеранского вероисповедания служили на момент начала военных действий в российской армии и были призваны в ее ряды уже в ходе войны. Более того, обстоятельства войны требовали иногда досрочного призыва. Так, в списке призываемых к отбытию воинской повинности

---

¹ ГААО. Ф. 797. Оп. 1. Д. 54. Л. 135.

² Лиценбергер О.А. Римско-католическая и Евангелическо-лютеранская церкви в России: сравнительный анализ взаимоотношений с государством и обществом (XVIII – начало XX вв.): дисс. ... докт. ист. наук. Саратов, 2005. С. 231.

по досрочному призыву 1916 г. по обществу с. Олешино Камышинского уезда Саратовской губернии значился 67 человек, 34 из которых лютеране и 1 баптист¹.

Части с солдатами-немцами применялись, по объективным причинам, на Кавказском фронте против турецкой армии (например, в составе 1-го Кавказского армейского корпуса). Несмотря на то, что большая часть из них была задействована при проведении инженерных работ, военнослужащие из числа католиков и лютеран несли потери в боях. Так, в лазарете, учрежденном на средства прихожан Саратовской Евангелическо-лютеранской церкви, с момента его открытия в конце августа 1914 г. по 1 сентября 1915 г. проходили лечение 404 раненых и больных. Лазарет принимал не только лютеран. Больные по вероисповеданию распределялись следующим образом: православных – 331, магометан – 28, католиков – 20, лютеран – 10, иудеев – 14, баптистов – 1².

Фактов повального предательства и перехода католиков и лютеран – солдат русской армии к «братьям по вере» – солдатам германской армии не было. Более того, «по уездам Саратовской губернии процент семей, лишенных пайка за измену их представителей Родине, гораздо выше среди русских, чем среди колонистов»³. Нельзя исключать отдельные случаи, но они не были обыденностью. Так, вскоре после начала войны Астраханское жандармское управление рассматривало дело, по которому 28 июля 1914 г. небольшая команда Корсунского полка прибыла на пароходе в г. Черный Яр за лошадьми. Один из команды, оказавшийся Кондратием Фуксом, будучи пьяным, громко говорил: «Зачем меня берут на войну, разве я буду драться со своими братьями-немцами, я первую пулю пушу своим русским»⁴. За эти слова Фукс чуть не был тут же убит казаками. Впоследствии Фукс был передан военному суду.

¹ ГАВО. Ф. 201. Оп. 1. Д. 304. Л. 11–23.

² ГАСО. Ф. 852. Оп. 1. Д. 235. Л. 6–7.

³ Юстус К.Ф. Приволжские колонисты. (По поводу закона 2 февраля 1915 г.). Саратов: Электро-Типо-Литография Б.Л. Рабинович, 1917. С. 25.

⁴ ГААО. Ф. 286. Оп. 1. Д. 833. Л. 88.

Как и все подданные России, российские лютеране мужественно бились против общего врага. Старания германской пропаганды, уже в Первую мировую войну стоявшей на высоком уровне, расколоть лютеранские части, в том числе и на Кавказском фронте, результатов не принесли.

Сразу после начала войны в католических костелах стали молиться о победе русского войска. «27 июля, т.е. в воскресенье в 11 часов дня по окончании ранней литургии будет отслужен молебен о даровании победы русскому воинству. Приглашаются прихожане»¹. Многочисленные газетные статьи свидетельствуют о систематическом характере таких служб. «19 июля в польском костеле после литургии ксендзом Блякевичем отслужен торжественный молебен о даровании победы русскому и союзным войскам. За Богослужением присутствовало много молящихся. Такие молебствия будут совершаться каждое воскресенье»². Собрания всегда были многочисленными и имели целью выражение своего полного расположения к российским властям. «Костел был переполнен молящимися, преимущественно мобилизованными. В заключение было провозглашено многолетие Царствующему дому»³.

Молениями дело не ограничивалось. Несмотря на тяжелое материальное положение, местные католики оказывали финансовую поддержку войскам. Так, сразу после начала войны в костелах Астрахани, Саратова, и других городов Нижнего Поволжья состоялся тарелочный сбор пожертвований на помощь раненым и больным воинам. «Ввиду богоугодия этого пожертвования каждый из священнослужителей должен внушить прихожанам с амвона пожертвовать на означенную цель посильную лепту»⁴, – подчеркивал Тираспольский епископ И. Кесслер.

В благотворительной деятельности участвовали не только русско-подданные католики, но и подданные других, в том числе вражеских государств.

---

¹ В римско-католическом костеле // Царицынский вестник. № 4650. 27.07.1914. С. 3.

² Торжественное молебствие // Царицынский вестник. № 4936. 22.07.1915. С. 3.

³ В католическом костеле // Царицынский вестник. № 4652. 30.07.1914. С. 3.

⁴ ГААО. Ф. 797. Оп. 1. Д. 54. Л. 145.

«В католическом костеле был отслужен молебен. У входа в костел стояли сборщики и сборщицы – поляки. Все охотно опускали свои жертвы. Жертвовали и австрийские поляки, бывшие здесь»¹. Помимо материальной помощи на нужды фронта в Нижнем Поволжье также проводились сборы католического населения в помощь пострадавшим соотечественникам. В августе 1914 г. на базе римско-католических благотворительных обществ появляются Польские комитеты помощи жертвам войны, которые координировались из Петрограда.

В уездном городе Царицын Саратовской губернии этот процесс хоть и позднее, чем в некоторых других российских городах, но был осуществлен. «Так как огромное большинство прихожан состоит из поляков, то к ним я главным образом и обращаюсь. Когда узнаешь из газет, что самые глухие и отдаленные места необъятной России чрезвычайно горячо и скоро отозвались на нужду и горе населения Польши, а Царицын пока ничего не делает, то стыдно и за себя, и за остальных членов местного польского общества. Лица, наиболее интеллигентные и состоятельные, должны воспользоваться этим собранием и загладить свой, быть может, невольный грех за свою бездеятельность»².

Благотворительная деятельность католических общин Нижнего Поволжья заслуживает повышенного внимания еще и потому, что католическая церковь находилась в затруднительном финансовом состоянии. Увеличение численности прихожан за счет беженцев, снижение уровня жизни и самих местных жителей католического вероисповедания никак не могло содействовать поддержанию материального достатка церкви. В то же время расходы церкви в связи с ростом инфляции лишь продолжали расти. Для того чтобы хоть как-то улучшить ситуацию с бюджетом общины, были урезаны некоторые расходные статьи, в том числе жалование католического духовенства, чему последние было явно не рады и ввиду этого возникали длительные прения с руководством епархии. Так, в 1914 г. глава Тираспольской римско-католической епархии И. Кесслер снизил

¹ У костела // Астраханский вестник. № 21. 27.01.1915. С. 3.

² Открытое письмо к прихожанам царицынской римско-католической церкви // Царицынский вестник. № 4802. 07.02.1915. С. 3.

жалование настоятелю Астраханского прихода до 1 200 руб. в год, объяснив данную меру тем, что его прежнее довольствование в 1 800 руб. для церкви обременительно, да и «при готовой квартире с отоплением и прочими выгодами весьма высокое»¹. Казалось бы, ситуация проста, епархиальный епископ дал предписание, мотивируя его финансовыми трудностями, но на деле распоряжение епископа И. Кесслера было проигнорировано, о чем епископу стало известно только спустя год. «Из присланного отчета за 1914 г., видно, что церковный совет не руководствуется моими распоряжениями. Такое действие незаконно, и я подтверждаю свое первое распоряжение. Не прихожане управляют церковным имуществом, а епархиальное начальство»². После того, как И. Кесслер узнал о самоуправстве Астраханского прихода, он прошелся и по остальным статьям расходов, которые вызывали вопросы. Органиста, получающего больше тысячи руб., и закристиана с содержанием свыше 500 руб. в год совету было предписано заменить на кого-то, готового на более выгодные условия для церкви. Даже содержание кладбища в размере 686 руб. 61 коп. в годы Первой мировой войны стало непосильной ношей для бюджета римско-католической церкви.

Лютеране Нижнего Поволжья в ответ на разразившуюся войну продемонстрировали преданность Российскому государству. Свидетельством тому могут явиться проводившиеся на постоянной основе богослужения. «Am 30. Juli in der hiesigen ev. luth. Kirche ein Bittgottesdienst um Sieg der russischen Waffen statt»³ [30 июля в местной Евангелическо-лютеранской церкви состоялся молебен о победе российского оружия. Перевод авт.]. После богослужения был осуществлен тарелочный сбор в пользу раненых и больных воинов⁴.

Весомый вклад лютеране Нижнего Поволжья внесли в кампанию помощи фронту, которая проходила во всех регионах страны. Прихожане Евангелическо-

¹ ГААО. Ф. 797. Оп. 1. Д. 54. Л. 127.

² ГААО. Ф. 797. Оп. 1. Д. 55. Л. 2.

³ Saratow // Volks-Zeitung. № 60. 31.07.1914. P. 3. [Саратов // Народная газета. № 60. 31.07.1914. С. 3. Перевод авт.].

⁴ ГАСО. Ф. 852. Оп. 1. Д. 235. Л. 1а.

лютеранской церкви Саратова от 14 августа 1914 г. единогласно постановили организовать комитет для оказания помощи лицам, пострадавшим во время войны. Председателем комитета был избран пастор В.Р. Ланкау, в качестве его заместителей – крупнейший мукомол Поволжья Ф.П. Шмидт и глава торгового дома «Э.И. Борель», купец 1 гильдии Э.Э. Борель. Средствами прихожан Саратовской Евангелическо-лютеранской церкви был оборудован лазарет для пострадавших воинов без различия вероисповедания. В лазарете предусматривалось 2 отделения в зависимости от степени тяжести: для тяжелых больных, требующих специального ухода и хирургической помощи. Лазарет был открыт 25 августа торжественными молебном, сначала по православному, а затем и по лютеранскому обряду¹. Всего, в военные годы, «на средства поволжских немцев содержалось семь лазаретов»².

Повсеместно возникали благотворительные организации. «Представители русско-подданных землевладельцев-немцев постановили перевести в распоряжение Императрицы Александры Федоровны 10 000 р., в распоряжение Великой княгини Ксении Александровны 5 000 р. для оказания помощи раненым»³.

О раненых воинах продолжали заботиться и после их выписки. Для сбора пожертвований деньгами и вещами 29 января 1915 г. Камышинский комитет Российского общества Красного Креста организовал проведение благотворительной лотереи. Деньги, вырученные от лотереи, в размере 1 руб. (продано 5 билетов по 20 копеек) и пожертвованные деньги (4 руб. 72 коп.) потратили на изготовление белья, одежды и обуви воинам, выходящим из лазарета г. Камышин, а также для оказания помощи семьям, призванным в войска⁴. Такая реакция католического и лютеранского населения объяснялась не

---

¹ ГАСО. Ф. 852. Оп. 1. Д. 235. Л. 2–3.

² Дённингхаус В. Революция, реформа и война: немцы Поволжья в период заката Российской империи. Саратов: Наука, 2008. С. 175.

³ Патриотизм русско-подданных немцев // Волго-Донская копейка. № 197. 13.08.1914. С. 3.

⁴ ГАВО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.

только страхом быть заподозренными в связях с врагом, но и милосердием прихожан данных конфессий.

Евангелическо-лютеранская церковь, в числе приверженцев которой было немало германских подданных и российских немцев, воспринималась не только обществом, но и официальной властью как неблагонадежное общество, стремящееся помочь своим соотечественникам. «Бессовестная ненависть к нам расцвела такими пышными цветами, что даже в храме, с освященного места, я слышал, как один фанатик кричал: “Немцы в России – предатели. Они предали свое Отечество. Целый народ предателей!”»¹ – вспоминал в июне 1917 г. священник лютеранской церкви, издатель «Саратовской немецкой народной газеты» Йоханнес Шлейнинг.

Несмотря на то, что в их число входили и представители иных национальностей, отношение правительства ко всем лютеранам значительно испортилось с началом военного конфликта с Германией. Из-за опасений помощи противникам России в войне 16 октября 1914 г. ДДДИИ выпустил циркуляр о воспрещении производства в лютеранских приходах сборов на потребности заграничных миссий². При этом право сбора на содержание местного духовенства за евангелическо-лютеранской церковью было оставлено. В 1916 г. по селению Пограничное Олешинской волости Камышинского уезда насчитывался 891 работник Евангелического-лютеранского и римско-католического исповедания от 16 до 60-ти летнего возраста, подлежащий обложению сборов³.

Получение духовной литературы лютеранскими общинами стало проблематичным в годы войны. В целом с изданием немецкоязычной литературы дело обстояло сложно, даже уже изданные книги не подлежали распространению.

---

¹ Johannes Schleuning über die Lage und die Aufgaben der Deutschen an der Wolga // Saratower Deutsche Volkszeitung. № 1. 01.06.1917. P. 1–2. [Йоханнес Шлейнинг о положении и задачах немцев на Волге // Саратовская немецкая народная газета. № 1. 01.06.1917 г. С. 1–2. Перевод авт.].

² РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1051. Л. 11.

³ ГАВО. Ф. 206. Оп. 1. Д. 23. Л. 24.

Учебники немецкого языка были изъяты из средних школ¹. Не только письмо, но и устное употребление немецкого языка было незаконным. С целью поимки всех нарушителей Министерство народного просвещения сделало запрос о языке проведения занятий в школах поволжских немцев. «Школы, получающие ссуду от земств, игнорировали преподавание русского языка. Нет никаких следов преподавания русской истории и русской литературы»².

В средних учебных заведениях начались замены учителей немецкой национальности русскими. В сарептском 4-х классном частном училище были уволены учителя Фладунг и Гертруда Лангерфельд, первый за отсутствие образования, вторая за плохое знание русского языка³. На основании использования немецкого языка делался вывод о нелояльности российских лютеран.

Хотя в целом для Нижнего Поволжья не был характерен разгул «шпиономании», полиция всегда была наготове и пресекала любые действия, которые в перспективе могли представлять угрозу безопасности Российской империи. В 1915 г. по случаю 150-летнего юбилея приглашения колонистов в Россию готовился к выпуску альманах, описывающий историю немецких поселений. Для выпуска альманаха в Россию прибыли доверенные лица от книжного издательства «Т-во Брендель, Пауль и К^о в Бремене», германский подданный Эрнст Густав Цейссиг и австрийский подданный Здзислав Адамович Сточкиевич. За прибывшими иностранцами незамедлительно установили негласное наблюдение. Ввиду того, что работа вышеупомянутых агентов могла быть направлена и к собиранию сведений военного характера, Царицынский уездный исправник получил секретное предписание узнать подробности о готовящемся юбилее. Несмотря на то, что разбирательство не выявило ничего

---

¹ Изъятие учебников немецкого языка // Царицынский вестник. № 4670. 22.08.1914. С. 3.

² Ревизия немецких школ // Царицынский вестник. № 4780. 10.01.1915. С. 3.

³ Тарунина Н.В. Положение российских немцев в годы Первой мировой войны (на примере Царицынского уезда) // Вопросы краеведения. Вып. 11. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2008. С. 201.

подозрительного, местные власти праздник решили отменить¹. По случаю данного юбилея, поселяне-собственники запустили сбор средств на открытие лазарета «Имени немецкого населения Саратовской и Самарской губерний»².

Правоохранительные органы предосудительное отношение выражали в бдительном контроле. «Департамент духовных дел распорядился истребовать и доставить протоколы заседаний правлений всех существующих в губернии евангелических Обществ юношей и молодых людей, вместе с каталогами библиотек этих обществ и подробными программами всех бывших в течение последнего года собраний, собеседований, увеселительных вечеров и пр. и на каком языке ведется делопроизводство»³.

Рассмотрение дел о политической благонадежности колонистов Нижнего Поволжья продолжалось до конца войны. Так, уже в январе 1917 г. на основании донесения пристава 4-го стана Царевского уезда Астраханской губернии, поселяне Саратовской губернии Камышинского уезда Александр Альтергот, Федор Райсих и дезертир германских войск Филипп Шталемункес обвинялись в том, что «в разговоре с другими лицами с язвительной насмешкой и оскорбительно отзывались о Русской армии и вообще русских, называя их дураками и никуда не годными и при этом восхваляли императора Вильгельма и германских солдат»⁴. Поражения на фронте и хозяйственная разруха в тылу способствовали все большему усилению злобы и негодования в отношении «внутреннего немца» в годы Первой мировой войны.

С началом Первой мировой войны закончился либеральный этап конфессиональной политики государства. Дискриминация и беспрестанный контроль правоохранительных органов определили новую политику в отношении лютеран. Причиной явилась национальность большей части приверженцев данной

¹ ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 371. Л. 39.

² Морозова Н.В., Назарова Т.П. Помощь немецких колонистов фронту в годы Первой мировой войны (по материалам Государственного архива Волгоградской области) // Вестник ВолГУ. Серия 9. Вып. 12. 2014. С. 32.

³ Запрос о евангелических обществах // Царицынский вестник. № 4714. 18.10.1914. С. 3.

⁴ ГААО. Ф. 286. Оп. 3. Д. 387. Л. 1.

конфессии. При этом в Нижнем Поволжье, в отличие от прифронтовой полосы, местные власти не мешали гуманитарной деятельности лютеранских общин среди беженцев и военнопленных.

Особого внимания заслуживает проблема организации религиозной жизни вынужденными переселенцами Первой мировой войны из числа католиков и лютеран. В связи с экстремальностью ситуации люди как никогда нуждались в дополнительной моральной поддержке, которую традиционно могла предложить церковь. В отличие от других внутренних регионов России, лютеранская и католическая общины Нижнего Поволжья могли в большей степени оказывать признание своим единоверцам, попавшим в беду.

В годы Первой мировой войны инославное население Астраханской и Саратовской губерний увеличилось за счет беженцев, пленных солдат, депортированных, выселенных из прифронтовой зоны, интернированных лиц, а незадолго до начала войны и дезертиров иностранных государств. Так, 9 января 1914 г. Астраханское губернское правление пригласило настоятеля местной римско-католической церкви Адама Деша для приведения к присяге на русское подданство дезертира австрийских войск Франца Павлишина¹.

Более подробно остановимся на самой многочисленной группе – беженцы. Список из 31 губернии, которые должны были принять беженцев, включал в себя Астраханскую и Саратовскую. По пути следования эшелонов с беженцами в Астрахань пассажиры всех без исключения проходящих через Самару поездов имели возможность получить питание. «Активное участие в организации питания на станции Самара принимал ксендз Лапшиц, к которому в большинстве случаев первоначально обращались беженцы-католики»².

Массовое прибытие беженцев в Астраханскую и Саратовскую губернии началось в июле 1915 г. и в целом завершилось к концу года. Согласно «Смете расходов на устройство беженцев в городах» к 1 января 1916 г. в Астрахани осело

---

¹ ГААО. Ф. 797. Оп. 1. Д. 54. Л. 162.

² Фролова К.В. Беженцы Первой мировой войны в Самарской губернии (1914 – начало 1920-х гг.) // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2017. № 5. С. 78.

3 970 беженцев, в Саратове – 16 000 беженцев¹. Всего же в Саратовской губернии к этому времени было сосредоточено 113 667 беженцев².

Расходы на содержание беженцев лежали на Комитете для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий под председательством Великой княжны Татьяны Николаевны, который формировал свой денежный фонд из пожертвований и ассигнований из казны³. Благодаря отделению Татьянинского комитета, открытым в городах, пожертвования поступали со всей страны. К 1 января 1916 г. жители Астраханской губернии пожертвовали комитету 58 105 руб. 96 коп., жители Саратовской губернии – 38 309 руб. 85 коп.⁴.

В октябре 1915 г. в связи с большим потоком беженцев Комитет Великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну, активизировал свою деятельность в Камышинском уезде Саратовской губернии. «Хотя принятие беженцев не должно иметь принудительного характера, тем не менее те цифры о количестве беженцев, желаемых принять обществами, слишком незначительны и желательно их увеличить»⁵. Одними призывами ситуацию было не исправить, поэтому местным жителям напомнили, что за размещение беженцев будут платить: до 4 руб. 50 коп. – за взрослого, 4 руб. – за ребенка до 15 лет, 3 руб. – за ребенка до 5 лет. Размещение беженцев затронуло значительную часть семей Нижнего Поволжья. Так, в п. Ново-Александровский Царицынского уезда за размещение у себя беженцев в период с 1 августа по 1 января 1917 г. 16 домохозяйств получили в общей сложности 178 руб. 50 коп.⁶, что говорит о высокой вовлеченности (15,2 %)

¹ Смета расходов на устройство беженцев в городах (январь – март 1916 г.). М.: Городская типография, 1916. С. 7–8.

² ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11538. Л. 23.

³ Законы и распоряжения о беженцах / Издание юридического отдела главного комитета Всероссийского союза городов. Вып. 1. М.: Городская типография, 1916. С. 11.

⁴ Комитет ее Императорского величества Великой княжны Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий. Т. II. Личный состав комитета и денежный отчет к 1 января 1916 года. Пг.: Государственная типография, 1917. С. 121.

⁵ ГАВО. Ф. 215. Оп. 1. Д. 216. Л. 10.

⁶ ГАВО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.

в процесс помощи вынужденным переселенцам с учетом общей численности домохозяйств п. Ново-Александровский по данным на 1911 г. в 105 дворов¹.

В связи с резким увеличением численности римско-католического населения в Нижнем Поволжье значительно повысилась и нагрузка на местных священнослужителей. Теперь помимо прихожан, живших здесь до начала войны, им необходимо было вести пастырскую деятельность среди военнослужащих-католиков, беженцев, интернированных подданных Германии и Австро-Венгрии, а также военнопленных. Согласно «Руководящим положениям по устройству беженцев», для удовлетворения религиозных нужд, кроме местных духовных лиц, следовало прикомандировать ксендзов из других местностей².

Высокая загруженность католического духовенства особенно негативно сказывалась на беженцах, так как их основная масса размещалась не в губернских центрах, где функционировали костелы, а в уездах. Для решения этой проблемы Тираспольским епископом Иосифом Кесслером всему духовенству епархии было предписано пригласить в помощь ксендзов-беженцев, которые были размещены в каждом приходе. Временным викарным по духовному призрению беженцев-католиков был назначен один из беженцев священник Иосиф Петрович Чаплик³.

Для того чтобы приступить к выполнению обязанностей, ксендзы из числа беженцев должны были предъявить местным настоятелям свои аппробаты. Священников-беженцев, как правило, командировали именно в те местности, где поселились беженцы для удовлетворения их духовных нужд. Для покрытия расходов на командировку таких лиц использовали деньги из церковных средств, где таковых не было – производили тарелочные сборы по праздничным и воскресным дням. Вне зависимости от своего положения, которое ксендзы из состава беженцев занимали до перемещения их из родных приходов, на

¹ Списки населенных мест Саратовской губернии. Царицынский уезд. Саратов: Земская типография, 1914. С. 6.

² Руководящие положения по устройству беженцев. Пг.: Тип. М-ва внутренних дел, 1916. С. 14.

³ Вся Астрахань и весь Астраханский край. Памятная книжка Астраханской губернии на 1916–17 гг.: 33-й год изд. / Издание Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Паровая губернская типография, 1916. С. 85.

территории Тираспольской епархии они находились в подчинении местных настоятелей, кураторов и администраторов¹. Так же, как и обычные беженцы, которые предпочитали устраиваться на поденную работу для сокрытия реального заработка и сохранения «пайка», священнослужители из числа беженцев хотели сохранить два источника дохода. На нарушение закона беженцы шли не от хорошей жизни и не для обогащения. Часто паек выдавался весьма неаккуратно, причитавшиеся беженцам деньги приходили с большим опозданием. Так, в Царевском уезде Астраханской губернии «350 беженцев, взрослые и дети, находились в ужасном положении, были “полуголые” и “полуголодные”, размещены в непригодном помещении»². Отсутствие пригодного жилья, а точнее средств для его найма, приводило и к тому, что беженцев размещали в государственных учреждениях для этого неприспособленных, «прибывшие русские поданные немцы жили в полицейских участках»³. В Саратове с делом размещения беженцев также были значительные трудности. В связи с эпидемией сыпного тифа комиссия врачей Саратова, осмотрев в ноябре 1915 г. квартиры для беженцев, пришла к выводу, что при сохранении минимума воздуха на 1 человека необходимо расселить 1 400 человек⁴.

Но бедственное материальное положение Тираспольской епархии также требовало экономии средств. 26 октября 1915 г. епископ Иосиф Кесслер отправил уведомление заведующему Астраханским римско-католическим приходом, священнику Владиславу Юргутису, в котором предписывал лишить священника Иосифа Чаплика жалования и столования от церкви, так как он получал достаточное жалование от польского комитета, что соответствовало и положению самого Польского комитета по оказанию помощи жертвам войны. «Беженцы,

¹ ГААО. Ф. 797. Оп. 1. Д. 55. Л. 13.

² Тимофеева Е.Г., Лебедев С.В. Беженцы Великой войны в Астраханской губернии 1915–1918 гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. № 4 (41). С. 291.

³ Ерохина О.В. Положение немцев в Российской империи в период Первой мировой войны (1914—1917 годы) // Научный диалог. 2024. Т. 13. № 5. С. 400.

⁴ Смета расходов на устройство беженцев в городах (январь – март 1916 г.). М.: Городская типография, 1916. С. 22.

находящиеся на попечении одного отдела, помощью другого отдела на те же нужды не пользуются»¹. На предоставление квартиры с отоплением из церковных средств при этом Иосиф Чаплик по-прежнему мог рассчитывать².

Прием беженцев, которые чаще всего доставлялись без средств к существованию и нуждались в помощи, продолжался вплоть до окончания боевых действий. Для поддержки нуждающихся был организован Евангелический комитет попечительства о беженцах, членами которого были Шмидт, Гафнер, Гергардт, Дамер, Рейтер, Гильденбрандт, Штульнер, Борк³. Они координировали благотворительную деятельность местных властей. В Саратовскую губернию прибывали немцы-колонисты из Привислинского края и других местностей, соприкасающихся с театром военных действий. Вплоть до начала 1916 г. Министерством внутренних дел им оказывалась продовольственная помощь по просьбе саратовского губернатора⁴.

Отношение русского населения к военнопленным временами было негативным. Причиной являлись и статьи в периодической печати. Местная пресса описывала тяготы, с которыми сталкивались русские солдаты, находящиеся в плену в Германии. По сведениям, полученным от английского врача мистера Перри, который провел десять месяцев в числе других пленных в лагере Альтенграбов, в «Астраханском вестнике» была напечатана статья: «В лагере находится 3 000 русских пленных. Германцы их почти не кормят, им дается лишь столько, чтобы они не умерли с голоду»⁵. Об историческом характере жестокости немцев писал общественно-политический журнал «Общества 1914 года», который сообщал читателям об изобретательности немцев в области пыток, таких как: заливание человека на морозе водой, наказание шпицрутенами,

---

¹ Кустов Н.И. Польский комитет по оказанию помощи жертвам войны в гор. Москве // Краткие очерки о деятельности национальных и благотворительных организаций, оказывающих помощь беженцам в гор. Москве. М.: Тип. «Русского о-ва», 1917. С. 11.

² ГААО. Ф. 797. Оп. 1. Д. 55. Л. 14.

³ В евангелическо-лютеранском обществе // Царицынский вестник. № 5004. 17.10.1915. С. 3.

⁴ Прекращение пособий немцам-колонистам // Царицынский вестник. № 5. 03.01.1916. С. 3.

⁵ Хроника // Астраханский вестник. № 91. 07.08.1915. С. 3.

заколачивание в гробы на несколько часов, в этой же войне Германия внедрила над пленными новое издевательство – «германцы пользуются для дрессировки собак, предназначенных для полевой службы, русскими пленными в качестве манекенов»¹.

В отличие от беженцев у военнопленных дело требоисполнений обстояло сложнее. В городах у пленных представителей западных конфессий христианства была возможность посещать католические и лютеранские церкви. Для такого рода организованных выходов собиралась команда, которая отправлялась в храм в сопровождении караульного.² «Пленные, жившие в крестьянских хозяйствах, иногда посещали церковь со своими хозяевами»³. В сельской местности пленные посещали православные храмы, чаще всего из любопытства.

Нижнее Поволжье после манифестов Екатерины II стало новой родиной для немецких колонистов, и к началу войны эти поселения воспринимались российским обществом как неотъемлемая часть культурного и национального многообразия региона. Такая благоприятная атмосфера позволила уделить большее внимание и религиозным потребностям вынужденных переселенцев в отличие от остальных регионов России, где делалась ставка на привитие православия инославному населению. Например, в Омске местные военные власти, получив распоряжение от Военного министерства, стали помогать деятельности миссионерских православных братств. К концу 1916 г. «в лоно православия из военнопленных славян перешло более 500 человек»⁴. В Астраханской и Саратовской губерниях переходы беженцев и военнопленных из католичества и лютеранства в православие были единичными. На территории Нижнего Поволжья православное духовенство принимало активное участие в

---

¹ Пора осмелиться // 1914 год. № 13–14. 15.12.1916. С. 11.

² ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11536. Л. 6.

³ Калякина А.В. Немецкие и австро-венгерские военнопленные в российской провинции (по материалам Саратовской губернии) // Россия – Германия: уроки войны и мира: к 100-летию начала Первой мировой войны. Сборник научных статей. 2014. С. 172.

⁴ Сушко А.В., Петин Д.И. Процесс обращения в православие военнопленных славян в Омске (1915–1917 гг.) // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2021. Вып. 103. С. 84.

организации помощи беженцам посредством воспитательно-нравственной работы со своей паствой. Так, священник села Вязовки Саратовской губернии смог добиться более радушного приема беженцев и помог разместить 80 нуждающихся в домах своих прихожан безвозмездно или за символическую плату¹.

Таким образом, в годы Первой мировой войны, кроме подданных воюющих с Россией стран, ограничения затронули и жителей бывших немецких колоний, более того, католические и лютеранские общины Нижнего Поволжья столкнулись с рядом раследований своей деятельности. Полицейский надзор в отношении священнослужителей объяснялся тем, что церковь стремились использовать как арену политической агитации. Полицейский надзор или лояльность местного инославного населения сыграли ключевую роль – неизвестно, но в Нижнем Поволжье массовых случаев предательства отмечено не было. И лютеране, и католики воевали на фронтах Первой мировой войны.

Католические и лютеранские церкви проводили богослужения в поддержку российской армии, собирали благотворительную помощь, открывали лазареты и принимали беженцев прифронтовых территорий. Католики и лютеране из числа вынужденных переселенцев получили разностороннюю помощь как общеимперских организаций, так и местных общественных организаций, а также горячий отклик среди местного населения, как своих единоверцев, так и православных христиан.

---

¹ Корнелюк В.Г. Миграционная государственная политика и беженцы Первой мировой войны из Беларуси в Саратовской губернии (1915–1918 годы) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2019. Т. 19. Вып. 1. С. 111.

Заключение

Проведенный анализ политики административных органов власти в отношении католического и лютеранского населения и ее влияние на религиозную ситуацию в Нижнем Поволжье в 1861–1917 гг., позволил сформулировать основные выводы.

На динамику численности прихожан католической и лютеранской церкви влияли следующие факторы: 1) административная ссылка участников польского восстания 1863–1864 гг. и последующие указы, снимающие ограничения на перемещение данных лиц; 2) издание законов «Правила устройства поселян-собственников» в 1871 г. и «Манифест о введении всеобщей воинской повинности» в 1874 г. способствовало эмиграции части поселян-собственников, которые восприняли данные нововведения особенно болезненно; 3) аграрная перенаселенность, приведшая к малоземелью поселян-собственников, подтолкнула к эмиграции бывших колонистов; 4) «Указ об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г., который сделал возможным переходы из православия в другие конфессии; 5) Первая мировая война, а именно прибытие в Астраханскую и Саратовскую губернии беженцев, военнопленных, депортированных и интернированных лиц католического и лютеранского вероисповедания. Численность католического и лютеранского населения Нижнего Поволжья в 1861–1917 гг. неуклонно увеличивалась, за исключением периодов 1868–1872 гг. и 1880–1885 гг. для католического населения в Астраханской губернии и католического населения Саратовской губернии в 1891–1897 гг. Несмотря на влияние фактора малоземелья, одинаково бьющего по представителям обеих рассматриваемых конфессий, лютеранское население ни в одном из периодов не снижается, что было связано в том числе с более высоким уровнем рождаемости у лютеранского населения, вызванным более спокойным отношением церкви к смешанным и повторным бракам своих прихожан.

На конфессиональный курс в отношении католиков Астраханской и Саратовской губерний серьезное влияние оказало восстание 1863–1864 гг. в Царстве Польском. Демонстрация католическим клиром своей готовности использовать доверие прихожан и свою каноническую власть над паствой с целью организации восстания, посягающего на целостность Российской империи, привело к стремлению государства снизить потенциальную угрозу формирования антиправительственных настроений в Нижнем Поволжье посредством деполонизации кадрового состава Тираспольской римско-католической епархии. Отказ от приема поляков в Саратовскую католическую семинарию, отклонение запросов ссыльных ксендзов на проведение ими служб, запрет на проповеди на польском языке привели к ситуации дефицита священнослужителей в епархии.

Сосланные в Нижнее Поволжье поляки не имели права высказывать свои мысли о государственном устройстве Российской империи, о конфессиональной политике правительства. Письма проходили перлюстрацию, в случае игнорирования запретов и нарушений – следовала пересылка в более отдаленные губернии. Ввиду отсутствия среди ссыльных в Нижнее Поволжье опасных мятежников, среди местного населения административно высланные нередко встречали сочувствие как в среде католического клира, так и у представителей правоохранительных органов, выражавшееся в отказе последних от участия в организации тайного наблюдения. В гражданских правах ссыльные католики не были стеснены, им разрешались браки с местным русским населением для более быстрой ассимиляции.

В целом, функционирование Римско-католической церкви в Российской империи отражает зависимость религиозной практики от контекстуальных политических обстоятельств. На протяжении нескольких столетий Ватикан стремился к расширению католического мира любыми средствами. Поэтому, в свою очередь, католическая вера воспринималась российским правительством, Святейшим Синодом и православным населением как неприятель.

Упразднение статуса колонистов в 1871 г. и привлечение с 1874 г. бывших уже колонистов к отбыванию воинской повинности на общих основаниях в совокупности с быстрым ростом населения и отсутствием свободной земли стали катализатором переселенческих процессов католиков и лютеран в соседние регионы и массовой эмиграции в страны Южной и Северной Америки. При этом духовные лица и католической, и лютеранской церковью пытались, и в большинстве своем успешно, убедить паству в необходимости исполнения новой для них воинской повинности.

Революционные события 1905–1907 гг. явились причиной вовлечения католического и лютеранского духовенства Астраханской и Саратовской губерний в политическую жизнь. Духовенство исторически выступало в качестве опоры государственности и поэтому не могло устраниваться в ситуации обострения политических противоречий. Для католического и лютеранского населения духовенство выступало главным авторитетом и ориентиром в новой политической обстановке.

В годы Первой мировой войны католические и лютеранские общины Нижнего Поволжья стали объектом дискриминационной политики государства. Недопустимость в приходах сборов средств на потребности заграничных миссий, запрет на проведение богослужений на немецком языке, негласное наблюдение за жителями немецких поселений, публикации периодической печати, порочащие саму западно-христианскую веру, – все это явилось результатом ухудшения отношения к католикам и лютеранам в годы Первой мировой войны. Однако и лютеране, и католики не только проводили патриотические акции и благотворительные мероприятия в поддержку российской армии, но и принимали участие в боевых действиях.

На территории Астраханской и Саратовской губерний католики и лютеране из числа вынужденных переселенцев смогли найти отклик на усилившуюся в рамках военного времени нужду в душевспасительной помощи. Кроме того, ввиду благоприятного социума западные христиане могли рассчитывать на более

высокую материальную поддержку. Католическое и лютеранское духовенство сделало все возможное для призрения большого количества новых прихожан.

Ввиду конструктивной деятельности представителей инославных общин: духовных наставников и рядовых верующих, местное население со временем перестало относиться к ним настороженно, как к чужакам. Католики и лютеране из числа поселян-собственников стали неотъемлемой частью российского общества, поэтому вынужденных переселенцев, размещенных в губерниях Нижнего Поволжья в годы Первой мировой войны, не стремились массово крестить в православие.

Отношения российского правительства с католиками и лютеранами строились, исходя из стремления государства обеспечить, прежде всего, лояльность представителей данных конфессий, способствовать укреплению консолидации общества вокруг государственных интересов. В Нижнем Поволжье государственная политика в отношении католического и лютеранского населения строилась на основе общероссийских законов, но присутствовал ряд особенностей, вызванный особым статусом местных церквей. В исследуемый период в Саратове располагалась резиденция главы Тираспольской римско-католической епархии, а приходской совет при евангелическо-лютеранской церкви Святой Марии в Саратове являлся третьим духовным центром лютеран после Москвы и Санкт-Петербурга.

Предлагая новый подход к формированию конфессиональной политики и основные пути ее реализации, автор исходит из того, что в современных условиях государственная политика в отношении католического и лютеранского населения должна опираться на продуманную заранее доктрину, а не становиться реакцией на внутренние и внешнеполитические обстоятельства, попыткой устранить негативные последствия. Многоконфессиональное российское общество должно осознавать, что правительство представляет его интересы, уважительно относится к их культуре и религиозным традициям.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ

1. Законы и распоряжения о беженцах / Издание юридического отдела главного комитета Всероссийского союза городов. Вып. 1. М.: Городская типография, 1916. 104 с.
2. Об оглашениях // Свод законов Российской империи. Т. XI. Ч. 1. Уставы духовных дел иностранных исповеданий. № 228. СПб.: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1857. 266 с.
3. Об укреплении начал веротерпимости // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. XXV. Ч. 1. № 26125. СПб.: Государственная типография, 1908. 966, 157 с.
4. О вызове иностранцев в Россию с обещанием им свободы вероисповедания // Полное собрание законов Российской Империи. 3-е изд. Т. IV. № 1910. СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. 881, 3, 3 с.
5. О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых Губерниях они пожелают и о дарованных им правах // Полное собрание законов Российской Империи. Т. XVI. С 28 июня 1762 по 1765. № 11880. СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. 1018, 106 с.
6. О правилах для школьного и катехизического учения в колониях Саратовских иностранных поселенцев // Свод законов Российской империи. Т. XII. Ч. 2. Уставы о городском и сельском хозяйстве, о благоустройстве в казенных и казачьих селениях и о колониях иностранцев в империи. № 387. СПб.: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1857. 600 с.

7. О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка: Именной Высочайший указ, данный Сенату от 12 декабря 1904 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. XXIV. Ч. 1. № 25495. СПб.: Государственная типография, 1907. [2], 1257, 25 с.
8. О самоубийствах // Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года: с дополнениями по 1 янв. 1876 г. № 1473 / сост. проф. С.-Петербур. ун-та Н.С. Таганцевым; [авт. предисл. Н.С. Таганцев]. Изд. 2-е, перераб. и доп. Санкт-Петербург: Тип. М. Стасюлевича, 1876. 726 с.
9. Собрание высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений, последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. СПб.: Морская типография, 1816. 212 с.
10. Устав о воинской повинности: высочайше утвержденный 1 января 1874 г.: со включением статей Свода законов и статей воинского Устава о наказаниях, на которые сделаны ссылки. Москва: И. Лепетов, 1874. 95 с.

2. ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ

2.1. Государственный архив Российской Федерации

1. Фонд 40. Канцелярия временного генерал-губернатора Казанской, Симбирской, Саратовской, Самарской губерний. Казань. Оп. 1. Д. 1.
2. Фонд 102. Департамент полиции Министерства внутренних дел. Оп. 87. Д. 122.
3. Фонд 109. Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Оп. 38. Д. 23ч. 195; Оп. 38. Д. 23ч. 356; Оп. 40. Д. 238; Оп. 150. Д. 127; Оп. 161. Д. 207.
4. Фонд 115. Союз 17 октября. Оп. 1. Д. 17.
5. Фонд 217. Варшавское губернское жандармское управление. Оп. 1. Д. 298, 1412.

6. Фонд 265. Канцелярия помощника Варшавского генерал-губернатора по полицейской части. Оп. 1. Д. 1539, 1541.
7. Фонд 815. Арцимович Виктор Антонович, сенатор, Тобольский (1854–1858 гг.) и Калужский (1858–1862 гг.) губернатор, вице-председатель Государственного Совета Царства Польского (с 1863 г.) Оп. 1. Д. 345.
8. Фонд 826. Джунковский Владимир Федорович, адъютант Великого князя Сергея Александровича (1891–1905 гг.), Московский вице-губернатор (1905–1908 гг.), Московский губернатор (1908–1913 гг.), товарищ Министра внутренних дел, командир отдельного корпуса жандармов (1913–1915 гг.), командир 8-й сибирской стрелковой дивизии (1915–1917 гг.). Оп. 1. Д. 233.
9. Фонд 996. Миллер Константин Константинович, сенатор, тайный советник, Петроковский губернатор (с 1890 г.) Оп. 1. Д. 32. Дневник. Ч. 2. 1904 г.
10. Фонд 1165. Особенная канцелярия МВД. Оп. 1. Д. 42; Оп. 2. Д. 57.

2.2. Российский государственный исторический архив (РГИА)

11. Фонд 398. Департамент земледелия Министерства земледелия. Оп. 81. Д. 674, 680.
12. Фонд 821. Департамент духовных дел иностранных исповеданий. Оп. 1. Д. 714. Оп. 2. Д. 1146; Оп. 3. Д. 156, 352, 488. Оп. 5. Д. 551, 573, 574, 575, 577. Оп. 133. Д. 1051.
13. Фонд 1284. Департамент общих дел МВД. Оп. 73. 1906 г. Д. 129.
14. Фонд 1662. Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911), министр внутренних дел, Председатель совета министров. Оп. 1. Д. 230.

2.3. Центральный государственный архив города Москвы

15. Фонд 1629. Московская евангелическо-лютеранская консистория. Оп. 1. Д. 66, 92, 124.

2.4. Государственный архив Астраханской области

16. Фонд 13. Астраханское губернское правление. Оп. 1. Д. 25328.
17. Фонд 286. Астраханское губернское жандармское управление. Оп. 1. Д. 833; Оп. 2. Д. 80.
18. Фонд 797. Римско-католическая церковь Тираспольской римско-католической консистории г. Астрахань. Оп. 1. Д. 35, 37, 42, 43, 44, 46, 54, 55; Оп. 3. Д. 1.

2.5. Государственный архив Волгоградской области

19. Фонд 6. Помощник начальника Саратовского губернского жандармского управления в Царицынском уезде (гор. Царицын). Оп. 1. Д. 371.
20. Фонд 29. Царевское уездное полицейское управление, Астраханской губернии, г. Царев (1915–1917). Оп. 1. Д. 2.
21. Фонд 201. Олешинское сельское управление Олешинской волости Камышинского уезда Саратовской губернии (1860–1917). Оп. 1. Д. 113, 177, 304.
22. Фонд 203. Нейденгофское сельское управление Олешинской волости Камышинского уезда Саратовской губернии (1873–1917). Оп. 1. Д. 46.
23. Фонд 206. Пограничное сельское управление Олешинской волости Камышинского уезда Саратовской губернии (1877–1919). Оп. 1. Д. 7, 23.
24. Фонд 207. Караульно-Буеракское сельское управление Семеновской волости Камышинского уезда Саратовской губернии (1908–1919). Оп. 1. Д. 2, 49.
25. Фонд 215. Перевозинское (Ней-Бальцерское) сельское управление Олешинской волости Камышинского уезда Саратовской губернии с. Перевозинское (1863–1917). Оп. 1. Д. 216.
26. Фонд 216. Песковатское сельское управление Медведицкой волости Аткарского уезда Саратовской губернии (1858–1917). Оп. 1. Д. 200.
27. Фонд 253. Медведицкое волостное правление Аткарского уезда Саратовской губернии с. Медведицкое. Крестовый Буерак. Оп. 1. Д. 345.

28. Фонд 270. Иозефстальское (Скрипалевское) сельское управление Иловлинской волости Камышинского уезда Саратовской губернии с. Иозефсталь (Скрипалева). Оп. 1. Д. 26, 143.

2.6. Государственный архив Саратовской области

29. Фонд 2. Саратовское губернское правление. Оп. 1. Д. 11380, 11536, 11538.

30. Фонд 22. Саратовское губернское по крестьянским делам присутствие. Оп. 1. Д. 5002.

31. Фонд 180. Саратовская контора иностранных поселенцев. Оп. 1. Д. 568, 645.

32. Фонд 365. Тираспольская римско-католическая духовная консистория Департамента духовных дел иностранных исповеданий. Оп. 1. Д. 1, 11, 177, 213, 319, 374, 610; Оп. 2. Д. 54.

33. Фонд 852. Церковный совет евангелическо-лютеранской церкви св. Марии. Оп. 1. Д. 141, 235.

Документы общественных организаций

1. Комитет ее Императорского величества Великой княжны Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий. Т. II. Личный состав комитета и денежный отчет к 1 января 1916 года. Пг.: Государственная типография, 1917. 309 с.

2. Отчет Астраханского общества вспомоществования бедным римско-католического исповедания за 1901 год. Астрахань: Типография В. Блаженкова, 1902. 12 с.

3. Руководящие положения по устройству беженцев. Пг.: Тип. М-ва внутренних дел, 1916. 16 с.

4. Смета расходов на устройство беженцев в городах (январь – март 1916 г.). М.: Городская типография, 1916. 31 с.

5. Устав общества под названием «Немецкая Группа Союза 17 Октября». Санкт-Петербург: Н. Уль, 1906. 8 с.
6. Устав «Общества 1914 года» (борьбы с немецким засильем). Пг.: Типолитография Н.И. Евстифьева, 1915. 8 с.
7. Leo XIII. *Graves de Communi Re.* Vatican, January 18, 1901. [Лев XIII. Об опасностях для общества. Ватикан, 18 января 1901 г. Перевод авт.] // [Электронный ресурс]: URL: https://www.vatican.va/content/leo-xiii/en/encyclicals/documents/hf_l-xiii_enc_18011901_graves-de-communi-re.html (дата обращения: 23.06.2025).
8. Pius IX. *Nostis Et Nobiscum.* Vatican, December 8, 1849. [Пий IX. Вы знаете это, и вы с нами. Ватикан, 8 декабря 1849 г. Перевод авт.] // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.papalencyclicals.net/document-directory> (дата обращения: 12.01.2025).

3. СТАТИСТИЧЕСКИЕ И СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

1. Адрес-календарь Саратовской губернии на 1884 год / (издание Саратовского губернского статистического комитета). Саратов: Типография губернского правления, 1883. 342 с.
2. Астрахань и Астраханская губерния: описание края и общественной и частной жизни его, состоящее из записок, веденных во время 11-тимесячного пребывания в нем / издано Н-м Ерм-м. Москва: Тип. В. Готье, 1852. 176, [4] с.
3. Вся Астрахань и весь Астраханский край. Памятная книжка Астраханской губернии на 1916–17 гг.: 33-й год изд. / Издание Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Паровая губернская типография, 1916. 411 с.
4. Движение населения в Европейской России за 1907 год. Пг.: Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1914. 249 с.

5. Девятая ревизия: исследование о числе жителей в России в 1851 г. / [соч.] Петра Кеппена, д. чл. Имп. Акад. наук, д-ра философии, магистра правоведения. Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1857. XVIII, 298 с.
6. Минх А.Н. Историко-географический словарь Саратовской губернии. Т. 1: Южные уезды: Камышинский и Царицынский / печ. под наблюдением чл. Сарат. учен. архив. комис. С.А. Щеглова. Вып. 2, Лит. Д – К. Продолжение. Саратов: Тип. губернского земства, 1900. [2], 279–556, 2 с., 11 л. карт.
7. Обзор Астраханской губернии за 1883 год. (Прилож. ко всеподдан. отчету Начальника Астрахан. губ.). Астрахань: Типография губернского правления, 1884. 83, [49] с.
8. Обзор Астраханской губернии за 1885 год. (Прил. ко всепод. отчету). Астрахань: Типография губернского правления, 1886. [4], 54, [51] с.
9. Обзор Астраханской губернии за 1900 год / издание Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Паровая губернская типография, 1901. [1], 71, [38] с.
10. Обзор Саратовской губернии за 1870 год. (Прил. ко всепод. отчету). Саратов: губернская типография, 1871. 185 с.
11. Обзор Саратовской губернии за 1875 год. (Прил. ко всепод. отчету). Саратов: губернская типография, 1876. 36, [49] с.
12. Обзор Саратовской губернии за 1882 год. (Прил. ко всепод. отчету). Саратов: губернская типография, 1883. 52, [31] с., табл.
13. Отчет Астраханского губернского статистического комитета за 1871 год. Астрахань: Губернская типография, 1872. 51 с.
14. Отчет Астраханского губернского статистического комитета за 1872 год. Астрахань: Губернская типография, 1873. 53 с.
15. Отчет Астраханского губернского статистического комитета за 1874 год. Астрахань: Губернская типография, 1875. 101 с.

16. Отчет Астраханского губернского статистического комитета за 1880 год / Сост. секретарем Комитета Д.В. Чичинадзе. Астрахань: Губернская типография, 1882. 45 с.
17. Памятная книжка Астраханской губернии на 1887 г. / издание губернского статистического комитета. Астрахань: Типография губернского правления, 1887. 260 с.
18. Памятная книжка Астраханской губернии на 1892 год / издание Астраханского губернского статистического комитета. Год IX-й. Астрахань: Типография губернского правления, 1892. 11, VI, 290, 71 с., [16] л. табл.
19. Памятная книжка Астраханской губернии на 1901 год / издание Астраханского губернского статистического комитета. Год XVIII-й. Астрахань: Паровая губернская типография, 1901. 395 с.
20. Памятная книжка Саратовской губернии на 1858 год / (издание статистического комитета). Саратов: Типография губернского правления, 1858. 293 с.
21. Памятная книжка Саратовской губернии на 1864 год / (составлена Саратовским губернским статистическим комитетом; [сост. Д.Л. Мордовцев]. Ч. 2. Саратов: Типография губернского правления, 1864. 97 с.
22. Памятная книжка Саратовской губернии на 1872 год / (издание статистического комитета). Саратов: типография губернского правления, Ищенко, Кувардина и Сцитник, 1872. [5], 187, [1], 115, [1], 117–275, [1], 54, [2] с., [7] л.
23. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. II. Астраханская губерния. Тетрадь II. (последняя). СПб.: Центральный статистический комитет, 1904. [4], XIV, 167 с.
24. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. XXXVIII. Саратовская губерния. СПб.: Центральный статистический комитет, 1904. 249 с.

25. Сборник статистических сведений по Саратовской губернии. Т. 11. Камышинский уезд. Саратов: Саратовское губернское земство, 1891. 505 с.
26. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. СПб.: изд. Центр. стат. ком. Мин. внутр. дел, 1861–1885. Вып. 38: Саратовская губерния: ... по сведениям 1859 года / сост. и изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел; обраб. А. Артемьевым, 1862. 130 с.
27. Списки населенных мест Саратовской губернии. Царицынский уезд. Саратов: Земская типография, 1914. 18 с.
28. Статистический обзор Астраханской губернии за 1897 год. Астрахань: Губернская типография, 1899. 128 с.
29. Статистический обзор Астраханской губернии за 1903 год / издание Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Паровая губернская типография, 1904. [2], 106 с., [39] л.
30. Статистический обзор Астраханской губернии за 1905 год / издание Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Паровая губернская типография, 1906. IV, 95 с., 16 табл.
31. Статистический обзор Астраханской губернии за 1906 год / издание Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Паровая губернская типография, 1907. [II], 79 с., [63] л. табл.
32. Статистический обзор Астраханской губернии за 1909 год / издание Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Паровая губернская типография, 1910. [II], 79 с., [57] л. табл.
33. Статистический обзор Астраханской губернии за 1911 год / издание Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Паровая губернская типография, 1912. IV, 84 с., 16 табл.
34. Статистический обзор Астраханской губернии за 1912 год / издание Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Паровая губернская типография, 1913. [IV], 120 с., [52] л. табл.

35. Статистический обзор Астраханской губернии за 1914 год / издание Астраханского губернского статистического комитета. Астрахань: Паровая губернская типография, 1915. II, 117 с., 16 табл.
36. Статистический обзор Саратовской губернии за 1891 год: с отчетом Губернского статистического комитета / сост. Ф.С. Шиманский. 1892. [4], X, 56, [113] с.: табл.
37. Статистический обзор Саратовской губернии за 1897 год. (Прил. ко всепод. отчету). Саратов: Типография губернского правления, 1898. IV, 47, [119] с.
38. Статистический обзор Саратовской губернии за 1905 год / Саратов. губ. стат. комитет. Саратов: Паровая скоропечатня губернского правления, 1906. [4], 41, [84] с.
39. Статистический обзор Саратовской губернии за 1906 год / Саратов. губ. стат. комитет. Саратов: Паровая скоропечатня губернского правления, 1907. [4], 38, [83] с.
40. Статистический обзор Саратовской губернии за 1914 год / Саратов. губ. стат. комитет. Саратов: Типография губернского правления, 1915. [4], 40, [78] с.
41. Сызранов А.В. Этносы и этнические группы Астраханской области: справочное пособие. Астрахань: ОмЦ НК, 2008. 72 с.
42. Труды Астраханского губернского статистического комитета. Вып. 1. Астрахань: Губернская типография, 1869. 184 с.

4. ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

1. Астраханский вестник. 1915. № 21, 91.
2. Астраханский листок. 1903. № 263, 272; 1904. № 24.
3. Волго-Донская копейка. 1914. № 197.
4. Камышинский вестник. 1906. №14, 27.
5. Московские ведомости. 1863. № 126, 130; 1881. № 8.

6. Орловский вестник. 1901. № 254.
7. Разведчик. 1906. № 825.
8. Русское слово. 1905. № 54.
9. Русь. 1904. № 374.
10. Саратовские губернские ведомости. 1915. № 32.
11. Саратовские епархиальные ведомости. 1914. № 23.
12. Саратовский листок. 1898. № 219; 1905. № 24, 154; 1906. № 15, 199.
13. Сельский вестник. 1916. № 94.
14. Труд и борьба. 1920. № 2.
15. Царицынский вестник. 1914. № 4650, 4652, 4654, 4657, 4670; 1915. № 4780, 4802, 4936, 5004; 1916. № 5.
16. Deutsche Volkszeitung. [Немецкая народная газета. Перевод авт.]. 1907. № 87.
17. Friedensbote. [Вестник мира. Перевод авт.]. 1900. № 12.
18. Klemens. [Клеменс. Перевод авт.]. 1897. № 9, 10, 11; 1898. № 30, 34, 36; 1901. № 32, 49; 1905. № 1.
19. Saratower Deutsche Volkszeitung. [Саратовская немецкая народная газета. Перевод авт.]. 1917. № 1.
20. Volks-Zeitung. [Народная газета. Перевод авт.]. 1914. № 60.
21. 1914 год. № 13–14.

5. ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

1. Граф Михаил Николаевич Муравьев. Записки его о мятеже в Северо-Западной России в 1863–1864 гг. // Русская старина. 1882. Том XXXVI. Выпуск 11. С. 387–432.
2. Дневник П.А. Валугева, министра внутренних дел: в 2 томах. Т. 1: 1861–1864 гг. / [Акад. наук СССР, Ин-т истории, Гл. арх. упр. при Совете Министров СССР]. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 422 с.

3. Духовников Ф.В. Немцы, другие иностранцы и пришлые люди в Саратове // Саратовский край. Исторические очерки, воспоминания, материалы. Вып. I. Саратов: Паровая скоропечатня губернского правления, 1893. С. 237–264.
4. Жемчужников А.М., Кони А.Ф., Скропышев Я.С., Лещов А.Н., Обнинский П.Н., Корнилов А.А., Сахаров Н.В., Муромцев А.А., Грешищев П.Н., Ермолаев Г.П., Спасович В.Д. Виктор Антонович Арцимович. Воспоминания; Характеристики. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1904. 823 с.
5. На службе российской: фрагменты воспоминаний / Бронислав Громбчевский; пер. с польск. М.Г. Леонов; лит. ред. пер. Е.Г. Королькова. Москва: Науч. мир, 2016. 262 с.
6. Осужденные и наказанные за участие в смуте в 1863–1865 гг. Приложение к «Запискам графа М.Н. Муравьева» // Русская старина. 1883. № 3. С. 615–630.
7. Победоносцев К.П. Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма. СПб.: Тип. Грачева и Коми, 1864. 600 с.
8. Хованский Н.Ф. Саратовский листок (история его издания) // Саратовский край. Исторические очерки, воспоминания, материалы. Вып. I. Саратов: Паровая скоропечатня губернского правления, 1893. 381 с.
9. Шевченко Т.Г. Собрание сочинений. Т. 5. Автобиография. Дневник. Избранные письма и деловые бумаги. М.: Художественная литература, 1956. 648 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айвазов И.Г. Орловский миссионерский съезд в связи с вопросом о свободе совести: (По поводу докл. М.А. Стаховича, чит. на миссионерском съезде в г. Орле 24 сент. 1901 г.). Тамбов: Губ. земск. типогр., 1901. [4], VI, 126 с.
2. Ананьев С.В. Конфессиональная политика российского правительства в Северо-Западном крае в 1863–1865 гг. и ее вклад в обеспечение общественной безопасности в регионе // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2023. № 4. С. 5–14.

3. Ананян Е.В. Деятельность местных комитетов по устройству беженцев в 1915–1917 гг. (на примере немецких волостей Новоузенского, Камышинского и Аткарского уездов Саратовского Поволжья) // Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. 2021. № 2 (10). С. 21–34.
4. Барон Й. Российское лютеранство. История, теология, актуальность. СПб.: Алетейя, 2011. 432 с.
5. Барон Й. Христианство. Католичество. Реформация. СПб.: Алетейя, 2011. 490 с.
6. Бендин А.Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.). Минск: БГУ, 2010. 439 с.
7. Беркенгейм А.М. Аргентина и ее колонии: Ст. 1. Москва: типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1894–1895. 25 с.
8. Брандт Л. Лютеранство и его политическая роль. Л.: Прибой, 1931. 110 с.
9. Вашкау Н.Э. Школа в немецких колониях Поволжья 1764–1917 гг. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 1998. 208 с.
10. Вебер М. Избранное. Протестантская этика и дух капитализма. 4-е изд. / Сост. Ю.Н. Давыдов. М. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 656 с.
11. Верт П. Православие, инославие, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 280 с.
12. Винтер Э. Папство и царизм. М.: Прогресс, 1964. 536 с.
13. Возгрин В.Е. Немецкие колонисты и крымские татары в национальной политике Российской империи (XVIII – конец XIX в.) / часть II // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2014. № 12. С. 43–78.
14. Волков С.В. Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993. 367 с.
15. Воробьев Е.П., Давыдова М.Ю. Отношение российского крестьянства к воинской обязанности во второй половине XIX – начале XX века (на материалах

Нижнего Поволжья) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (41): в 2-х ч. Ч. II. С. 42–44.

16. Воронежцев А.В. Немецкие колонисты в Поволжье в годы Первой мировой войны (на материалах Саратовской и Самарской губерний) // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие (1871–1941 гг.). М.: ЗАО «МДЦ Холдинг», 2002. С. 71–94.

17. Гавриленков А.Ф. Политика государственной власти Российской империи в отношении Православной церкви, инославных конфессий и авраамических (нехристианских) вероисповеданий в 1721–1917 гг.: периодизация, сущность и принципы, эволюция: монография / М-во образования и науки Российской Федерации, Московский гос. обл. ун-т. М.: Московский гос. обл. ун-т, 2010. 261 с.

18. Гагагова Л.С. Хроника бесчинств: немецкие погромы в Москве в 1915 году // Родина. 2002. № 10. С. 18–23.

19. Гернет А. Евангелическо-лютеранская церковь в России ко времени 400-летнего юбилея Реформации // Наследие Лютера в России / под. ред. Т. Майера. М.: Готика, 2003. 154 с.

20. Городецкий М.И. К истории римского католицизма в России (Тираспольская или Саратовская латинская епархия) // Исторический вестник. 1889. Т. 38. № 10. С. 122–134.

21. Гросс Э.Я. Автономная Социалистическая Советская Республика Немцев Поволжья. Покровск: тип. «Немгосиздата», 1926. 125 с.

22. Давыдова М.Ю. Протестантская и католическая конфессии в Саратовской губернии Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник архивиста. 2015. № 1. С. 177–192.

23. Денисов Д.Н. Католицизм в конфессиональном пространстве Оренбургского края (конец XVIII – начало XXI вв.) / Денисов Д.Н.; Науч.-исслед. ин-т истории и этнографии Южного Урала Оренбургского гос. ун-та. Оренбург: Университет, 2014. 149 с., 45 ил.

24. Дённингхаус В. Революция, реформа и война: немцы Поволжья в период заката Российской империи. Саратов: Наука, 2008. 245 с.
25. Ерохина О.В. Положение немцев в Российской империи в период Первой мировой войны (1914–1917 годы) // Научный диалог. 2024. Т. 13. № 5. С. 390–408.
26. Журавлева В.И. Американская кукуруза в России: уроки народной дипломатии и капитализма // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2013. № 21 (122). С. 121–146.
27. Калякина А.В. Немецкие и австро-венгерские военнопленные в российской провинции (по материалам Саратовской губернии) // Россия – Германия: уроки войны и мира: к 100-летию начала Первой мировой войны. Сборник научных статей. 2014. С. 167–174.
28. Кандидов Б.П. Вредительство, интервенция и церковь. М.: Безбожник, 1931. 72 с.
29. Клаус А.А. Наши колонии. Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. СПб.: Типография В.В. Нусвальта, 1869. 516 с.
30. Корнелюк В.Г. Миграционная государственная политика и беженцы Первой мировой войны из Беларуси в Саратовской губернии (1915–1918 годы) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2019. Т. 19. Вып. 1. С. 109–115.
31. Красножен М.Е. Иноверцы на Руси. Т. I. Положение неправославных христиан в России. Юрьев: тип. К. Маттисона, 1900. 206 с.
32. Летницкий И.Н. Миссионерская и духовно-просветительская деятельность Астраханского Кирилло-Мефодиевского Братства в Астраханской епархии (1873–1903). Астрахань: Типография В.Л. Егорова, 1903. 186 с.
33. Лиценбергер О.А. Евангелическо-лютеранская церковь св. Марии в г. Саратове (1770–1935). Саратов, 1995. 99 с.

34. Лиценбергер О.А. Римско-католическая Церковь в России: история и правовое положение. Саратов: Поволжская Академия государственной службы, 2001. 384 с.
35. Лозинский С.Г. История папства. 3-е изд. М.: Политиздат, 1986. 382 с.
36. Лор Э. Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 304 с.
37. Максимов А.А. Безопасность колонии Сарепта в 1771–1774 гг. // Астраханские краеведческие чтения. Астрахань: Изд-во Р. В. Сорокин, 2010. Вып. 2. С. 167–172.
38. Мельгунов С.П. Церковь и государство в России: (К вопр. о свободе совести): Сб. ст. Вып. 1. Москва: т-во И.Д. Сытина, 1907. 194 с.
39. Морозова Н.В., Назарова Т.П. Помощь немецких колонистов фронту в годы Первой мировой войны (по материалам Государственного архива Волгоградской области) // Вестник ВолГУ. Серия 9. Вып. 12. 2014. С. 30–34.
40. Морозова Н.В., Назарова Т.П. Религиозные аспекты антинемецкой кампании на страницах русской прессы (1914–1917 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 2–1 (52). С. 123–125.
41. Назарова Т.П. Немецкие колонии Нижнего Поволжья в условиях роста антинемецких настроений в русском обществе в годы Первой мировой войны // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия: Проблемы социально-гуманитарного знания. 2014. Т. 19. № 24 (151). С. 15–18.
42. Насонова О.В. Библиотека Сарепты: страницы истории (1774–1927 гг.) / Сарепта в истории России (материалы Международной научной конференции, посвященной 250-летию основания Сарепты), 18 сентября 2015 г. / Историко-этнографический и архитектурный музей-заповедник «Старая Сарепта». Волгоград: ИП Никулина, 2015. С. 140–149.

43. Никулина И.Н. Религия и политические ссыльные Западной Сибири в XIX в. (20-е – первая пол. 70-х гг.): монография / И.Н. Никулина; М-во образования и науки Рос. Федерации, Алт. гос. техн. ун-т им. И.И. Ползунова. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2004. 175 с.
44. Никулина И.Н., Серак Е.В. Католические священники, сосланные в Западную Сибирь после подавления Январского восстания 1863–1864 гг.: некоторые вопросы исследования // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. 2022. № 2 (124). С. 29–33.
45. Петрова Е.А. Конфессии в Саратовском Поволжье, их положение и влияние на население к 1917 году // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 256–261.
46. Плева И.Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. 2-е изд. М.: Готика, 2000. 448 с.
47. Попель-Махницки В., Плескачиньски А., Плескачиньска К. Неоткрытые путешествия. Дневник экспедиции Бронислава Громбчевского 1889–1890 как свидетельство истории и элемент культурного наследия. Познань: Изд-во ун-та им. Адама Мицкевича, 2017. 675 с.
48. Попов А.И., Хомченко С.Н. Военнопленные Наполеоновской армии в Астраханской губернии в 1812–1814 гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16. № 3–2. С. 373–381.
49. Рогожина А.С. Голод 1891–1892 гг. в освещении газеты «The Times» // *Studia internationalia: Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.*: Материалы X международной научной конференции, Брянск, 22–23 сентября 2022 года. Брянск: Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, 2022. С. 84–91.
50. Сабитова А.И. Принцип конфессиональной принадлежности имущества религиозного назначения // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 5, Юриспруд. 2012. № 2 (17). С. 316–319.

51. Саввинский И.И. Католики и лютеране в Астраханской епархии и отношение к ним Св. синода и местной епархиальной власти. Астрахань: Типография В.Л. Егорова, 1902. 61 с.
52. Семьянинов В.П. Саратовская губерния в годы Первой мировой войны // Социально-экономическое развитие Поволжья в XIX – начале XX века: Сб. статей. Куйбышев: Б.м., 1986. С. 129–142.
53. Сушко А.В., Петин Д.И. Процесс обращения в православие военнопленных славян в Омске (1915–1917 гг.) // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2021. Вып. 103. С. 78–98.
54. Тарунина Н.В. Положение российских немцев в годы Первой мировой войны (на примере Царицынского уезда) // Вопросы краеведения. Вып. 11. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2008. С. 201–204.
55. Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование: в 2 т. Т. 1. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1903. 538 с.
56. Тимофеева Е.Г. Иностранцы под надзором полиции в Астраханской губернии в 1812–1814 гг. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2012. № 9 (73). С. 14–18.
57. Тимофеева Е.Г., Лебедев С.В. Беженцы Великой войны в Астраханской губернии 1915–1918 гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. № 4 (41). С. 288–295.
58. Тимофеева Е.Г. Политика государства по отношению к военнопленным Наполеоновской армии в 1812–1814 гг. (на материалах Астраханской губернии) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 2. С. 30–36.
59. Тихонова А.В. Ужесточение надзора за иностранцами в Российской империи с началом Отечественной войны 1812 года // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2014. № 4 (32). С. 18–25.

60. Толстой Д.А. Римский католицизм в России. Историческое исследование. Т. 1–2. СПб.: Издание и типография В.Ф. Демакова, 1876–1877. 544 с.
61. Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М.: Культур. центр «Духов. б-ка», 2002. 623 с.
62. Фролова К.В. Беженцы Первой мировой войны в Самарской губернии (1914 – начало 1920-х гг.) // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2017. № 5. С. 75–96.
63. Хомченко С.Н. Военнопленные поляки в Астраханской губернии в 1812–1815 гг. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: материалы XIII Всерос. науч. конф. М., 2006. С. 306–313.
64. Цимбаева Е.Н. Русский католицизм: Идея всеевропейского единства в России XIX века. М.: Изд-во ЛКИ, 2013. 208 с.
65. Шейнман М.М. Ватикан и католицизм в конце XIX – начале XX в. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 468 с.
66. Шульга И.И. Немцы Поволжья в российских вооруженных силах: воинская служба как фактор формирования патриотического сознания. М.: АОО «Международный союз немецкой культуры», 2008. 176 с.
67. Юстус К.Ф. Приволжские колонисты. (По поводу закона 2 февраля 1915 г.). Саратов: Электро-Типо-Литография Б.Л. Рабинович, 1917. 32 с.
68. Borchardt A. Deutschrussische Rückwanderung. Berlin: Verlag von Georg Stilke, Hofbuchhändler S. K. u. K. H. des Kronprinzen, 1915. 20 p. [Борхардт А. Немецко-русская обратная миграция. Берлин: Издательство Георга Штильке, придворного книготорговца наследного принца, 1915. 20 с. Перевод авт.].
69. Dalos G. Geschichte der Russlanddeutschen. Von Katharina der Großen bis zur Gegenwart. München: C.H. Beck, 2014. 336 p. [Далос Г. История российских немцев. От Екатерины Великой до наших дней. Мюнхен: К.Х. Бек, 2014. 336 с. Перевод авт.].
70. Dalton H. Beitrage zur Geschichte der evangelischen Kirche in Russland. Bd. I: Verfassungsgeschichte der evangelisch-lutherischen Kirche in Russland. Berlin: Verlag

Von Reuther and Reichard, 1905. 472 p. [Дальтон Х. Вклад в историю Евангелической церкви в России. Том I: Конституционная история евангелическо-лютеранской церкви в России. Берлин: Издательство Ройтера и Райхарда, 1905. 472 с. Перевод авт.].

71. Graefe I.B. Zur Volkskunde der Rußlanddeutschen in Argentinien. Wien: A. Schendl, 1971. 162 p. [Грефе И.Б. О народоведении российских немцев в Аргентине. Вена: А. Шендл, 1971. 162 с. Перевод авт.].

72. Krieger V. Kolonisten, Sowjetdeutsche, Aussiedler. Eine Geschichte der Russlanddeutschen. Bonn: Bundeszentrale für Politische Bildung, 2015. 272 p. [Кригер В. Колонисты, советские немцы, переселенцы. История российских немцев. Бонн: Федеральный центр политического образования, 2015. 272 с. Перевод авт.].

73. Lane A. Deutsche Bauernkolonien in Russland. Ein Beitrag zur Orientierung über ihren Zustand und über Rückwanderer-Bewegung. Berlin: Wilhelm Süsseroff, 1910. 28 p. [Лейн А. Немецкие крестьянские колонии в России. Вклад в информирование об их состоянии и о движении репатриантов. Берлин: Вильгельм Зюссерофф, 1910. 28 с. Перевод авт.].

74. Meissner B., Neubauer H., Eisfeld A. Die Russlanddeutschen. Gestern und heute. Köln: Markus Verlag, 1992. 291 p. [Мейснер Б., Нойбауэр Х., Айсфельд А. Российские немцы. Вчера и сегодня. Кельн: Издательство Марка, 1992. 291 с. Перевод авт.].

75. Zottmann A. Bischof der Diözese Tiraspol: Züge katholischen und deutschen Lebens aus Russland geschildert von A. Zottmann, Priester der Diözese Eichstätt. München: Joseph Roth'sche Verlagshandlung, 1904. 220 p. [Цоттман А. Епископ Тираспольской епархии: Особенности католической и немецкой жизни в России, описанные А. Цоттманом, священником Айхштеттской епархии. Мюнхен: Издательский дом Йозефа Рота, 1904. 220 с. Перевод авт.].

Диссертационные исследования

76. Амбарцумов И.В. Неправославные христианские исповедания в системе российской государственности (конец XIX в. – июль 1914 г.): диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02. Санкт-Петербург, 2015. 256 с.
77. Ананян Е.В. Эмиграция немцев Поволжья в Америку в 70-е годы XIX в.: предпосылки, причины и результаты: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02: Волгоград, 2004. 172 с.
78. Лиценбергер О.А. Римско-католическая и Евангелическо-лютеранская церкви в России: сравнительный анализ взаимоотношений с государством и обществом (XVIII – начало XX вв.): дисс. ... докт. ист. наук. Саратов, 2005. 488 с.
79. Машковцев А.А. Конфессиональная политика государства в отношении католиков и протестантов Среднего Поволжья и Приуралья во второй половине XIX – начале XX века: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук / Машковцев Андрей Анатольевич. Ижевск, 2015. 541 с.
80. Повод И.В. Реализация государственной политики в отношении инославных конфессий и нехристианских (авраамических) вероисповеданий в регионе с преимущественно православным населением: на примере Рязанской губернии конца XVIII – начала XX века: диссертация кандидата исторических наук: 07.00.02 / Повод Илья Владимирович; [Место защиты: Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского]. Рязань, 2018. 234 с.
81. Решетов Д.Г. Влияние Первой мировой войны на социально-экономическое развитие немецких колоний Нижнего Поволжья // Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Саратов, 2006. 239 с.
82. Тихонов А.К. Политика Российской империи по отношению к католикам, мусульманам, иудеям в последней четверти XVIII – начале XX в.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02 / Тихонов Андрей Константинович; [Место защиты: ГОУВПО Санкт-Петербургский государственный университет]. Санкт-Петербург, 2008. 496 с.

Учебно-методические пособия, очерки

83. Ватикан: натиск на Восток. М.: Одигитрия, 1998. 208 с.
84. Гараджа В.И. Протестантизм. М.: Политиздат, 1971. 200 с.
85. Герман А.А., Плевне И.Р. Немцы Поволжья: Краткий исторический очерк. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2002. 144 с.
86. Дитц Я.Е. История поволжских немцев-колонистов. М.: Готика, 2000. 496 с.
87. Задворный В.Л., Юдин А.В. История Католической церкви в России. Краткий очерк. М.: Издание колледжа католической теологии имени св. Фомы Аквинского, 1995. 26 с.
88. Зиннер П.И. Немцы Нижнего Поволжья. Исторический очерк. Выдающиеся деятели из колоний Поволжья. Саратов, 1925. 20 с.
89. Кустов Н.И. Польский комитет по оказанию помощи жертвам войны в гор. Москве // Краткие очерки о деятельности национальных и благотворительных организаций, оказывающих помощь беженцам в гор. Москве. М.: Тип. «Русского о-ва», 1917. 117 с.
90. Мчедлов М.П. Католицизм. М.: Политиздат, 1970. 271 с.
91. Чанышев А.Н. Протестантизм. М.: Наука, 1969. 216 с.
92. Штах Я.Г. Очерки по истории и современной жизни южнорусских колонистов. М.: т-во тип. А.И. Мамонтова, 1916. 266 с.